

Пыряева
Капитолина Андреевна

**Жизнь прожить –
не поле перейти**
(дневники старицы)

Капитолина Андреевна Пыряева

**Жизнь прожить –
не поле перейти
(дневники старицы)**

2021. Переславль – Залесский

УДК 281
ББК 8637
Ф 42

**ПОСВЯЩАЕТСЯ 800-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВ. КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
(1221-2021 гг.)**

**ПОСВЯЩАЕТСЯ 600-ЛЕТИЮ ЯВЛЕНИЯ
ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ
(1423-2023 гг.)**

**Посвящается 95-летию со дня рождения
Капитолины Андреевны Пыряевой
(1926-2021 гг.)**

Капитолина Андреевна Пыряева

Жить прожить – не поле перейти (дневники старицы)

Издательство ... 2021. – ... с.110

ISBN ...

Рукописи матушки Капитолины Андреевны Пыряевой, состоящие из нескольких тетрадей, печатаются по её трудам впервые. В рукописях, написанных живым и ярким языком, рассказывается о подвижниках веры православной, духовном становлении человека, стойкости жизни верующих людей в годы лихолетий и гонений. Матушка вспоминает о своём отрочестве и юности, поиска путей спасения, несения подвига монашествующих, удивительных и прекрасных людях, которые повстречались ей в долгой и трудной жизни.

УДК 281
ББК 86.37

Оглавление

Вступительная статья	
перед изданием рукописей Капитолины Андреевны Пыряевой	5
Жить прожить – не поле перейти	36
Матушка Клавдия	75
Матушка Сусана	80
Матушка Мария	83
Инокня Мария.....	89
Священноигумен Иона	93
Схимонах Николай Гаванских	100
Литература	109

Вступительная статья перед изданием рукописей Капитолины Андреевны Пыряевой

Без Бога нельзя познать истину. Выдающиеся гении человечества, способствовавшие своими открытиями становлению и развитию современной науки, как: Декарт, Линней, Ампер, Планк, Ньютон, Коллинз, Коперник, Бойль, Кеплер, Пастер, Бэкон, Эйнштейн – верили в Бога. Основоположники отечественной науки, русские философы и писатели были глубоко верующими людьми. Великий русский учёный М.В. Ломоносов писал о премудрости Божией: *«Природа есть в некотором смысле Евангелие, благовествующее громко творческую силу, премудрость и величие Бога. И не только небеса, но и недра земли проповедуют славу Божию»*. Великий русский хирург Н.И. Пирогов говорил: *«Верую, что основной идеал учения Христа, по своей недостижимости, останется вечным, и вечно будет влиять на души, ищущие мира через внутреннюю связь с Божеством....»*. *«Так, если бы я и хотел теперь не признавать существование Бога, то не мог бы этого сделать, не сойдя с ума»*. Выдающийся химик Д.И. Менделеев и физиолог Лауреат Нобелевский премии И.П. Павлов – глубоко верующие люди, не скрывали своих религиозных убеждений.

Наш современник, легендарный профессор, архиепископ-хирург, спасший тысячи жизней – святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий), работавший в инфекционной Переславской больницы, писал: *«Если брать религию по существу, то есть как внутреннее переживание, как преклонение перед Богом и общение с Ним, то мы должны согласиться, что наука не только не противоречит религии, но более того – наука приводит к религии»*. Примечателен тот факт, что матушка Капитолина Андреевна Пыряева, будучи по профессии медицинским работником, очень почитала профессора медицины В.Ф. Войно-Ясенецкого, который в свой Переславский период жизни (1910-1917 гг.), принимал своих больных именно в том помещении, где в последствии прожила последние 30 лет матушка Капитолина Андреевна.

Приходит время и Господь посылает таких помощников, о которых я не мог и подумать. Среди них, особое место в моей жизни занимает старица Капитолина Андреевна Пыряева. Удивительной была стойкости духа православного матушка Капитолина. Много знала и читала, была высокообразованным человеком, хотя не имела высшего образования. И до конца своей жизни несла многочисленные послушания, которые ей давали духовные отцы и старцы-отшельники.

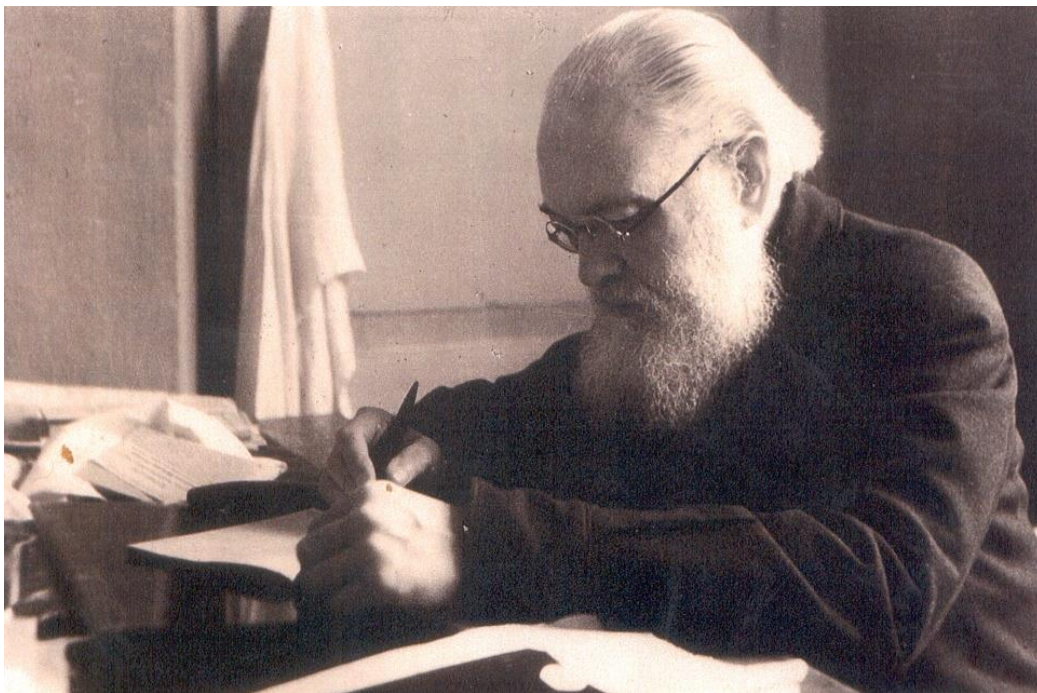
2012г. Переславль-Залесский. Матушка Капитолина Андреевна Пыряева

2007г. Переславль-Залесский. Сохранившееся здание приёмного покоя больницы, где принимал больных В.Ф. Войно-Ясенецкий и жила матушка Капитолина Андреевна

2007г. Переславль-Залесский. Мемориальная доска на здании Переславской инфекционной больницы, где работал хирургом святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий)

Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий 1877-1961 гг.)

Вот как она начинает своё жизнеописание: *Родилась я в 1926 году. Со слов моей крёстной матери, произошло это в городе Переславле, в Борисовской больнице. До самого школьного возраста (почти безвыездно) я прожила в небольшой деревне Соловеново в доме у моей бабушки (по материнской линии). Меня туда взяли тётки, когда мне было всего 7 месяцев, т.к. моя мать после родов очень долго болела. Кормили меня молоком, манной несладкой кашей. У бабушки была своя корова, другой домашний скот, очень много кур. Тёток у меня было три. Тётка Ксения была церковным старостой в селе Бол. Брембола. Другая тётка Прасковья в связи коллективизации уехала в Петроград, где была домработницей в семье профессора М.И. Граменицкого, с которыми она и прожила свой век до самой смерти хозяйки – Анны Петровны Граменицкой. Но из трёх моих тёток я была навек душой привязана к своей второй матери, моей крёстной – тетке Анастасии».*

Из рассказов матушки мы узнаём, что она была духовной дочерью и знакома со многими подвижниками веры православной того времени. Первый её духовный отец был благодатный старец священноигумен Иона из Красного села. Вот как вспоминает матушка Капитолина первую встречу с батюшкой: *Наше с ним знакомство произошло совершенно случайно, шёл мне тогда 12-й год. В это время действующим храмом во всей Переславской округе был в Троицкой Слободке, где священником служил очень старый отец Феофан. Мы с крёстной в день Преображения Господня (19 августа 1937 г.) пришли из города, чтобы освятить несколько яблок. После окончания службы мы подошли к могилке Мишеньки-Самуила, захороненного в 1908 году у самого алтаря церкви. Подошёл туда же немного*

согбенный, убелённый сединами старец, с очень тонкими чертами лица, с орлиным носом, который разделял карие глаза, похожие на две спелые вишни. В руках он держал очень поношенный офицерский, морского покроя, картуз, обутый в старые, но хорошо начищенные, офицерские сапоги до колен, одетый в полупальто серого цвета (типа пиджака-«толстовки»), подпоясанный широким старым офицерским ремнём. Завязанные на затылке в пучок чёрной ленточкой, немного поседевшие пышные волосы, спускались за воротник и обрамляли его строгой мужской красоты лицо. После смерти отца Иона был старец Симеон Псково-Печерский; матушка бывала у святого старца Серафима Вырицкого, который давал ей советы в трудные моменты жизни; бывала у старца Сампсона (Сиверса); знала и окормлялась у Охтинского страдальца (как называла матушка) старца Николая Гаванского из Питера (Николай Николаевич Радышкевич), который дал ей удивительную молитву для келейного чтения: *За всё прими от нас честь, хвалу и славу Пресвятая Троица: Отец, Сын и Дух Святой, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.* В течение долгой и трудной жизни матушка окормлялась и вела переписку со многими старцами, в том числе: Патроклием, Корнилием, Антонием, Нафанаилом, Тимолаем и др. Среди ее последних наставников был старец-отшельник схиархимандрит Назарий, который не так давно почил в возрасте далеко за сто лет. Он подвизался в горах. Батюшка Назарий был из военных врачей, полковник, окончил Военно-медицинскую академию в Питере, прошёл всю Великую отечественную войну, а после войны принял монашество. Его келейница – матушка схимонахиня Варвара, была очень дружна с матушкой Капитолиной и тоже была до пострига военврачом, прошедшая всю войну. Все трое православных подвижника ушли от нас в течение небольшого отрезка времени – семи месяцев, один за другим. Сначала батюшка Назарий - на Преображение Господне 19 августа 2012 г., затем матушка Варвара - в Рождественский поста 2012 г., потом матушка Капитолина - в Великий пост 2013 года. Царствие небесное и вечный покой, нашим великим молитвенникам.

Отдельно надо сказать о первом духовнике Капитолины Андреевны - священноигумене Ионе, о котором матушка с любовью вспоминала. Это удивительная история, переданная матушкой в своих воспоминаниях: *Отец Иона был игумен и духовный сын отца Варнавы из Гефсиманского скита, духовник Новодевичьего монастыря, который только что разогнали, поэтому его выслали из Московской области за 101-й километр. Сам он бывший англичанин (родился в Англии), сын очень богатых родителей, закончил морское офицерское учебное заведение, был назначен на большой корабль дальнего плавания.*

Именно в этот момент в 1937 году и познакомилась Капитолина Андреевна, будучи ещё 12-летней девочкой с игуменом Ионой, когда он приехал к своей сестре монахине Тамаре в Переславль. При жизни матушка часто вспоминала своего первого духовника, бывали мы с

ней и на его могилке в Красном селе, расположенной с левой стороны от храма. Царствие Небесное, вечный покой тебе, священноигумен Иона, с честью пронесший свой великий подвиг старчества.

В 1997-2003 годах матушка Капитолина была еще достаточно подвижна, и мы с ней много ездили ко многим святыням Ярославской губернии, в том числе и к Животворящему Кресту в Годеново. Матушка знала все Переславские святыне источники, особенно любила Варваринский источник в лесу за Плещеевым озером, мне доводилось часто привозить ей водицы с этого целебного источника. Матушка показала много святых мест в Переславле: вот тут православного священника расстреляли (у храма митрополита Петра), а тут она похоронила монахинь (инокинь Марии, Марфы, Сусанны, блаженной монахини Александрии, девственницы Анастасии).

1997г. Переславль-Залесский. Старое центральное кладбище. Капитолина Андреевна показывает крест над могилой инокинь Марии, Марфы, Сусанны, блаж. монахини Александрии, девственницы Анастасии

Глубоко почитала матушка местночтимого Переславского святого Михаила-Самуила и блаженного Никиту-девственника, могилы которых она мне в первый год нашего знакомства показала. По её благословию были заказаны большие православные кресты в Никитском монастыре этим святым угодникам и по её молитвам эти кресты мы поставили.

Удивительно, что от самого блаженного Михаила-Самуила у неё хранилась благословленная им чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших», которая впоследствии была передана другому блаженному Никите-девственнику, который лично благословил ещё девочкой Капитолину Андреевну: *«Вот тебе моё иноческое*

благословение на твой жизненный путь – ты скоро в школу пойдёшь, молись Царице Небесной. Икона называется «Взыскание погибших». Через год Никиту-девственника, как вспоминает матушка, хоронили все, кто знал его великую силу благодати – прозорливости, ясновидения. Он был похоронен на новом Переславском кладбище.

В 1934 году Дуняша – хожалка Никиты – принесла благословенную икону в церковь преподобного Корнилия и положила на раку с его мощами. После службы Дуня передала икону матушке. Впоследствии этот чудотворный образ был передан Капитолиной Андреевнй по благословению старцев-отшельников благочестивому христианину, которого матушка Капитолина ждала на своём жизненном пути почти 25 лет. В настоящее время возводится храм во имя этой иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Тульской области посёлок Студёный.

Икона Божией Матери «Взыскание погибших»

Молитва Божией Матерью её иконе «Взыскание Погибших»

О, Богоизбранная Заступница грешных, взыскание погибших и Наставнице заблудших! Ты не презираешь удалившейся своеволием от пажити Сына Твоего блуждающей в дебрях греха бедной словесной овцы, но шед, ищешь заблудшую. Кто исследит пути милосердия Твоего? Будь милостива ко всем: погибающих извлеки из бездны погибели, заблудших обрящи и настави, удаленных обрати и привлеки, обращающихся к Тебе и приближающихся прими и спаси. Всех же кающихся к Сыну Твоему, Доброму Пастырю, и Богу нашему приведи, да молитвами Твоими не будет ни единыя овцы без вести пропавшая, но да будет едино стадо и един Пастырь, иже упасет души наша и откроет ходатайством Твоим двери во обители вечныя. Аминь.

Матушка Капитолина Андреевна много молилась местночтимому Переславскому святому блаженному Михаилу-Самуилу, чья могила находится в Троицкой слободе г. Переславль-Залесского, часто бывала у его могилы и посылала всех страждущих к нему.

1907г. Местночтимый святой блаженный Михаил-Самуил Переславский

По преданию во время торжеств, посвящённых 300-летию Дома Романовых на могиле Михаила-Самуила останавливался сам государь Николай II со свитой, отслуживших литию этому православному подвижнику.

Тропарь, глас 4 Михаилу Самуилу

Земли Переславския прозябение, Христа ради юродство приял еси, тягость зноя летняго понесл еси и мразы зимняя терпя, и вся красная мира сего возненавидев, в посте и молитве пребывая в притворе церковнем, в целомудрии и чистоте, блаженне Михаиле, жительствовавал еси, не осквернив плоти, наставляем отцем духовным Самуилом, и по смерти источаеши велия чудеса иже с верою притекающим ко святому гробу твоему: моли Христа Бога избавитися нам от всякаго зла покаянием.

1997г. Переславль-Залесский. Троицкая слобода. Матушка Капитолина Андреевна показывает могилу блаженного Михаила-Самуила у храма во имя Живоначальной Троицы

2013г. Строящийся храм-часовня во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Тульской области посёлок Студёный по благословению старцев Назария и Илия, матушки Капитолины Андреевны. Аналогичный храм во имя пр. Сергия Радонежского строится в бывшей ГУЛАГовской зоне 147 на севере Удмуртии по благословению тех же старцев

Моё знакомство с матушкой произошло в августе 1997 года. В 90-х годах только начинал воцерковляться, читал первые православные свято отеческие книги, путешествовал по святым местам. И вот проезжая по Золотому кольцу мы впервые приехали в Переславль-Залесский. Известно, что Переславль не только жемчужина Золотого кольца, но и в своё время был неофициальной столицей древнего государства Российского, когда ещё небольшой град Москва, на кратком историческом отрезке входил в удельное княжество Переславль-Залесское.

Переславль-Залесский – это Земля русской святости и Город русских монастырей. В нём сохранилось 6 монастырей, из них 4 действующих: самый древний монастырь России, основанный в 1010 году первым русским святым князем-страстотерпцем Борисом, братом

святого князя-страстотерпцем Глеба - Переславский Никитский мужской монастырь, Переславский Федоровский женский монастырь, Троицкий Данилов мужской монастырь, Переславский Никольский женский монастырь, Горицкий Успенский монастырь (закрыт в 1744 г., н.в. музей), Богородицко-Сретенский Новодевичий монастырь (упразднён в 1764 г., но остались действующие храмы), было около 50 храмов, церквей и часовен - только первопрестольная Москва, основанная в 1147 году тем же князем Юрием Долгоруким, могла сравниться с количеством монастырей и храмов с Переславль-Залесским, основанным князем через 5 лет в 1152 году.

Переславль-Залесский посещали почти все великие князья и цари рода Рюриковичей, Годуновых и Романовых. Переславль-Залесский связан с именем Ивана Грозного, ходившим на богомолье в 1560-х годах в Никитский монастырь, с именем Петра Первого, строившим /1688-1692 гг./ будущий Российский флот на Плещеевом озере. Земский староста Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский вели в 1612 году народное ополчение из Нижнего Новгорода на Москву через Ярославль и Переславль-Залесский, собирая народную рать в этих городах. Переславль-Залесский связан с именем Петра I, в этом городе он создавал Российский флот. Именно в Переславль-Залесском начинал писать свой выдающийся труд «Очерки гнойной хирургии» земский врач В.Ф. Войно-Ясенецкий. Этот святой град многое дал нашей великой России.

Любуясь храмами и монастырями когда-то столицы северной Руси – Переславль-Залесским мы посетили один из пяти монастырей Переславля - Горицкий Успенский монастырь, основанный ещё в XIV веке при Иване Калите, в котором расположен государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Именно в этом древнейшем монастыре мы познакомились с удивительнейшим и прекрасным человеком Капитолиной Андреевной Пыряевой, которая работала в монастыре в качестве смотрителя. Рассматривая величественное убранство древнего Успенского храма меня заинтересовали фрески красивейшего иконостаса.

Вот как описывает матушка Капитолина (со слов своего духовника отца Ионы) в своих воспоминаниях Горицкий монастырь: *На территории монастыря построен такой собор, что равных ему во всей Руси не найдешь: около 40 метров до купола высота, иконостас 5-ти ярусный со скульптурами у Царских ворот из липового дерева, весь покрыт сусальным золотом, привезённый из Москвы на лошадях и сделанный по заказу самой царицы Екатерины I. Паникадила там сделаны из червонного золота, в них выбиты гнёздышки для свечей, привезены тоже из Москвы и подвешены мастерами по заказу царицы Елизаветы*

II. Хоры сделаны на втором этаже для торжественных событий. Две фигуры изображают Ангелов, а на самом деле, по замыслу самой царицы, эти фигуры изображают царскую архитектуру.

г. Переславль-Залесский. Горицкий Успенский монастырь
(источник <https://poznanka.ru/russia/goritskiy-monastyr-v-pereslavle>)

Конечно, у меня возникло много других вопросов по поводу величия и красоты убранства храма и мне пришлось обратиться к смотрительнице - матушке Капитолине. Выслушав её, вежливо спросил, что же еще можно посмотреть в земле Переславской. На что она с радостью рассказала, что недавно был передан удел земли в селе Годеново в Ростовском районе Переславскому Свято-Никольскому женскому монастырю, где находится Животворящий Крест Господень.

Через пару недель, 16 августа 1997 года взяв своего друга профессора Кутышенко Виктора Павловича, мы направились на поиски святого места пребывания Креста. К нашей великой радости мы достаточно быстро нашли село Годеново. Трудно было поверить, что в самой глуши Ярославской губернии вокруг топких болот и лесов находится всем «забытая» святыня - Животворящий Крест Господень. Обветшавший старинный храм во имя св. Иоанна Златоуста (1784 года постройки), где находилась великая святыня, представлял собой красивейшее зрелище среди болот и лесов. Но монахинь мы не увидели,

а были лишь три послушницы, которые жили в кладбищенском домике. Одну из них – старшую звали Татьяна, которая приехала из Челябинска. Именно Татьяна, которая затем стала монахиней Силуаной служит и несёт послушания у Креста Господня с самого начала, с того момента, когда в начале 1997 года монастырь организовал в селе Годеново своё подворье и по сей день. Именно старица Капитолина Андреевна открыла для нас в тот далёкий 1997 год Животворящий Крест Господень.

Мой интерес был живой и искренний, поэтому попросил у послушниц в Годеново познакомиться с какими-либо документами и материалами о Животворящем Кресте Господнем, на что сестры дали мне в руки один старый потёртый экземпляр ксерокопии книги, напечатанной ещё до революции в 1882 году о Явлении Животворящего Креста Господня.

Вот как описываются эти события в переданной мне ксерокопии: *«...То вдруг явился посреди света на воздухе Животворящий Крест Господень. На нем образ распятия Господня, лик Божий, а перед ним явился чудотворец великий Николай со святым Евангелием и встал вблизи от пастухов на болоте. Пастухи от страха упали как мертвые на долгое время. И укрепляемые Божьей силой, едва пришли в чувство, как услышали голос от распятия Господня, говорящий им: Будет на сем месте благодать Божия и дом Божий; и если кто с верой придет помолиться будут многие исцеления и чудеса от Животворящего Креста молитв ради чудотворца Николая. Идите и расскажите об этом всем людям, чтобы на месте этом поставили церковь мою».*

**СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНІИ
ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРЯЩАГО
КРЕСТА ГОСПОДНЯ
И
ВЕЛИКАГО ВО СЯТИТЕЛѢХЪ
ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ
ВЪ НИКОЛЬСКОМЪ ПОГОСТѢ,
ЧТО СЛОВЕТЪ НА БОЛОТѢ У ІІСУСОВА БРЕСТА
и о благодатныхъ знаменіяхъ и чудесныхъ исцѣленіяхъ
отъ животворящаго креста Господня
И СЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ.**

Издание церковнаго старосты крестьянина Василя Петровича
Ехлакова.

**ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. Фалькъ.
1882.**

Обложка издания 1882г. книги «Сказание о явлении Честного Животворящего Креста Господня и великого во святителях Чудотворца Николая» изданная церковным старостой крестьянином Василием Петровичем Ехлаковым

1997г. Старинный храм св. Иоанна Златоуста (1784 г.) в селе Годеново. Место нахождения Животворящего Креста Господня

1997г. Никольский погост. Место явления Животворящего Креста Господня в 1423 году

Так мы впервые в середине 1997 года познакомились с Годеновским Крестом, именно так в последствие стали называть в народе - Животворящий Крест Господень в селе Годеново, именно по месту нахождения, а не по месту Явления – Никольский погост или село Антушково. Возвращаясь обратно в Москву, мы, конечно, заехали к матушке Капитолине и доложили о нашем открытии - месте пребывания Креста, на что она очень обрадовалась и рассказала, что к поискам этого места она посылала шесть человек паломников и вот только мы седьмые нашли это святое место. Попрощавшись, мы получили благословение приехать к ней ещё раз.

В следующий приезд к Кресту, который состоялся через короткое время, мы уже просили сестёр показать нам место явления Креста – Никольский погост, который находился в соседней Ивановской епархии в шести километрах от Годеново. Автомобильной дороги к этому месту из Годеново не было, ездили на тракторах и гужевым транспортом, т.к. в Никольский погост на авто можно было добраться через Ивановскую епархию. Но мы рискнули и с большим трудом добрались до места явления Креста. Впечатление было удручающее.

К тому времени в 1997 году от древнего Крестовоздвижения храма сохранились лишь два яруса колокольни и двухэтажный разрушенный кирпичный корпус, возвышающиеся на этом необыкновенном холме посреди Сахотского болота. И только *Нерукотворный холм*, возникший чудным образом за одну ночь в те далёкие времена, напоминал бывшее величие этого святого места. Было полное запущение и разруха, трудно было представить, что через некоторое время в 1998 году здесь с Божьей помощью и усилиями игумена Бориса Храмцова (1954-2001 гг.) начнется строительство монастыря во имя Сошествия Креста Господня, являющегося подворьем Николо-Шартомского мужского монастыря Ивановской епархии.

Весною 2001 года по благословению владыки Амвросия, архиепископа Иваново-Вознесенского и Кинешемского, приступили к возведению стен нового храма на старом фундаменте - строительству каменного Крестовоздвиженского храма, деревянной церкви Николая Чудотворца и приему паломников в это святое и великое для всех православных христиан место. Помогите им Господи!

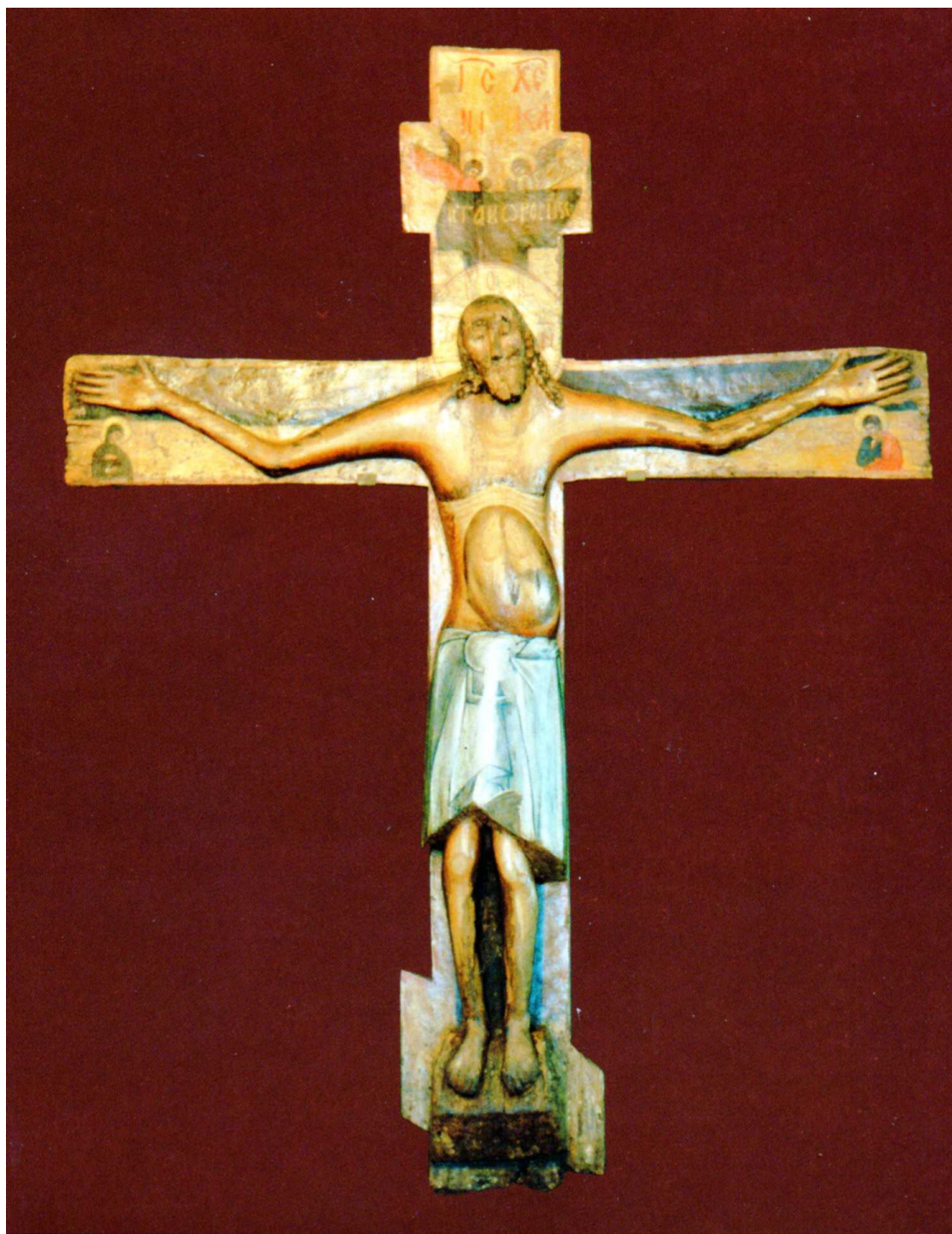
Через два года в 1999 году по благословению матушки Капитолины и старца Назария, мы напечатали первый тираж книги: «Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая в Никольском погосте, что слывет на болоте у Иисусова Креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от Животворящего Креста Господня и святителя и чудотворца Николая» небольшим тиражом, всего лишь 3 тыс. экземпляров. Не маловажный факт, оказалось, что первое после революционное издание 1999 года нашей книги совпало с 125-летием первого издания 1874

года в России о Животворящем Кресте Господнем, который в те далёкие времена осуществил церковный староста Василий Петрович Ехлаков. Чем ещё примечательно новое издание книги о Годеновском Кресте. По благословению старца Назария была размещена очень редкая и старинная репродукция иконы Господь Вседержитель. Также размещено жизнеописание Переславского блаженного, местночтимого святого Михаила-Самуила.

1997г. село Годеново, Храм Иоана Златоуста, Животворящий Крест Господень

Как сказал о Животворящем Кресте Господнем один из священников Горненского монастыря в Иерусалиме, служивший у самого Гроба Господня – *«Там Гроб Господень, а здесь – Сам Господь»*. Сильные слова.

2007г. с. Годеново. Животворящий Крест Господень после реставрации (фото монастыря)

Далее всё шло по нарастающей, по молитвам матушки Капитолины, старцев Назария и Илия, старцев – отшельников, схимонахинь Феодосии и Варвары, других православных подвижников и молитвенников были подготовлены следующие издания книги: издание 2002 года «Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая» напечатано тиражом в 30 тысяч экземпляров разошлась в течение полугода по всей России и далеко за её пределы (Афон, Греция, Аляска, Америка, Израиль, Индонезия и т.д.); издание 2006 года подготовлено тиражом 10 тысяч экземпляров, дополненное и переработанное; очередные издания 2009 и 2010 года довели тираж этой замечательной книге о Животворящем Кресте Господнем до 100 тыс.

Весь сто тысячный тираж был передан в православные храмы и монастыри безвозмездно, благодаря помощи старца Илия, монахини Ноны и других православных и инославных благодетелей. Помогите им Господи.

Какой огромный интерес к этому явлению, к этому народно-церковному преданию! Можно смело сказать, что Животворящий Крест в Годеново для всего православного мира был открыт по молитвам матушки Капитолины и старца Назария, которые первые благословили к изданию книгу о Годеновском Кресте. А я был простым исполнителем.

Со слов матушки Капитолины Животворящий Крест в Годеново она впервые видела в довоенное время. Маленькой девочкой она жила в Переславле, ездила к Кресту со своей родной тёткой. Крест хранился, как вспоминала матушка, у блаженной Фаины (Жиловой), которая активно участвовала в перенесении Животворящего Креста из Никольского погоста. Капитолина Андреевна, будучи ребенком, бывала в те далекие годы у старицы и видела благодатную помощь, которую оказывала Фаина с верой приходящих к ней людям. Животворящий Крест, некоторое время, в глубокой тайне хранился у блаженной Фаины в простенке дома, до лучших времён. По свидетельству очевидцев, блаженная Фаина, умирая, произнесла пророческие слова: *«...идите прикладывайтесь к Кресту и помните, что Крест всегда будет стоять в Годеново»*.

Много у матушки Капитолины было чудес. Вот, например, приезжаю к ней с гостями, а стол накрыт на пять человек. Говорю: откуда вы знаете, что нас будет пять, а не шесть? Она только улыбается и говорит, что ждала меня, что-то давненько не было. В другой раз, как-то принёс матушке её почитатель четыре пирожка на последние деньги купленные, попив чаёк с пирожками, матушка вдруг стала «расплачиваться» с ним, как ей наказывал старец Назарий, большой суммой денег, переданной ей от старца за пирожки.

Матушка жила в очень плохих условиях в квартире дома, принадлежащем инфекционной больнице, где когда-то работал святитель Лука. Крыша текла, зимой падал снег, спать раздетым в доме было нельзя. И вот со своими друзьям-коллегам мы решили

купить матушке домик в Переславле, привезли крупную сумму, передали матушке, а на следующий приезд запланировали оформить документы. Приезжаем, хотим вещи собирать для переезда, а матушка и говорит мне: «..простите, но я никуда не поеду, буду в этом доме зимовать...». Почему, удивляемся мы, ведь всё уже было решено на кануне и домик хороший и тёплый нашли и т.д. Оказывается, матушка всю сумму передала в обитель «Неусыпаемых» в горах для восстановления часовни и храма, где после дождей и ливней смыло часовню. Вот так матушка нас учила смиряться и нести свой крест на том месте, куда тебя Господь поставил. Но тем не менее, мы провели в её келии капитальный ремонт, поставили тёплую кирпичную печку и жить стало, как нам казалось, лучше.

В келии матушки Капитолины было много старинных икон которыми её благословляли многочисленные духовники и старцы. Однажды матушка перечислила мне своих духовников и старцев: священноигумен Иона, старец Симеон (прославленный в Псково-Печерском монастыре), святой Серафим Вырицкий, старец Самсон (бывший граф Сиверс), схиархимандрит Патрокий, схимонах Николай Гаванский, схиархимандрит Корнилий, схиархимандрит Антоний, схиархимандрит Нафанаил, игумен Тимолай, схиархимандрит Назарий и многое рассказала о их подвижнической жизни. Матушка хорошо знала келейницу старца Назария, схимонахиню Варвару бывшего военврача, старца схиархимандрита Василия, подвизавшегося рядом с отцом Назарием, старца схиархимандрита Рафаила, старицу из Подмосковья схимонахиню Рафаилу и многих других монахов и подвижников.

Один из старцев, по-видимому, отец Назарий, благословил матушку Капитолину Андреевну репродукцией старинной гравюры иконы Господь Вседержитель. История об этой репродукции, достаточно большая. Вот как рассказывал об это матушка Капитолина Андреевна. Впервые эта репродукция иконы Господь Вседержитель была напечатана в журнале «Русский паломник». Этот журнал долгое время хранился в Пантелеймоновом монастыре на Афоне. Далее эта репродукция попадает в Ферапонтов Белозерский монастырь и печатается тиражом в 1000 экз. Затем в С-Петербург, потом в Оптину пустынь, оттуда в Почаев, там образ попадает старцу Патроклию, который в свою очередь, благословил этой репродукцией старца Корнилия, от него, по-видимому, схиархимандриту Назарию, который и благословил матушку этим образом. Так поведала нам матушка Капитолина Андреевна историю этой стариной репродукции Господь Вседержитель, завещав написать с образа большую икону. Возможно, какие-то звенья в этой истории пропущены или забыты, но тем не менее, вызывает уважение, с какой тщательностью в своей памяти хранят наши молитвенники для будущих поколений церковные предания. Надеюсь, что найдём иконописца и выполним благословение матушки.

Репродукция стариной гравюры иконы Господь Вседержитель, принадлежащей матушке Капитолине Андреевне, благословение старца Назария

Молитва схимонаха Николая Гаванского «За всё прими от нас честь, хвалу и славу Пресвятая Троице – Отец, Сын и Святой Дух, всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»

Воспоминаний и предсказаний было много. В 2006 году матушка вместе со старцами Илием благословила меня на реставрацию Спасо-Преображенского собора XII века в Переславль-Залесском. Хотелось бы остановиться подробнее об этом соборе.

Спасо-Преображенский собор XII века г. Переславль-Залесский
(источник 23cfa90df0579e557ca8e9713b2ddcc3)

Спасо-Преображенский собор древнейший памятник русской истории и культуры домонгольской архитектуры, заложенный в 1152 году великим князем Юрием Долгоруким /1095-1157 гг./ при основании будущей столицы Северо-Восточной Руси града Переславль-Залесского и достроенный в 1157 году святым благоверным князем Андреем Боголюбским /1111-1174 гг./, является родоначальником Владимиро-Суздальского зодчества XII-XIII веков. Собор принадлежит к числу первых каменных сооружений, возведенных в середине

XII столетия и являлся усыпальницей Переславских князей в XII- XIV веках – сына и внука великого князя Александра Невского – князей Дмитрия Александровича /1250-1294 гг./ и Ивана Дмитриевича /1268-1302 гг./. Святой благоверный князь Александр Невский родился 30 мая 1221 года в Переславль-Залесском в княжеских теремах рядом со Спасо-Преображенским собором, заложенным его прадедом Юрием Долгоруким, в котором князя крестили и в дальнейшем принял так называемый «княжеский постриг». Рядом с собором стоит храм, построенный в 1740-е годы во имя Александра Невского с его мощевиком. В память о великом полководце и государственном деятеле президентом РФ подписан указ о праздновании в 2021 году 800-летия со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского /1221-1263 гг./.

В земле Переславской просияли великие подвижники Святой Руси, наверняка многие молившиеся в Спасо-Преображенском соборе: благоверный князь Александр Невский, благоверный князь Андрей Смоленский, преподобный Никита Столпник, преподобный Даниил Переславский, преподобный Корнилий Молчальник, преподобный Дмитрий Прилуцкий, преподобный Герасим Болдинский, блаженный Мишенька-Самуил Христа ради юродивый, блаженный Никита-девственник, пока ещё не прославленный.

В Спасо-Преображенском соборе Переславль-Залесского посвящали в игуменство в XIV веке игумена Земли русской Преподобного Сергия Радонежского. В Спасо-Преображенском соборе в XX веке молился легендарный земский врач, профессор медицины, архиепископ, святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий). С древнейших времён Спасо-Преображенский собор, расположенный на Красной площади на территории древнего города у подножия земляного вала XII века был одним из главных и градообразующих храмов Переславль-Залеского, в нём проходили самые значимые события в истории древнерусского города.

У меня были большие сомнения, что Благотворительный фонд имени академика И.П. Павлова будет допущен к реставрации т.к. это памятник федерального значения. Но по молитвам матушки и молитвам старцев мы успешно начали работать над реставрацией и изучением этого шедевра русской архитектуры около двух лет. Получен большой материал (несколько томов) и практический опыт по научно-проектным и исследовательским работам древнейшего собора. Но самое удивительное при реставрации полов храма, мы обнаружили неизвестные останки, с осторожностью отнеслись к ним, сообщили правящему архиерею и оставили на прежнем месте для будущих исследований (рис. 1, фото 1). Пости каждый месяц мы собирали совещания по реставрации собора, при этом матушка Капитолина всегда духовна находилась с нами и активно интересовалась реставрацией.

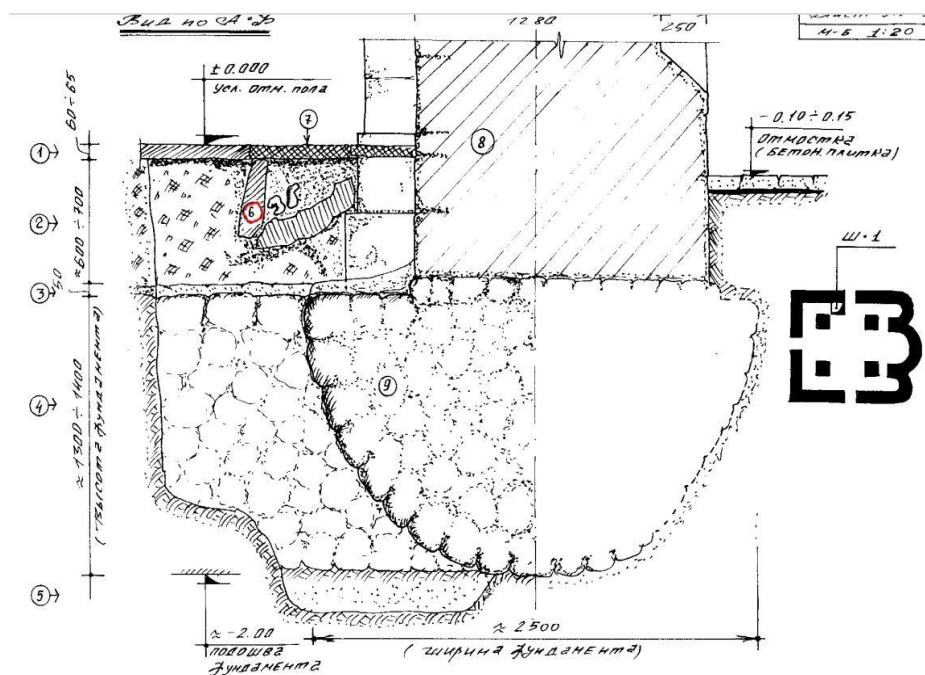

Рис. 1. Схема фундамента во время проведения ремонтно-реставрационных работ Спасо-Преображенского собора в 2006-2007 гг.

Условные обозначения: 1 – белокаменный пол XIX в., 2 – подсыпные полы XIX в., 3 – известковая проливка под фундамент XII в., 4 – супесчаный материковый выброс, 5 – материк, 6 – останки погребения XIX в., 7 – бетонные плитки на цементном растворе XIX в., 8 – стена собора из блоков белого камня, 9 – бутовый фундамент из валунного камня. Ш-1 – отмечено место шурфа в соборе.

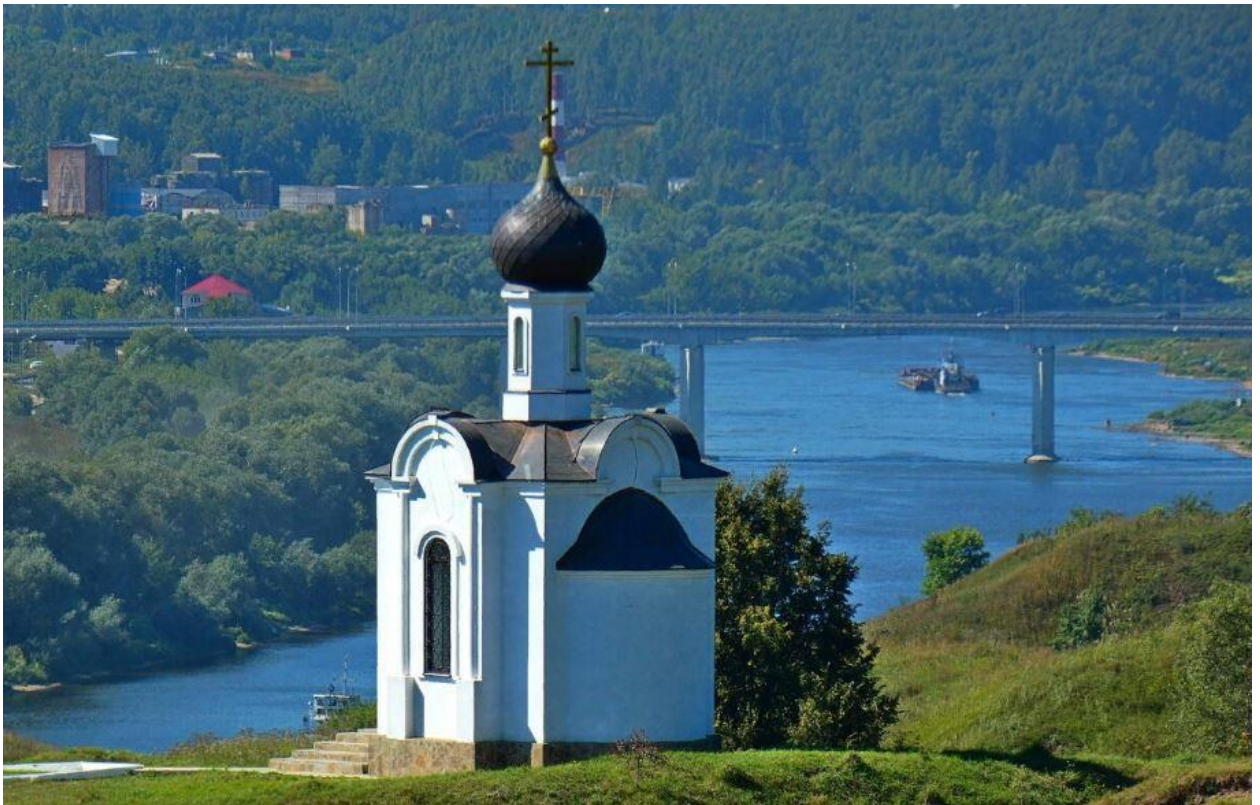
Фото 1. 2006-2007 гг. Обнаружены останки захоронения XIX в. у северной стены собора во время проведения ремонтно-реставрационных работ Спасо-Преображенского собора

Со Спасо-Преображенском собором в Переславле связано много легенд и преданий. У этого собора мы с матушкой Капитолиной Андреевной часто беседовали, она рассказывала интересные вещи, которые меня удивляли. Например, это один из уникальнейших соборов, где алтарь стоит не на восток, как традиционно в православных храмах, а на север.

Для изучения и реставрации собора были привлечены ведущие специалисты и реставраторы Центральных научно-реставрационных проектных мастерских Министерства культуры РФ. Мастерские выступали в качестве авторского надзора за реставрационными работами. Подрядчиком выступала известная ярославская Научно-производственная реставрационная мастерская «Яблоко» («НПРМ «Яблоко»). Научно-техническое руководство возлагалось на архитектора-реставратора высшей категории Демидова С.В. Научно-техническая и консультативная поддержка Фонду в Переславль-Залесском осуществлялось главными специалистами департамента культуры и туризма Администрации Ярославской области Епишкиной Ю.Ю. и Дуловым В.К., заместителем директора ФГУ «Национальный парк «Плещеево озеро» Щербань С.И., архитектором Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного художественного музея-заповедника Карнаушиным А.И. Финансовая поддержка осуществлялась московским Благотворительным фондом «Глас» и партнёрами Фонда Казмалы Р.К. и Потокиным Ю.Н. Работы начаты в 2006 г. по утверждённой Программе с проведения научно-исследовательских и проектных работ и продолжились до 2007 г. ремонтно-реставрационными работами Спасо-Преображенского собора.

Дальнейшие работы по утверждённой Программе ремонтно-реставрационных работ 2006-2007 гг. Спасо-Преображенского собора Благотворительный фонд имени академика И.П. Павлова, к сожалению, мы продолжить не смог, в связи с большой потребностью в финансовых средствах, по-видимому, финансированием реставрации памятников федерального значения должно заниматься государство.

Однако, полученный опыт позволил нам участвовать в других аналогичных проектах, но меньшего масштаба, по воссозданию памятников российской истории, науки, культуры и православия. В том числе, воссоздания в 2014-2017 гг. часовни-храма Ильи-пророка на крутом берегу реки Оки в Тульской обл. в память о героических защитниках града Алексин от золотоордынского хана Ахмата в 1472 году и в память о Славе русского оружия и Христолюбивом воинстве российском, спасшим княжество Московское от полчищ Орды.

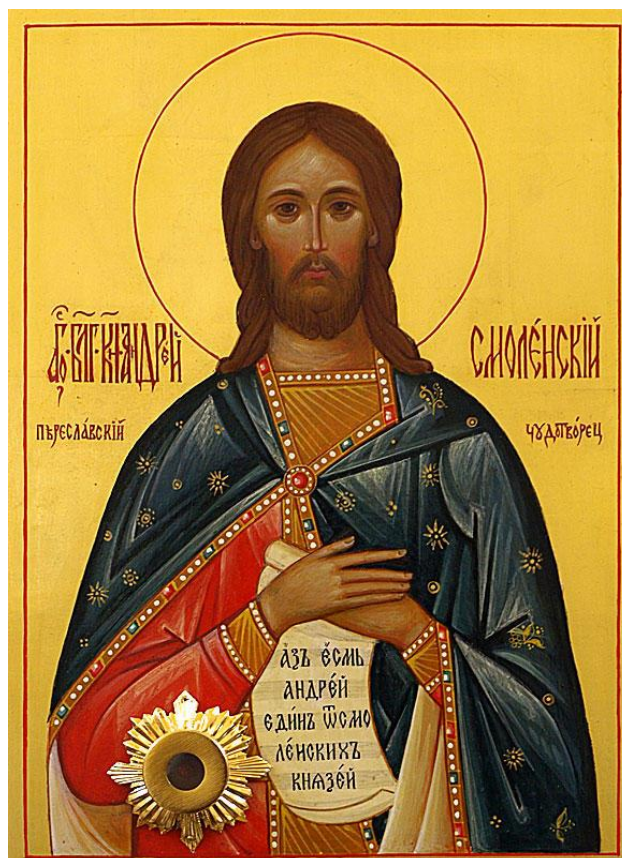
Часовня-храм во имя пророка Божьего Ильи воссоздана на историческом месте - «Ильинской горке», посвящена мужественному сопротивлению Христолюбивого воинства из числа местных горожан града Алексина против нашествия 29 июля - 3 августа 1472г. ордынского хана Ахмата

Много чудес и прекрасных воспоминаний связано с матушкой Капитолиной Андреевной. Однажды в 2007 г. приезжаю к ней, а она мне говорит, что должен участвовать в раскопках и обретении останков преподобного Никиты Столпника, в чём я очень сильно засомневался. Но в конце концов получилось так, что активно участвовал в обретении мощей этого известного Переславского святого в Никитском монастыре. Точно также, по её молитвам получилось участие в 2008 году в обретении мощей св. Андрея Смоленского в Никольском монастыре.

Милость Божия жить рядом со глубоко верующим православным человеком, каким была наша дорогая матушка Капитолина Андреевна. Вспоминаю, что мы столько привозили ей хорошей и тёплой одежды, а она как ходила в своём стареньком штопаном одеянии, так и продолжала ходить, раздав наши «подарки» всем нуждающимся и обременённым.

Переславский Никитский монастырь. Икона преподобного Никиты Столпника и его вериги

Переславский Никольский монастырь. Икона святого благ. князя Андрея Смоленского

К матушке приезжали разные люди из разных сословий: духовные и светские, академики и профессора, министры и директора, врачи и инженеры, монахи и схимники, генералы и герои России, художники и артисты, интеллигентные и сидевшие в тюрьмах и зонах, всех она утешала, а кого можно благословляла рукописными молитвами Архангелу Михаилу, которые она ежедневно писала по послушанию старца-отшельника, последнего её духовника схиархимандрита Назария, которого она глубоко почитала и предано любила.

Удивительно, матушка была знакома со многими учеными, в том числе, хорошо знала и очень прекрасно отзывалась о известном советском академике Олеге Георгиевиче Газенко (1918-2007 гг.) очень верующим православным человеком. Он возглавлял Институт медико-биологических исследований Российской академии наук и работал по изучению влияния космоса на человека. В своё время, ещё до знакомства с матушкой в 1994 году мне посчастливилось познакомиться с этим выдающимся ученым. Свою докторскую диссертацию в 1994 г. по разработке и применению «искусственной крови» мне посчастливилось защищать в его академическом институте под председательством самого Олега Георгиевича.

Матушка хорошо знала известную семью учёных Граменицких из переславль-Залесского, которые дружили с будущим святым - хирургом В.Ф. Войно-Ясенецким (святителем Лукой). Профессор Михаил Иванович Граменицкий (1882-1942 гг.) выпускник Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, известный фармаколог, жена – Анна Петровна Альбицкая, дочь профессора Военно-медицинской академии, академика П.М. Альбицкого (1853-1922 гг.). Члены семьи Граменицких были духовными чадами преподобного Серафима Вырицкого. Какие прекрасные и интеллигентные люди были рядом с матушкой. У Граменицких стоит до сих пор дом рядом с Фёдоровским женским монастырём, мы часто бывали там с матушкой. Какой прекрасный вишнёвый сад и большая усадьбы была рядом с домом. На веранде дома, как вспоминала матушка, семья Граменицких часто принимала гостей и пила чай с вишнёвым вареньем. Это были одни из лучших лет в жизни матушки.

Семья учёных Граменицких: Михаил Иванович, Анна Петровна и их дети

Матушка хорошо помнила по Питеру юные годы нынешнего патриарха Кирилла и была знакома с его отцом, так же была знакома с приснопамятным патриархом Алексием II. Знала матушка и выдающегося русского художника Илью Глазунова (1930-2017 гг.), патриота и глубоко верующего человека, который долгое время помогал горной обители. Заезжал к ней будучи проездом в Переславле и архимандрит Кирилл (Павлов).

Приезжал к ней и старец – схиархимандрит Илий, когда мы с ним направлялись в Годеново к Животворящему Кресту Господнему. Как же было приятно смотреть, на этих двух подвижников веры православной, когда они беседовали за чаем и вспоминали свою жизнь. Батюшка внимательно выслушал рассказ Капитолины Андреевны о старцах-отшельниках обители «Неусыпаемых» в горах, с которыми матушка долгие годы была связана и передал матушке большую сумму на восстановлении порушенных святынь в этой горной обители.

2006г. Годеново. Схиархимандрит Илий читает акафист Животворящему Кресту

Когда она заболела и стала слаба, мы часто ей задавали вопрос, а что если, вам матушка поставить хожалку, какую-нибудь из монахинь. На что она наотрез отказывалась, ссылаясь на то, что у неё уже есть очень хорошая помощница и кормилица – племянница Любовь Васильевна, которая действительно очень любила матушку и ухаживала за ней.

Матушка преставилась в Страстную неделю Великого поста 2013 года. С этим связано еще одно удивительное событие. За пару недель до ее смерти мне удалось побывать у нее, как оказалось в последний раз. Чувствовалось раньше, еще за полгода до кончины, что матушка прощается с нами, а за две-три недели до смерти это ощущение еще более обострилось. Ее последний наказ был молиться святителю Нектарию Эгинскому, служить молебны. Матушка сказала, что он великий святой, очень помогает. Мы поехали в одну из обителей и заказали ему молебен.

Удивительно - служить молебен вышел епископ, имя которого было Нектарий, на следующий неделе мы упросили его ещё один раз отслужить, и через неделю третий молебен Нектарию Эгинскому справили. После каждого молебна звонил и радовал матушку, что ещё раз довелось помолиться этому великому греческому святому. Нашему, новому знакомому - епископу Нектарию рассказал, что есть такая матушка Капитолина Андреевна, которая благословила нас усердно молиться этому святому на преодоление наших проблем и скорбей. Епископ непременно захотел с ней познакомиться и побывать у Годеновского Креста. И вот мы собрались с епископом Нектарием на вторник Страстной недели 30 апреля 2013 г. поехать и к матушке, а потом в Годеново к Животворящему Кресту. Но Господь судил иначе. В первый день Страстной недели – понедельник 29 апреля матушка мирно отошла к Господу. Мы приехали на следующий день во вторник 30 апреля с епископом Нектарием, который с большим почтением и красотой отслужил панихиду в храме во имя Смоленской иконы Божией Матери, где уже находилась матушка - село Ям (рядом с Переславлем, где родился блаженный святой Михаил-Самуил). Многие прихожане удивлялись и спрашивали, как же вы нашли епископа на отпевание, казалось бы, простой старушки. Не мы нашли, а Господь послал к этой благочестивой подвижнице веры православной нужного архиерея нареченного Нектарием в память о Нектарии Эгинском. Царствие ей Небесное, со святыми упокой.

На надгробном кресте на могиле у матушки высечено:

Пыряева Капитолина Андреевна. Схимонахиня Ангелина. 30.08.1926 – 29.04.2013.

В заключение мне хочется привести слова, которые часто повторяла матушка Капитолина Андреевна: *Что бы в жизни не происходило, как бы трудна ни была наша жизнь, дай Бог всегда помнить это евангельское утешение: «Невозможное человеку, возможно Богу».*

Один из почитателей матушки Капитолины Андреевны Пыряевой

проф. Воробьев С.И.

Мои воспоминания о матушке хочу закончить словами из старинной рукописи XVI века: *«Аще, где в книге сей грубостию моею пропись или небрежением писано, молю Вас: не зазрите моему окаянству, не кляните, но поправьте, писал бо не Ангел, но человек грешен и зело исполнен неведения».*

«Жизнь прожить – не поле перейти»

Сила благодати Божией, указанная Промыслом Божиим человеку передаётся как эстафета только из рук в руки, причём в самые скорбные минуты его жизненного пути. В этих перипетиях его христианская душа сдаёт как бы экзамен на то кем же ей быть, появившись на белый свет. В жизни каждого крестившегося в церковной купели очень важно кто первым протянет ему добрые и ласковые руки, кто его восприемник, кто воспитатель, кому он теперь будет обязан в своём наступающем жизненном пути.

Христианскую веру, зажжённую в душе ребёнка, возрождает иконостас в красном углу, теплящийся перед иконами огонёк лампы, который становится негаснущим светильником на весь его будущий жизненный путь. И чем раньше зажжён этот фонарик веры христианской, тем ярче горят лучи его духовного поля зрения. Счастлив жизненный путь того человека, который будет охраняем добрым сердцем и ласковым теплом другого, дорогого ему, человека. Этот жизненный путеводитель, протянув ласковые руки к порученному ему Богом ребёнку, будет его настоящим ангелом-хранителем, проторит ему дорожку к вере, к Богу, взяв малютку в храм Божий, расскажет ему много красивых легенд о том, где родился Христос, как добра Пресвятая Богородица к детям; о том, как надо любить окружающий его мир природы, как богата наша Родина лесами, полями, излучинами и впадинами.

Я родилась в 1926 году. Со слов моей крёстной матери, произошло это в городе Переславле, в Борисовской больнице. До самого школьного возраста (почти безвыездно) я прожила в небольшой деревне Соловеново в доме у моей бабушки (по материнской линии). Меня туда взяли тётки, когда мне было всего 7 месяцев, т.к. моя мать после родов очень долго болела. Кормили меня молоком, манной несладкой кашей. У бабушки была своя корова, другой домашний скот, очень много кур.

Тёток у меня было три. Тётка Ксения была церковным старостой в селе Большая Брембола. Тётка Прасковья в связи коллективизации уехала в Петроград, где была домработницей в семье профессора Граменицкого, с которыми она и прожила свой век до самой смерти хозяйки – Анны Петровны Граменицкой. Но из 3-х моих тёток я была навек душой привязана к своей второй матери, моей крёстной – тетке Анастасии.

2011г. Переславль-Залесский. Матушка Капитолина Андреевна Пыряева

Господь пасёт мя, и ничтоже мя лишит.

На месте злачне, тамо всели мя,

На воде покойне воспита мя.

Псалтырь, пс.22

Что, кроме как природные условия сельской тишины, могло остаться у меня в памяти от раннего детства?! Ароматные черёмухи, цветущие почти у каждого дома; огромные рябины; красавицы сирени; зеркальные воды огромных прудов за околицей; луга, залитые цветами, клевером, постоянное пение над ними звенящих жаворонков; поля ржи и пшеницы выше человеческого роста – всё это звало и манило на свои необъятные просторы. В перелесках было много грибов, даже белые. В «казённый лес» по осени мы ходили за рыжиками. Бабушка очень хорошо вела хозяйство, солила и сушила на зиму грибы. Очень много собирали ягод на болоте – голубики. Брусники, клюквы. А орехов было так много, что их зашивали в холщовые мешки по три меры впрок и закладывали на полати около борова русской печи.

Свои первые сознательные походы я хорошо помню. Тётка Анастасия брала меня за руку и мы шли с ней на противоположный край деревни к Агафье Никитичне. Дверь нам открывала сама хозяйка, очень приветливо, даже ласково, встречавшая нас, приговаривая: «Ой, да кто это к нам идёт-то? Кто это?». У нее в доме жила очень старенькая ослепшая монахиня из Фёдоровского монастыря, которая обычно сидела у тёплой стены русской печки, постоянно перебирая своими застывшими от возраста руками очень красивые чётки. Нас всегда сразу же приглашали за стол, наливали в бокалы молоко, только что затопленного в печке, насыпали в красивую тарелку сдобных баранок, кренделей, печенья, завязывалась беседа. Их, взрослых, сильно волновали происходящие вокруг события, наступающая советская власть начала выворачивать наизнанку их мирную деревенскую жизнь.

Меня тогда мало интересовало такое застолье – меня привлекали чётки, которые перебирала руками матушка Анисья (так звали монахиню). Матушка начинала дремать, иногда чётки выпадали из ее рук. Я просила у Агафьи Никитичны посмотреть их. Перебирая чётки своими детскими руками, я часто засыпала на коленях у своей крёстной, при этом продолжая крепко держать чётки. Иногда крёстная уносила меня домой спящей на руках вместе с чётками. Потом мне разрешили сходить к матушке Анисье самостоятельно. Было уже лето, работы у всех (и сельской и домашней) было по горло. Бабушка, чтобы я ей не мешала, брала ватрушку, кусок мягкого каравая, испечённую репу, завязывала все это

платком в узелок и послала меня отнести этот гостинец матушке Анисье. Для меня этот поход был самыми радостными. Днём двери тогда на засов не запирались, я, миновав 7 ступенек крыльца, сама открыла дверь. «Матушка, это Линка к тебе идёт», - говорила Агафья Никитична, которая крошила корове толи свеклу, толи картошку. Матушка позвала меня к своей печке, дала чётки: «Возьми их домой, поиграй там ими у себя, а потом с Настенькой вместе принесёте».

Я так привыкла к этим чёткам, что потом не так скоро хотела их отдавать. Это были первые шаги шалостей, а с ними, и первые погрешности. Иногда чётки я стала уносить самовольно, когда матушка Анисья спала (а это первые шаги ко греху – краже). Иногда я прятала чётки в кармане своего передничка, чтобы лечь спать вместе с ним. Тётка брала меня за руку, находила чётки, приводила к матушке Анисье и говорила: «Попроси прощения». Я тут же, кланяясь ей в ноги, говорила: «Матушка, прости меня грешную». Матушка Анисья, улыбаясь, отвечала: «Да простит тебя, дитятко, Сам Господь, а я тебе разрешаю их взять на три дня, потому что поеду в гости в Никитский к Сусаннушке. Только ты теперь уже большая, читай с нами молитовку: «Господи, помилуй меня...».

Когда я читала на ночь молитвы, то мне обязательно в эту ночь снились приятные сны: то я летаю над высокой цветущей черёмухой, то над красивым лугом нашей усадьбы. А то вдруг около уха запоёт очень стройный хор каких-то молодых монашек. Меня иногда будили от того, что я во сне кем-то громко восторгалась.

А чётки матушка подарила мне навсегда, потому что однажды она больше не приехала к Агафье Никитичне живой, а её привезли в гробу. Из села Большая Брембола пришёл священник служить панихиду. Матушка Сусанна, которая вместе с матушкой Домной приехала на похороны, сказала мне: «Эти чётки теперь навсегда твои, моя тётушка Анисья их тебе отказала», взяла меня на руки, всё время плача и целуя мои руки и мои чётки. Сусанна тогда была ещё совсем молоденькой монахиней, очень-очень красивой. Она пела в хоре при церкви Троицкой Слободки.

В эту церковь впервые я пришла вместе с бабушкой, с Агафьей Никитичной и крёстной в Троицин день, мне тогда было уже 5 лет. Матушка Сусанна попросила меня подняться к ним на клирос: «Настенька, как вы ее разнарядили, прямо как летнюю бабочку!!!». Одета я была в лёгкое батистовое бледно-голубое платье с пришитыми от пояса до подола оборками, в кудрях моих волос – большой голубой бант. Это всё мне привезла из Питера тётка Прасковья, приехавшая сюда вместе со всем семейством Граменицких на летний отдых (у Граменицких был огромный дом рядом с Фёдоровским монастырём, а сад занимал почти полгектара земли, где было посажено 90 разного сорта

яблонь). Тётка Прасковья в этот день осталась у нас дома в Соловьёнове стряпать для такого великого церковного праздника.

После службы мы все пришли на могилку к Мишеньке-Самуилу, который был похоронен у самого алтаря этой церкви. Панихиду служил сам от. Феофан, 95-летний старец-священник. Закрывая дверцу ограды, он благословил меня правой рукой, а в правой руке у него были 3 рубля, которые он протянул мне, а крёстной сказал: «Зайди в здешний магазин и купи то, что ей понравится». В магазине мы все вместе решили купить мятных пряников, сделанных в форме золотых рыбок, очень-очень вкусных. Угостившись, мы направились домой, до нашей деревни надо идти 3,5 км пешком. Светило яркое летнее ласковое солнце, по просёлочной дороге по обе стороны цвели купальницы, ромашки, фиалки, а под ореховыми кустами прятались красавцы ландыши. В моих руках был первый праздничный букет, который мы, по приходу домой, поставили в красивый керамический кувшинчик. После такого похода я, отведав праздничного пирога с чашкой топлёного молока, крепко заснула, забравшись в летнем чуланчике под клинцовое одеяло на бабушкиной кровати с теми самыми дорогими мне матушкиными чётками. Меня разбудили уже вечером, около 4-х часов. На стене в доме висели часы-чекунчики, моя крёстная научила меня определять время по ним ещё в 4-х летнем возрасте. «Что ты, Линочка, так плакала во сне, когда я пришла тебя разбудить?», - спросила меня крёстная, отирая ещё не высохшие на моих щеках слёзы мягким полотенчиком. Я, как наяву, рассказала ей о своём сновидении. Вижу я, будто бы стоит двухэтажный дом, окружённый садом, где созревшие яблоки так красивы, но их клюют огромные чёрные вороны (у нас рядом у соседей чёрный ворон свил в сарае гнездо, так что возможно поэтому я их и видела во сне). Но мы с тобой «баты-нюшка» (так ласково я тогда её звала), увидев это, хотели позвать сторожей, чтобы разогнать этих ворон. Нам кто-то сказал, что внизу дома, на 1 этаже, живёт вся прислуга, туда то мы и направились. В калитке стоит какой-то очень строгий, необыкновенно одетый господин, он пропускает внутрь дома как власть имущий. Всех наших он пропустил, а певчих храма села Большая Брембола – не пропускает. Я тогда очень громко зарыдала, умоляя его пропустить их всех к нам. Господин же этот мне отвечает: «Нет, это будет так нескоро. Вот когда ты вырастешь и станешь совсем взрослым человеком, то ты будешь пропускать в эту калитку всех, кто достоин это, кто это заслужил». Я ещё громче зарыдала, мне стало очень жалко певчих – тут-то ты меня и разбудила.

А совсем уже перед закатом к нам в окошко постучали палочкой. Бабушка пошла открывать калитку – это была монахиня с очень суровым лицом, которая попросилась к нам на ночлег. Вся её старая монашеская одежда была покрыта пылью, которую она стряхнула в сенях. Крёстная отдоила корову, увидев сидящую в комнате монахиню, поздоровалась с

ней, назвав по имени, сразу же пригласила её к столу поужинать. Впервые за нашим столом я вместе со всеми встала для прочтения молитвы. Взрослые ещё очень долго сидели за журчащим самоваром, пили чай и неторопливо беседовали, а я после чашки чая была отпущена погулять под цветущие под окнами дома сирени и черёмухи поиграть во дворе с тремя девочками, моими дальними родственницами, живущими на другом конце деревни. Они мне очень нравились – спокойные, покладистые, приятные. Девочки были одеты нарядно – длинные яркие летние сарафаны с красиво вышитыми рукавами на белых блузах.

Поздно вечером, лёжа вместе со мной на кровати, моя дорогая крёстнушка рассказывала мне очередную сказку, иногда засыпая даже раньше меня.

После первого самостоятельного похода «пешком» в Троицкую Слободку меня стали брать с собой во все праздничные церковные праздники в ближайшие храмы (в основном это была тётка Настя). Особенно был красив, величественно строг по своему внутреннему богатству икон храм в Большой Бремболе в главном пределе. Все пределов было три: справа – предел Пресвятой Троицы, слева – во имя Покрова Пресвятой Богородицы, в центре - во имя пророка Илии. Я очень хорошо запомнила посещение храма во имя св. Петра, церкви во имя преподобного Корнелия-Молчальника, а от посещения Данилова монастыря у меня на всю жизнь запечатлелось в памяти служение молебна очень старым монахом-священником на кладизе (колодце). Когда зачерпнули из колодца (он был совсем неглубокий) специальным ковшиком святой воды, я, облокотившись на обруб, заглянула в него и увидела на фоне очень-очень голубой воды огромный живой глаз в треугольнике. Монах понял моё волнение, подошёл ко мне и говорит: «Подними свою головку кверху, это отражение в воде того, что изображено наверху – это Всевидящее Око Господа Бога Саваофа». В этот день в монастыре было очень много людей, т.к. монастырь закрывали, а монахов, живших в нём, изгоняли. В подножии у Святых ворот на огромном белом камне сидел полураздетый, полуразутый огромного роста человек в посконных самодельных портах, в длинной полотняной рубаше с очень длинными вышитыми по канве рукавами. «Это, - говорит мне тётка, - «блаженный Вася Шобонов, глупец». А Вася так рыдает, сидя на этом камне, утирая слёзы чьим-то головным разноцветным шелковым платком с кистями на краях.

Крёстная протянула ему монетку в старый с зелёным околышем картуз и спросила его, о чём это он так плачет. Вася, громко причитая и по-детски картавя, ответил: «Лошади увезли моё любимое «колоколо», а преподобного Данилу в музей спрятали, всех батюшек на Урал отвезут!!!». Крёстная ему и говорит: «Что ты, Вася, мелешь?!», а он ещё громче зарыдал: «Сама увидишь, сама услышишь как они в дороге «Волною морскою» запоют на осеннюю Казанскую Божию Матерь!». Потом это всё так в точности и сбылось, вплоть до

названного им часа. Блаженным Васю тогда звали все монахи, жившие в Даниловом монастыре, только потому, что он всю литургию стоял в одном из углов храма как каменный столп, устремив свой «ангельский» взор прямо на алтарь, на холодном чугунном ледяном полу совсем босой, не моргнув глазом, не переступив даже с ноги на ногу до тех пор, пока не кончится долгая монастырская служба. Глаза его были такие голубые-голубые, точно он почерпнул их в голубых водах нашего озера, и плакал ими, стоя в храмах наших, лежащих на берегу Плещеева озера.

После того как забрали наших молитвенников-священников, монахов мужских монастырей и монашек из женских монастырей, храмы были закрыты навсегда железными, уже советскими, замками. Уполномоченные привозили бригады взрывателей, грабителей, козунников-атеистов (сущую голь перекатную). Они начали вывозить церковную утварь из храмов в один огромный костёр за земляным валом около церкви, построенной во имя князя Андрея. Костёр этот, прожегший даже промёрзшую землю, горел всю зиму 1932 года, а весной его залили растаявшие снега вала и на этом месте образовался огромный глубокий пруд. Сначала ссылали всех, кто был связан с духовенством, а затем начали «раскулачивать» земледельцев, которые пахали землю не покладая рук, угоняли огромные этапы пешком по Берендеевской шоссеиной дороге тех, кто своим трудом строил своё семейное счастье. Детей отбирали на глазах у отбывающих в безвозвратный путь родителей, стариков выкидывали из товарных (телячьих) вагонов. Детей этих, как трудно воспитуемых, собирали в детские колонии, где они умирали, забытые всеми: кто – от болезней, кто – с голоду, кто – убиваемых в побеге, кто просто от своего детского горя. Скот, отобранный у крестьян, загоняли в молотилки и в большие сараи, где он так стонал от голода и тоски по своим хозяевам, что каждый день выносили на болото то корову, то лошадь – их трупы обливали керосином и сжигали. Людей начали насильно сгонять в колхозы, рассылая посконную гультепу в агитаторские пункты неподдающихся деревень.

У нас в доме всё чаще стали согреть свои озябшие кости обездоленные странники – монашки, монахи, даже старые священники. В эти годы на наших полях были хорошие урожаи хлебов, овса; землю мы обрабатывали своими лошадьми, пили молоко от своей коровы. Однажды к нам пришёл один странник-богомолец с Украины – монах из Почаева – и предупредил нас, что если мы немедленно не продадим своё хозяйство, то в этом (1934) году нас всех отправят на Урал. На другой день крёстная проводила гостя просёлочной дорогой до главной на Москву, простилась с ним, а на обратном пути зашла к блаженному Митеньке (калеке безногому) за советом. Он сказал ей тоже самое, что и наш гость, но дал дельный совет – скот нужно продать не посторонним людям, а нашим родственникам, которые уже вступили в колхоз. Наше знакомство с Митенькой я помню очень хорошо –

мы зашли к ним промокшие до нитки от холодного проливного дождя. Они нас с Дуней (его хожалкой) встретили очень гостеприимно. Мы обсохли и обогрелись у хорошо натопленной печки, посадили за стол к вскипевшему самовару, напоили чаем-сбитнем, собранным из многих корней и трав, которые приносила им очень добрая огородница Александра Сергеевна Мишина (вместе с травами она приносила им мёд со своей собственной пасеки, разные овощи, привозила на всю зиму очень вкусный сорт картофеля; жила она среди полей на хуторе). Вечером, когда Дуняша прочитала вечерние молитвы, Митенька попросил ее снять одну в его углу иконостаса, а тётку – подойти к его кровати вместе со мной. Он обратился ко мне с такими словами: «Вот тебе моё иноческое благословение на твой жизненный путь – ты скоро в школу пойдёшь, молись Царице Небесной. Икона называется «Взыскание погибших». Её подарил Мишенька-Самуил моей родной старшей сестре Анастасии, а она благословила меня тогда, когда меня забрали в рекруты. Я хранил эту икону в торбе, которую носил всегда с собой. С ней приехал вот теперь на свою родину». Иконку мы оставили на своём месте, условясь, что он будет молиться за нас при его жизни. За год до его смерти владыка Леонид пришёл к нему проститься, снял эту икону и благословил ею Митеньку, сказав: «На долгий жизненный путь тому, кому она теперь принадлежит». Поднявшись, он снова прикрепил икону в иконостасе. Через год Митеньку хоронили все, кто знал его великую силу благодати – прозорливости, ясновидения. Он был похоронен на новом кладбище первым, за ним – убиенный юноша Пётр и старая монахиня Анфуса, потому что кладбище только открыли, их могилки находятся почти у самой кладбищенской сторожки, напротив Черниговской часовни. Каждую субботу ещё оставшиеся пока священнослужители служили ему панихиду.

В 1934 году Дуняша – хожалка Митеньки – принесла моё благословение в церковь преподобного Корнелия (так у нас было условлено) и положила на раку с его мощами. После службы Дуня передала икону мне. Мы с крёстной поставили её в иконостас Соловьёновского дома, так как до школы мне оставался ещё год. Осенью этого года, где-то в сентябре месяце, к нам пришёл молодой, невысокого роста мужчина, поздоровался со взрослыми за руки, а меня поднял к себе на руки, целуя, заговорил со мной: «Здравствуй, доченька, вон какая ты у меня уже большая выросла, завтра мы поедем с тобой домой. У нас теперь будет хорошая квартира, а школа совсем рядом». Крёстная, видя мой отчаянный испуг, сказала мне: «Это ведь твой отец, он недавно вернулся со службы в армии. Завтра мы все поедем в город: там у тебя мать, да ещё сестрица». У меня в груди что-то заклокотало, что-то затрепетало и полились ручьём мои детские горячие слёзы. Отец, раздевшись, стал рассказывать про свою службу сидящим за столом бабушке и крёстной. Я

же, забравшись на тёплую русскую печь, обняла обеими руками чётки и, видимо, очень быстро заснула. Утром я выпила горячего молока с ватрушкой, оделась в своё выходное праздничное платье, обулась в сандалики, которые привёз отец, и вместе со всеми поехала в город. Правил лошадью дедушка Иван (это родной брат моего дедушки, которого я совсем не помню). Он довёз нас до самого дома в новом посёлке из пяти двухэтажных домов. Дома были совсем новые, с двумя подъездами. Наша квартира находилась на первом этаже. Первым прошёл в комнату отец, затем – все остальные. «Ну вот и приехала к нам долгожданная твоя сестрица!», - весело сказал отец. Женщина, сидящая за столом справа, очень резко крикнула, обратившись к моей крёстной: «Ну и кобылу же ты отрастила, откармливала, небось, сметаной!». «Ты про кого это так говоришь, «мамаша»? Родного дитяти не узнаёшь? Я ведь, пока Иван Тимофеевич не уехал, отвезу её от вас навсегда!!!», - также резко ответила ей крёстная. Моя сестрица, маленькая и востроносенькая (одно слово – «пигалица»), быстро юркнула на колени к матери, постоянно показывая мне длинный как у ящерицы язык. Отец повёл меня в комнаты – одна была спальней, а другая заставлена огромными кадучками с домашними цветами и фикусами. К стене от печи был поставлен огромный, очень высокий сундук, к которому мне надо было приставлять стул, чтобы забраться на него – это и была теперь моя кровать (мы с крёстной тут и спали).

Я положила под подушку все свои «сокровища» (игрушки, чётки, платочек, чтобы на ночь покрыть волосы, носочки, чулки и т.д.). Не успела я слезть с сундука, как сестрица («кроха» – так звал её отец), близко подойдя ко мне и размахнувшись своей сандаленой, сказала мне: «Ссас как дам тебе по лохматой баске, так и вылетисс на помойку!». Ударить ей меня не пришлось, так как крёстная схватила её за клок распущенных волос и вышвырнула в другую комнату. Потом она села на сундук, обняла меня и залилась горячими слезами, приговаривая: «В вертеп собачий я тебя привезла». Так до самого дня моего поступления в школу она меня и не оставляла, мы даже с ней за стол садились после того, как они (мать, отец, сестра) поедят.

От страшной тоски крёстная очень часто уводила меня в действующие храмы. Из храма мы иногда приводили инокиню Марию Фёдоровну, которая жила у нас по несколько дней. Она очень хорошо растворяла обстановку, рассказывая про свою прежнюю жизнь в монастыре, из которого их теперь всех разогнали. Часто стала навещать нас монахиня Никольского монастыря матушка Александра. Иногда она приляжет днём на сундук, а меня просит почитать ей букварь (букварь купила мне тётка Ксения – староста церкви. Букварь я уже знала наизусть, меня научил в Соловьёнове живущий через один дом от нас сосед Миша. Он уже был ученик 2 класса сельской школы, Миша – отличник, я дружила с его сестрой Тамарой. Бывало, посадит он нас с Тамарой на старое одеяло на лежанке как

школьниц и заставляет как учитель отвечать заданные накануне уроки. К концу зимы мы закончили учёбу по букварю, а с Великого поста начали писать буквы в тетрадах. На шестом году я уже умела читать, писать, даже считать по палочкам. За это тётка Ксения мне купила все школьные принадлежности, даже новый пенал, 5 карандашей, ручку для письма и маленькую коробку с перьями). Матушка сначала спросит меня о чём-нибудь таком, что я знаю, а потом начнёт мне рассказывать очень красивые легенды из жизни Христа-Спасителя, детские рассказы из хрестоматии, которую она учила в монастыре. Валка-«кроха» страшно не любила букварь, иногда его так спрячет от меня, что только мать могла заставить её найти его и отдать мне. А мать меня так ненавидела, что ни разу в своей короткой жизни не назвала по имени. За столом она всё время следила за мной, ища повод за что бы меня стукнуть деревянной поварёшкой прямо по голове, приговаривая: «Ух, ты, кобыла несчастная!». Огромные стеклянные зелёные глаза с холодным хищным взглядом чёрной кошки, чёрные сросшиеся в переносье брови, чёрные жёсткие волосы, очень маленького роста, тонкие холодные губы, с крупными лошадиными зубами, лающий («собачий») голос – такой осталась мать в моей памяти. Вся её фигура угнетала меня тем, что она преследует меня не только внешне, но и всем своим нутром, всеми фибрами чёрной души своей. В первый школьный день нас повели вместе с Валькой-сестрицей. Одели нас в новые шерстяные платья в крупную тёмную клетку, обуты мы были в «сорокоходовские» лёгкие коричневые башмачки с носочками, на голове – банты (только разного цвета). За парту нас вместе не посадили – Валька была самая маленькая из девочек и её посадили с самым маленьким мальчиком Мишей Фёдоровым. Мои школьные успехи были налицо, а сестрице везло только в домашних заданиях. Сделав наскоро уроки, я убегала к сверстницам и гуляла до самого вечера, потому что мать никогда не приглашала меня к обеду, а ужинать звал только отец. Крёстная уехала в деревню, т.к. заболела тётка Ксения, сильно простудив ноги, когда возвращалась домой пешком с тяжёлым грузом для церкви со станции Берендеевская. Стояла поздняя осень, шёл холодный проливной дождь, дул пронизывающий северный ветер. Дошла она только до деревни Вёска, где жила матушка Клавдия. Тётка сразу же слегла у неё в постель с высокой температурой. В деревне жил врач (Рутковский), он сразу же пришёл по вызову, осмотрел больную и сказал, что её надо срочно везти в больницу, т.к. у неё крупозное воспаление лёгких с осложнением на суставы ног. С 4 ноября до первой недели Великого поста тётка пролежала в больнице. В своём храме ей делать было уже нечего, т.к. его закрыли накануне праздника иконе Казанской Божией матери. Именно к этому празднику тётка торопилась принести в церковь свой груз (свечи, огарное масло, кагор, несколько пакетов муки, дрожжи и т.д.), когда простудилась. Матушка Клавдия благословила всё оставить у них на хранение. Тётке Ксении медицинская

комиссия выдала талон на инвалидность II группы на 5 лет - это всё благодаря молитв блаженной старицы Клавдии. В первую неделю поста тётка Ксения, бабушка Анна и матушка Клавдия причащались в Зосимовской Пустыни, вторую – в Троице-Сергиевой Лавре, остановившись с благословения схиигумена Ипполита в сторожке Ильинской церкви (там был очень благодатный настоятель – от. Тихон, духовный сын от. Ипполита), затем побывали в Глинской Пустыни. На 4-й неделе поста они были на исповеди в Елоховском Соборе у самого Патриарха Тихона, который благословил матушку Клавдию с бабушкой Анной в Страстную субботу этого года отправиться пешком в Святую землю, в Иерусалим. Тётка Ксения, вернувшись домой (на пятой неделе Великого поста), снова слегла в постель. Вот почему моей крёстной пришлось всё-таки оставить меня в семье на покровительницу жизни моей – «Взыскание погибших» - и вернуться в деревню. В феврале у нас к общей радости родился мальчик – это событие немного разрядило внутрисемейные отношения. Да им уже пришлось смириться, потому что не было другого выхода. Сестрица училась в школе плохо, она хуже всех в классе читала, за работу в классе у неё были одни «неуды». Дома мать открывала мой портфель, «кроха» вытаскивала мои тетради с уже выполненными письменными домашними заданиями и всё сдувала у меня в свою тетрадь. Что заставляло мать дразнить и сталкивать между собой своих кровных детей? Это оставалось загадкой для моих тёток. А разрешил этот вопрос несколько позже священноигумен Иона. Училась я с Валькой в одном классе 4 года, а на экзамене она провалилась и её оставили на второй год. Валька очень тяжело заболела свинкой, долго лежала. От неё той же болезнью заразился наш маленький братец Саша, который вскоре умер от осложнения на мозг. Для матери это был непосильный удар. С пороком сердца её положили в стационар больницы. К нам в город снова приехала моя крёстная, теперь я не боялась уже ничего (даже ходить в действующие церкви, ведь уже был запрет на их посещения школьниками). Господь хранил нас так, что я даже не снимала нательного крестика (конечно, кроме тех случаев, когда ходила мыться в баню). Это был уже 1934 год. В канун праздника Рождества Христова к нам пришла инокиня Мария Фёдоровна (слепая) и осталась у нас ночевать. Они с крёстной пообещали меня утром разбудить и взять с собой в церковь. Я с вечера приготовила всю праздничную одежду и разложила её на спинку стула у того самого сундука, на котором спала, и с радостной надеждой очень скоро уснула. И вот уже под утро мне приснился ужасно страшный сон. Между входными дверями в коридорчике у нас стояли принесённые с вечера вёдра с колодезной водой. И вижу я, что на кружке, покрывающем ведро, сидит очень маленькая чёрная собака с огромными, страшно горящими глазами, с очень длинными ушами. Не успела я ещё открыть дверь, как эта собака сразу же вцепилась мне в левое плечо, от чего я громко закричала и стала звать

крёстную («баты-нюшка»!!!). Открыв глаза, я увидела отскочившую от меня мать (в ночной рубашке) с перекошенным от злобы лицом, которая сразу же выключила электрический свет. От страха я забралась с головой под одеяло и, видно, довольно быстро уснула. Утром меня разбудила крёстная, уже пришедшая вместе с Марией Фёдоровной из церкви. Поднявшись, я быстро оделась в халатик с коротким рукавом, и вдруг увидела на теле следы огромных синяков, как бы от собачьего укуса. «Что это у тебя такое?», - спросила у меня тётка, трогая мою левую руку. Я от боли вскрикнула и рассказала ей свой страшный сон, заливаясь слезами от обиды, что они не взяли меня с собой в церковь. Взглянув презрительно на мать, тётка промолвила: «Ты бы уж лучше живьём проглотила её». Мать злорадно захохотала (так хохочут лешие по ночам в лесу) и говорит: «Ступайте себе восвояси, ведь у вас у всех сегодня рождественские каникулы. На дворе трескучий мороз, но вы идите-идите, ничего, не замёрзнете!!!». В этот самый момент вдруг открывается дверь и прямо в тулупе в комнату входит дедушка Иван: «Кто хочет со мной прокатиться, одевайтесь и садитесь в сани, а я пока выпью горилочки для согрева». Он привёз в родильное отделение больницы Акулину, невестку свою, и заехал к нам погреться. Пока он выпивал и закусывал, мы все уже были на полном ходу. Дедушка Иван хорошо укутал нас в сани в огромное тёплое клинцовое одеяло, все перекрестились и мы двинулись в путь. Смелый (так звали лошадь) быстро довёз нас по морозной дороге в деревню (летел прямо как стрела).

После вкусного праздничного обеда я быстро забралась на печку с чётками и, устав с дороги, довольно скоро уснула. Меня разбудили к ужину. За столом сидела сияющая бабушка: «Я так соскучилась по тебе, моё ненаглядное дитятко». Она стала обнимать и целовать меня, дала мне большую шоколадную конфету с красивой картинкой «Золотой петушок». Марию Фёдоровну уложили возле печки на деревянную кровать, а крёстная с тёткой Ксенией пошли во двор пилить сухие жерди на дрова. В переднем углу горели, а точнее теплились, три лампы. Окна снаружи были так красиво разрисованы морозом (некоторые мастерицы даже снимали с них рисунки-образцы для вышивки на канву).

На следующий день меня пригласили мои приятели пойти на каток нашего пруда кататься на самокатах. Мне дедушка Иван подарил новенького «конька», с привязанным красноэховским шнурком. Столько радостей детства своего я могла встретить только в деревне Соловёново, в родном бабушкином доме.

В город мы все вернулись через неделю, нас захватил с собой тот же дедушка Иван, который поехал забирать из роддома Акулину с мальчиком. Наша мать в марте месяце тоже родила мальчика, окрестили его в Троицкой Слободке у от. Феофана, меня записали в

крёстные. Этот ребёнок через год тоже умер (от кори, которая ходила по посёлку очень жестокой незваной гостьей).

В 1936 году осенью увозили по этапу всех ещё оставшихся священников. С ними был взят и от. Виктор Космодемьянский, который крестил меня и назвал себя моим крёстным отцом. На крестинах он вручил моей крёстной матери, тётке Анастасии, очень редкого яркого письма икону «Гурия, Самона, Авива»: «Это я дарю своей крестнице на долгую, добрую память о своём крёстном отце как моё благословение её жизненного нелёгкого пути христианства». Эта икона и сейчас сохранилась как будто только что написанная. Отец Виктор, рано овдовев, один воспитывал единственного сына до 14 лет, а затем отправил его к своей сестре в Питер, где он поступил в семинарию Александро-Невской Лавры. Он очень почтительно относился к блаженному девственнику Никите, служил часто молебны в его избушке, приобщал его Святых Даров, приносил продукты (хлеб, сахар, чай и т.д.) и сладости (пастилу, мармелад в коробочках – их блаженный Никита часто отдавал мне в качестве праздничного гостинца). В последнюю нашу встречу (у Митеньки, т.е. Никиты) о.Виктор принёс мне огромный бумажный кошель с пряниками в виде разноцветных рыбок и подарил кожаный кошелёк с несколькими отделами (типа портмоне). Он обнял меня, три раза перекрестил и сказал: «тот кошелёчек будет тебя спасать всегда от денежной нужды, если будешь ходить за святыми молитвами в Троицкую Слободку к Мишеньке-Самуилу. Уж он то тебя тогда не оставит в беде. Молись, не ленись». Благословив присутствующих, он ушёл... Наших священников увезли всех на Соловки. Писем ни от кого так и не пришло. А над входами школ были развёрнуты длинные красные полотнища, где крупными чёрными буквами было написано: «Религия – опиум для народа». В клубах показывали кощунственные спектакли, а тех из учащихся, кто не приходил на них, ставили «на заметку» их поведения, что очень потом отражалось при поступлении в техникумы и институты. Следили за тем, чтобы на советские праздники, торжественные утренники и демонстрации явка в классах была стопроцентная.

Господи! Ты теперь только всего этого Свидетель, что сожгли безрассудные головы безбожников!!! Сколько крови пролито истинно христианской! Сколько народа трудового согнано на Урал за своё крестьянское ремесло! Сколько же горючих слёз за этот жестокий период разбоя утекло, в житейском море утопая!

В 1939 году был объявлен набор молодых, цветущих, жизнерадостных парней – мобилизация на Финскую войну. В первый же набор был взят и дядя Вася (по отцу), не прошло и года после его свадьбы. Загрустила его молодая жена (очень приятная, добрая и мягкая по характеру женщина, верующая). После его отправки она очень часто приходила к нам с ночёвкой. У нас в доме жили ещё двое детей – девочка Нина и мальчик Шурик.

Девочка была необыкновенно красива. В 1940 году среди лета они один за другим умерли от инфекционной болезни – «дизентерия». В самый Покров этого года возвратился с войны после ранения дядя Вася, привёз нам всем небольшие подарки. В ноябре нашу мать положили в терапевтическое отделение больницы (с диагнозом «стенокардия сердца»). Меня она даже в больнице не хотела видеть, предупредив об этом тёток, навещавших её. Такое её поведение страшно всех огорчало и настораживало. Но для меня это было очень полезным (в том смысле, что я очень рано приобрела независимость – сама стирала, сама мыла некрашенные полы, сама ткала, научилась шить, плести кружева, печь пироги и блины). Заработала я впервые себе (на новые туфли) тем, что была няней ребёнка у наших верхних соседей (у них родился ребёнок, а после года с ним некому было сидеть, т.к. неожиданно заболела бабушка).

У нас 29 сентября 1940 года родился ещё один мальчик, его тоже назвали Шурик. Меньше чем через год я несла его на руках, провожая отца на фронт (27 июня 1941 года), а уже 27 июля мы провожали в последний путь на городское кладбище нашу мать, умершую от инфаркта сердца. Через неделю к нам полураздетыми приехали крёстная, бабушка и тётка Ксения. У них в деревне сгорело сразу 9 домов, в том числе и их. Ничего из огня они вытащить не успели (кроме своих документов). За дом им выдали страховку, помогли одеждой и обувью, продуктами, привезли 15 куб. м. берёзовых дров. Председатель сельского совета прямо со склада зернохранилища прислал 10 мешков муки, а картошки (40 мешков) мы накопили на своей усадьбе сами.

С января 1942 года всему городскому населению выдаются стандартные справки на хлебные карточки (норма: 400г – для неработающих, 600 г – рабочим). В первый год войны мы голод как таковой ещё не испытывали. Всю зиму у нас прожила матушка Александра. На Пасху привезли отогреть душу Марию Фёдоровну. А к батюшке о.Ионе я каждый четверг носила пропитание на неделю, отвозила ему дрова на печку-временку (в его доме было страшно холодно). С какой благодарностью встречал и провожал он меня!!! Какую школу жизненных советов прошла я под его духовным руководством! С его благословения наша страшная дорога военных лет прошла как будто бы своим чередом. С его благословения мне так было легко навещать (раз в неделю) ещё одну убогую монахиню Сусану, которая жила в Никитской Слободе у чужих частных лиц (колхозников). Ей я носила пропитание, а от нее забирала бельё (ходить за ней было практически некому, хозяева днями и ночами были в поле). Только в 1943 году после смерти хозяев её пожизненно взяла к себе в дом одна вдова с четырьмя детьми (жила она в Борисоглебской Слободе).

Наша бабушка после пожара заболела и слегла в постель. Скончалась она в 1942 году накануне Успенского дня, завещав похоронить её на кладбище приходской школы в селе Большая Брембола, там же, где был похоронен наш дедушка (её муж).

Это был такой период времени, когда даже плакать было некогда. Похоронки с фронтов сыпались как свежий снег на голову почти в каждую семью! Горе людское само открывало двери почти в каждую сельскую избу или квартиру рабочих поселков. Смерть косила людские жизни беспощадно, и снизу и сверху. В этом ей помогали не только пушечные снаряды, но и холод, голод, болезни. Полыхающие костры городов, деревень, посёлков озаряли ночное фронтовое небо как факелы. Возмездия гнева Божия за костры из горящих святынь, за взорванные революцией храмы Божии, за разбитые колокола, за пролитую дзержинскими «маузерами» на Урале кровь.

В 1942 году наши школы были закрыты. Их помещения использовали как детские дома для эвакуированных детей, как госпитали для раненых солдат, привозимых с фронта эшелонами на станцию Берендеево.

Теперь уже рыдала вся матушка Россия !!!

Теперь и днём, как с огнём, ищут страждущие матери о своих сыновьях, жёны ищут без вести пропавших мужей, катаясь по деревням, где нашли свой приют страдальцы-подвижники (нещадно гонимые мужьями-коммунистами, сыновьями-комсомольцами). Вот как расплачивается теперь православный народ за свою распущенность, за безбожие, за грязный атеизм – за всё это он хлебает теперь досыта тот самый «ленинский опиум», попирающий христианскую российскую веру с ведущим авангардом рабочего класса. А теперь вера христианская ведет эту массу к правосудию Божию в те ещё не закрытые храмы отпевать своих борцов за людскую свободу. Идут за помощью к тем святым молитвенникам, которые ещё остались живыми (для спасения душ христианских). Едут и идут к могилам уже, казалось, забытых подвижников (блаженного Мишеньки-Самуила и многих других).

За год до начала войны (в мае 1940 года) мне на самый Николин день приснился очень странный сон. Будто стою я в самый полдень в открытом поле, недалеко от посёлка, поджидая кого-то из своих друзей. Вдруг солнце затмевает огромная чёрная грозовая туча. Сверкнула молния и около моих ног вдруг брякнулся какой-то страшный груз, завёрнутый в те самые пятнистые немецкие огромные плащи с фашистской свастикой. Начал этот груз расползаться во все стороны, добрался даже до самой фабрики «Красное эхо». Я вскрикнула от испуга: «Господи!». Туча мгновенно исчезла, снова засветило жаркое солнце, а на том месте, где расползлось это чудовище, стоят железные кладбищенские, покрашенные одинаково, кресты. От такого зрелища я мгновенно проснулась. На следующий день я

пошла к батюшке от. Ионе рассказать обо всем, что увидела во сне. Он очень внимательно меня выслушал, потом сказал: «Сон этот – вещий. Читай почаще акафист Архистратигу Михаилу, но он [сон] обойдёт стороной». Через год мы все увидели те брезентовые полотнища болотного цвета с чёрными разводами и со свастиками на немецких танках, на их самолётах, на солдатских касках. А то, что немец не дошёл до нас, это предвидел ещё от. Иона, пророчески сказав «обойдёт стороной». За его святыми молитвами мы пережили страшный голод, холод, нищету. Наша тётка Ксения по ночам читала Псалтырь за все православных воинов, на поле брани убиенных – за это их жёны приносили нам хлеб, муку, привозили картофель, даже валенки. Всё, что было у нас на столе, было и у батюшки от. Ионы. «Батюшка, когда же кончится эта людская бойня?», - спросила как-то его наша тётка Анастасия. «Это только одному Господу Богу ведомо, а нам надо молиться день и ночь. Ведь христианская вера с сердечной молитвой, да ещё со слезами – негаснущий светильник в душе каждого крещённого человека, а чем раньше зажжён этот душевный сердечный огонёк, тем теплее согревает, тем скорее доходит его молитва до Самого Господа Бога. Господь ждёт всеобщего покаяния от людей, великого покаяния!!!».

У нас в доме часто жили обездоленные старые монашки, замерзающие в нетопленных домах, эвакуированные дети, привезённые в детские дома, где их обжирали приехавшие с ними воспитательницы. За всё за это Господь невидимо подавал нам руку помощи от сельских жителей, которые в те годы жили всё-таки относительно хорошо (по сравнению с городским населением).

«Вот, дорогая моя Анастасиюшка, наша жизнь – это кораблик, плывущий по волнам житейского моря, а ведь на море бывают бури, ураганы, волнения. Если корабль управляется хорошим кормчим, то все можно преодолеть. Ежели наш православный народ теперь на помощь Господа Бога призовет, то «... у Бога всё возможно» ». «Жизнь прожить – не поле перейти», - иногда добавлял от. Иона к сказанному. Наш земной покровитель, а теперь – небесный!!! Как же утешал он нас в те тяжёлые времена!

«Только христианская душа – есть храм Божий, Царствие Божие всегда внутри того человека, который проживёт свой век по закону заповедей Божиих, а молитва вместе с добротой человеческой может спасти весь мир!!! А вот зависть человеческая страшнее, губительнее войны. Иногда она рождается сразу же с пелёнок, иногда – с поведения родителей по отношению к своим детям, с разделения их на любимых и нелюбимых. Зависть воздвигает в сердце ребёнка огромную, недостижимую для других, башню гордости, которая потом возведёт человека в самую низкую ступень преступности», - так сказал от. Иона моей крёстнушке, когда она очень плакала за нашу судьбу после смерти матери. – «Так судил её Господь за разницу отношений к родным детям: одной потворствовать, а другую

ненавидеть всеми фибрами души своей». «Батюшка, да я сразу это поняла, когда у неё родилась вторая девчонка – Валька». «Да, ведь их мать – одна из близнецов. Одна умерла, взяв с собой всё доброе, а с этой пошла в жизнь одна злоба, неограниченное самолюбие. Внутри утробы первого ребёнка жила доброта, которая подсказывала ей будущее стремление к спасению души своей. А в утробе второй сразу же, с молоком матери, поселилась страшная сила зависти, а с ней – ненависть. Вот очень мне жаль родившегося этого мальчика не потому, что он будет расти без матери, а потому, что зловещая сила последней сестры его разрежет ему душу надвое. Она и сейчас внутри себя – бессердечная, разбойница, преступница, служительница сатанинских наветов. Ох, как много грязных дел сотворит она своим сатанинским безумием! Ох, как страшно много за её спиной окажется подлости, безразмерной гордыни, лжи. Лучше бы не родиться ей на белом свете».

Трудно было провести границу в жизни нашей между детством, отрочеством, а тем более – годами юности тогда, когда по родной земле бродило всенародное горе, сначала – с полыхающими факелами революции, потом – со страшной грозой войны, с голодом, холодом, с похоронными телеграммами на погибших на фронте солдат, защищавших Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Но это горе хлебал весь народ. А вот горе, которое посетило нас после окончания войны, оказалось даже гибельнее её. Не успел отец сменить солдатскую форму на гражданскую одежду, как уже начал хлопотать о своей женитьбе. Он стал потихоньку намекать тёткам, чтобы они съехали с квартиры, вроде бы им уже пора и на работу. На наше счастье объявилась пропавшая из нашего поля зрения третья тётка – Прасковья, которая в первые же годы войны потеряла с нами связь. Она вместе с семьёй профессора Граменицкого, у которого жила и работала на даче под Ленинградом, попала в оккупацию к немцам (они не смогли выехать из-за болезни сердца самого профессора Михаила Ивановича Граменицкого). Тётка Прасковья приехала к нам вдвоём со своей хозяйкой – Анной Петровной, которая собиралась просить начальника воинской части освободить принадлежащий Граменицким дом и предоставить проживавшим в то время в её доме трём офицерским семьям новое жильё. А нас она пригласила всех жить постоянно. За время пребывания Анны Петровны и тётки Прасковьи мы перебрались в дом Граменицких и прописались в Фёдоровской Слободе. Надо было радоваться, а мы рыдали так, что под ногами земли не видели от слёз. Отец сразу же женился, а брата моего 5-летнего нам не отдал, оставил у себя на издевательство мачехи, страшной пройдохи, старой бабеспекулянтке. На людях мачеха ласкала его («Где это мой милый сынок?»), а дома, когда он попросит поесть, бьёт его по ушам нестроганой тонкой лучиной или кладёт на постель и сечёт его жиденьким прутиком так, что на спине рисунок остаётся (от синяков), а маячка

вся в кровавых полосах. Кричать он не мог, т.к. она закладывала его голову подушками. Так продолжалось до его поступления в школу. В школе им должны были делать профилактическую прививку. Он снял рубашку, а врач даже ахнула, увидев его расписанную прутон спину. Вызвали отца, завели дело в детской комнате милиции, так как отец работал в органах МВД, то заставили его отдать ребёнка нам. Меня (как старшую сестру) вызвали с работы (в это время я, закончив 10 классов с «аттестатом зрелости», который ввели сразу же по окончании войны, уже работала на вышивальной фабрике «Новый мир»): «Мы Вас вызвали по поводу Вашего брата. По особым обстоятельствам отец согласен отдать его на Ваше попечение, если Вы на это согласны». «Да, я согласна, но вместе с ним возвратите мне его свидетельство о рождении», - ответила, не раздумывая. «Хорошо, тогда распишитесь в том, что Вы согласны, документы на опеку мы оформим и сразу же позвоним Вам на работу». Через три дня отец передал мне его из рук в руки вместе со всеми положенными документами.

Мы оформили Сашу теперь уже в школу нашего района, а отец вдруг пришёл его забирать снова к себе в посёлок. Так было трижды. Нам помог в этом деле Николай Иванович Кусин – муж сестры нашего отца, после этого отец отстал от нас. Не успело окончиться тиранство отца, как нас стала шантажировать страшная гадина – его потаскуха жена. Весь город был поставлен ею на ноги, чтобы жизни наши сравнить с землёй. Однажды я пришла домой с вечерней смены очень расстроенная очередной пакостью этой грязной бабы. Сразу же легла спать, наревевшись, как говорится, досыта: «Господи, где же правда, где мне взять денег ему на одежду, я так мало получаю, а они меня ещё грязью поливают?». С этим я и уснула, и приснился мне такой сон. Подходит ко мне, как бы появившийся из воздуха, очень красивый юноша в офицерской форме, приподнимает как бы меня из постели и говорит: «Денег у меня очень-очень много, я тебе помогу во всём, только не отдавай Шурика отцу», вынимает из кармана и протягивает мне свой бумажник, а затем удалился. Меня очень удивило то как это произошло: он ушел не в дверь, а как бы исчез в боковом окне, подняв красивые крылья. Я подумала – кто бы это мог быть, а мне какой-то голос подсказывает – это Архистратиг Михаил. Видела я этот сон в канун праздника Архистратига Михаила (21 ноября), а с Нового года меня перевели на другую работу с окладом 750 рублей (вместо 95 рублей, которые я получала до этого). Мы одели и обули Шурика, с хозяйского ведома прописали его в доме, доказав отцу, что «он нам не отец, а мы – не его дети» (так сказали не мы, а наш отец, отправляя нас на все четыре стороны света).

Учился Шурик хорошо. По окончании десятилетки встал вопрос – что ему делать дальше? В этом самом году я впервые в отпуск была приглашена в Ленинград. Семья

Граменицких стала для нас роднее родных. В этот период времени к ним приехала одна артистка и рассказала о своей поездке в Эстонский мужской монастырь к прозорливому старцу Симеону. Анна Петровна взмолилась поехать туда с ней вместе (ей нужно было разрешить очень серьёзные семейные дела). Она уговаривает меня, но ведь я уже потратила свои отпускные на одежду, обувь, подарки, у меня почти не осталось денег. Анна Петровна сказала, что она берет расходы по поездке на себя, одолжив для этого денег у соседки – врача Надежды Никитичны. Та не очень охотно, но дала ей денег на меня. Уехали мы в монастырь уже в тот же вечер, было это тоже накануне праздника Архистратига Михаила (только ровно через год). Поезд пришёл на стацию Печера (Петцери) ранним утром. На платформу нас вышло несколько человек. Большие электрические часы показывали 4 часа утра. Одна из женщин громко обратилась в вопрос: «Кто приехал в наш монастырь, если хотите идти пешком, то я уже на пути к нему». Оказалось, что все сошедшие с поезда направлялись именно в монастырь. К старинным огромным каменным стенам мы подошли ровно в шесть часов. Всю дорогу шел лёгкий ласковый снежок, дорогу с обеих сторон окружал стеной тёмный хвойный лес. Вокруг стояла тишина, которая как бы приветствовала идущих паломников. Входные ворота были закрыты, только в маленьком оконце были видны еле теплящаяся лампада у икон и сидящий к нам спиной привратник. Удар колокола заставил его подняться и открыть врата монастырские. От ворот практически сразу же начинался крутой спуск по лестнице внутрь монастыря. Впереди было видно, как открывались входные двери храма, как не спеша из разных уголков двигались к нему монахи. К нам навстречу шёл сам игумен. «Откуда вы, любезные?», - спросил он. «Из Питера мы», - ответили идущие впереди нас женщины. Всех благословив, он указал на храм в пещерах: «Там сегодня будет совершаться литургия, а поздняя наверху в храме – во имя Архистратига Михаила». После ранней обедни к нам подошла одна из певчих хора, пригласила в келью старца Симеона. Мы пошли за ней прямо по пятам, т.к. в коридоре было очень темно. К нам вышел монах с зажжённой свечой, указав на дверь кельи батюшки (это был от. Серафим, его келейник). Мы вошли в очень маленькую прихожую, где уже сидело несколько странниц. Нам старая монахиня предложила сесть на скамеечку, а сама принялась засыпать в трубу самовара полыхающие жаром угли. Почти следом за нами в келью вошёл очень старенький старец с доброй улыбкой на лице. Все кинулись под его благословение. Мы тоже поднялись. «Вот видишь, мать Екатерина, я же тебе говорил, что в Престольный наш праздник будем питерских персон чаем угощать из нашего самовара!!! Вот они и приехали. Ты их посади поближе к самовару, а ко мне зайди после того, как я разденусь». Нам наливают по огромному бокалу свежесваренного чая, по огромному куску ароматного свежеиспечённого заварного хлеба, ставится миска с

винегретом, жареная рыба, а к чаю – варенье из чёрной смородины. Прочитав молитву, матушка всех пригласила к столу, а сама ушла в келью батюшки. Очень скоро она вернулась с двумя тёплыми ещё преснушками с картофельной начинкой и положила их на стол: «Это вам от батюшки гостинец». Пока мы управлялись с завтраком, все сидевшие с нами уже побывали у батюшки и вышли из кельи. Пришёл и наш черед. Матушка Екатерина спрашивает у старца, кто должен первым войти к нему, а он отвечает ей очень ласково: «Тут у меня последних нет – пусть заходят обе вместе!». Сам он сидел на своей маленькой заправленной солдатским одеялом кровати, нам пододвинул две табуретки. Анна Петровна (по праву) первая заговорила про свои невзгоды, а от .Симеон ей про своё: «На голове-то у тебя папаха «генеральская», а голова-то твоя - «садовая», а горе-то твоё - «луковое». Что ты сына хочешь женить на безбожнице, а атеист – это червяк, червяк, матушка». «У неё бабушка очень добрая», - отвечает ему Анна Петровна. «А ему разве с бабушкой век-то червяком ползать??? У тебя уже младший сын попал «как кур в ошип», теперь не знает где свою голову приклонить, где душу озябшую согреть от своей любезной «крали». Ищи попроще, только без тёщи. Ну ещё приедете, к тому времени разберёмся как-нибудь». Затем он обращается ко мне, берёт за руки, обнимает и, благословляя, говорит: «Ты хоть и не матушка, а хлопчешь как о сыне. Как сдаст твой братец экзамены в школе, сразу же отправляй его в Питер поступать в медицинский институт». Анна Петровна вступает в разговор: «Он же простолюдин, батюшка!», а он ей, улыбаясь, в ответ: «А сын-то твой кому преподаёт – колхозному люду, да детям бывших батраков. Вот тебе, госпожа благородная, и карты в руки». «Ты только собери его в дорогу хорошенько, проводи до Ленинградского вокзала в Москве, позвони, чтобы встретили, а там есть будет кому зачислить», - снова обратился он ко мне. На этом разговор наш был окончен. Батюшка велел нам найти матушку Варвару, чтобы она показала нам наш номер в монастырской гостинице для ночлега, дав благословение на трёхдневный визит к нему. Мы, действительно, ходили внутри монастыря как заморские гости. Исповедовал нас от. Лука, последний Валаамский игумен. Исповедь шла часа три, но мы не уставали. В три час дня мы ежедневно посещали келью старца Симеона, затем шли к схиархимандриту Михаилу, на второй день – к от. Кириону. Проводник открыл нам пещеры в основной горе монастыря (типа катакомб), где гробы стоят не засыпанные землёй. Поставленные в Троицу букеты сирени до поздней осени остаются там как будто свежесрезанные. Провожая нас утром после ранней литургии, батюшка мне и говорит: «Тебе нельзя работать на фабрике, поезжай в Питер учиться, когда брат поступит в институт». «Да какая она ученица в таком столичном, цивилизованном городе», - заметила Анна Петровна. «А ты-то и поможешь ей получить там постоянную прописку», - отвечает ей батюшка. – «Она больше всех будет вам помогать». Он одел на

себя белый полотняный передник, обнял меня и поцеловал, пожал руки, а на ухо сказал: «В той же купели будешь плавать, в какой они полощутся». На память подарил мне свою фотографию и чётки на 50 единиц: «Они на роялях, а ты вот с этой балалайкой тоже подпевай!». Всё точно так и сбылось, даже номер вагона по нашим билетам им был указан верно.

А в Ленинграде нас уже встречали, озабоченные нашим продолжительным отсутствием. Меня попросили зайти в гастроном купить круглый хлеб. Он только что был привезен из пекарни, очень горячий, а мне не во что было его положить. За мной в очереди стоял офицер из Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, он очень любезно подал мне газету и сказал: «Она с таблицей розыгрыша, может Вам повезёт». Пришла я домой, очень быстро разделась, стол уже был гостеприимно накрыт и все ждали только меня с хлебом. А облигации у меня были с собой, они лежали в моем чемодане. Зайдя в одну из комнат, где на письменном столе стояла настольная лампа, я разложила газету с таблицей выигрышей займа и стала проверять облигации. Из 50 штук облигаций на одну я выиграла 500 рублей, а на одну – 50.000 рублей. У меня от неожиданности даже мороз по коже побежал. Внизу, на первом этаже дома, располагался банк, я спустилась в него, чтобы удостовериться. В банке всегда было много студентов Военно-медицинской академии, которые получали переводы от своих родственников. В дверях стоял старый, дородный швейцар. Кассир, очень порядочная женщина, спрашивает у меня: «У вас есть с собой паспорт?». Я протянула ей паспорт, она выдала мне аккредитивы на большой выигрыш, а 50 рублей – «четвертными» (25 рублевыми купюрами). Я спрашиваю у кассира: «А что мне нужно делать с этими бумажками?». «Езжайте домой, сдайте их в сберкассу, переведя деньги на сберегательную книжку». Дошла я до магазина мелочей (напротив Военно-медицинской академии), купила себе хорошую кожаную сумочку с запором, аккредитивы аккуратно положила в одно отделение, а деньги – в другое, отсчитав Надежде Никитичне 200 рублей долга за поездку. Купила 3 кг апельсинов в Переславль. У меня уже предварительно был куплен обратный билет до Москвы. Газету я положила на самое дно чемодана. Отдаю я Надежде Никитичне долг, говорю, что Бог милостив к нам, сколько заняла, столько и выиграла. Она тут же побежала в киоск за газетой, проверяет и выигрывает 200 рублей. За ней приходит моя тётка Прасковья: «Иди проверь наши облигации, у них их целая охапка». Проверила – у них выиграли 7 облигаций по 200 рублей и одна на 500 рублей погашена. Мы с тёткой рано утром пошли в Никольский монастырь поблагодарить Бога за милость его. После этого подошли к блаженной матушке Марии, даём ей в конверте по 200 рублей каждая, говорим ей: «Это на голубей». Она нам в ответ: «Они уже за вас молятся Богу», отдает мне свечу и добавляет: «Поставь её преподобному

Серафиму. Он ведь сейчас в Питере живёт». Мы, переглянувшись, поблагодарили её, приложились к святым мощам преподобного Феодосия Черниговского. После этого поехали в универмаг ДЛТ, купили мне зимние сапоги. Меня и потом всегда провожали очень тепло, а тем более это было в первый раз.

Дома я сразу же поехала в Сбербанк, сдала аккредитивы на сберегательную книжку, которую потом хранила до того дня, когда сестра решила выйти замуж. На свадьбу я сняла для неё только проценты. Об этих деньгах никто ничего из домашних не знал, я же ежемесячно заказывала в церкви благодарственные молебны. По предсказанию о.Симеона я доработала на фабрике до конца сентября следующего года и попала под сокращение отдела. В это время к нам приехали в отпуск Анна Петровна со своим сыном Евгением Михайловичем (до 15 октября). В моем горе они приняли полное участие, успокоив тем, что возьмут меня с собой в Ленинград для устройства на работу. В ночь на 14 сентября 1953 года мне приснился сон: якобы приезжает из госпиталя дядя Вася (брат моего отца), ставит чемодан, обнимает меня, целует, достаёт из чемодана и подаёт мне шёлковый голубой платок с крупным белым горохом на этом фоне, затем быстро надевает мне на средний палец левой руки золотое кольцо, очень веское, с бирюзовым глазком среди дубовых листочков. «Это тебе я еще с Финской войны берег!», - будто бы говорит он мне. Проснувшись мгновенно, я еще чувствую тяжесть этого кольца на его пальцы, помню его оригинальное оформление. Ведь дядя Вася погиб на второй год уже германской войны в партизанском отряде под Керчью (посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза). К вечеру этого дня пришла к нам монахиня Александрия. За чаем она мне говорит: «Сон-то тебе вещий снился. Финляндский вокзал в Питере стоит, а дядька твой просит молитв твоих за помин души его усопшей, т.к. молиться за него больше некому. А на перстенёк-то ещё нескоро ответ будет, совсем нескоро. Поезжай в Питер, тори дорогу Саньке, а тётка за ним здесь приглядят. В этом дело не наше, это дело в руках Божиих. На Валькину свадьбу совсем приедешь». Мало что поняла я тогда в её толковании, а когда всё произошло как в кино, тогда мы все полностью убедились в её прозорливости.

В октябре я уже ходила по улицам Ленинграда с постоянной пропиской в паспорте, а с 19 октября 1953 г. ежедневно трамваем №14 ездила на вечерние (четырёхгодичные) курсы медицинских фельдшеров в Санитарно-гигиенический медицинский институт – произошло это спустя 12 лет после моего окончания школы. На работу меня устроили в том же институте на должность лаборанта кафедры неорганической химии (здесь работал Евгений - старший сын моей хозяйки). Зима была очень сырая, утром на трамвайной остановке сильно застывали ноги, а вечером шёл дождь или снег с дождём. За неделю до Нового года я слегла в постель с высокой температурой (38°-39°) от фолликулярной ангины.

5 января 1954 года меня направили в терапевтическое отделение стационара при институте, где я начала работать и учиться. Выписали меня оттуда только 17 марта с осложнением на сердце, осложнением ревматизма на суставы с оформлением на комиссию ВТЭК, где выдали справку о II группе инвалидности.

С 1 мая я начала получать пенсию по месту прописки в Ленинграде (120 рублей). В июне мы все уехали в Переславль, а за пенсией мне надо было приезжать в Ленинград через каждые 3 месяца. В 1954 году в нашем городе объявляется набор на вечерние сестринские курсы (от Ярославского управления здравоохранения). У меня была справка из мединститута, выданная директором вечерних фельдшерских курсов Н.М. Шаховым о том, что я сдала 7 экзаменов за 1 семестр. Прихожу я в наш отдел здравоохранения, узнаю условия приема. В кабинете – сам директор курсов Мешков Евгений Ефремович. Посмотрел он мои бумаги, поднял голову, внимательно оглядел меня и говорит: «Пишите заявление, с 1 октября начинаются занятия, с 17 до 20 часов». В сентябре я поехала в Питер, перевела инвалидскую пенсию в Переславский собес, потеряв, естественно, постоянную прописку в Ленинграде. Учиться мне было легко, потому что я была уже хорошо знакома с программой курсов. В 1957 году в июне нам после сдачи экзаменов (их было 7) торжественно вручали дипломы. В октябре этого же года я устроилась на работу медсестрой в детскую консультацию. Брат мой Шурик в этом же году (и тоже в июне) поступил в Санитарно-гигиенический институт в Ленинграде, а к занятиям приступил (также как и я к работе) в октябре, т.к. после приема в институт студентов отправляли на уборку урожая в сельскую местность. Вот что значит молитва старцев-подвижников, какая же сила благодати им открыта Промыслом Божиим, вот как пути Божии неисповедимы для тех, кто в скорбных обстоятельствах призывает его на помощь!!!

В 1959 году на день праздника Архистратига Михаила (в ноябре) я вижу такой сон. Будто бы лежу я на койке в больнице нашей в терапевтическом отделении на первом этаже в палате, окна которой выходят на юг. В палате 5 коек, все они заняты, моя кровать – первая от окна. Стемнело, в окно осторожно стучит брат, поднявшись на какой-то чурбак. Вижу я, что одет он в белый халат – ну, думаю, значит поступил в институт. Брат протягивает мне конверт и сразу же исчезает. Я открываю конверт и вижу, что там лежит какая-то открытка, на лицевой её стороне изображены 3 лица. Два я смогла рассмотреть спокойно, а третье никак не удавалось: необыкновенно яркий свет не давал мне возможности разглядеть черты лица. Я перевернула открытку, но прочитать то, что было там написано, мне тоже не удавалось из-за ослепительного света, исходящего от этой открытки. Вдруг справа чья-то рука берёт у меня открытку, совсем незнакомый мне голос произносит следующие слова: «Два тебя посетили, а третий откроется в Петрограде, да и написанное там прочтёшь». Я

проснулась от того, что был включен свет, но от того состояния блаженства, что нашло на меня, я накрылась одеялом с головой и снова заснула. Весь следующий день я ничего не хотела есть. Через неделю я действительно оказалась в той самой палате, что видела во сне, на койке у того самого окна. Меня положили в больницу с диагнозом «резкая анемия» (при сдаче мной профилактических анализов у меня оказался очень низкий гемоглобин). Через месяц безуспешного лечения я попросила выписать меня из больницы для поездки в Ленинград. 19 декабря я поехала в Питер. В такси вместе со мной сели хорошо знакомые мне люди, они ехали на свадьбу дочери в Ленинград. На вокзале я отправила телеграмму, чтобы меня встретили, потому что очень кружилась голова и я боялась, что не смогу сама добраться до дома. В самый Николин день в квартире Граменицких собрались гости, среди них был врач с кафедры гематологии мединститута. 25 декабря я была уже в стационаре этого отделения. Дней примерно через пять приходит к нам в палату убираться старенькая санитарка Максимовна, здоровается со всеми. «Что, у вас новенькая?», - спрашивает она. «Да, новенькая», - ответили ей сидящие на койках женщины. После ужина Максимовна пригласила меня выйти в коридор, усадила на диван и присела рядом со мной. «Напиши о здравии записочку о себе как о болящей. Вот тебе конверт, если есть 3 рубля, то положи их в конверт вместе с запиской. На конверте напиши – прошу ваших молитв за моё расстроившееся здоровье, нахожусь в стационаре бывшего монастыря, построенном от. Иоанном Кронштадтским. Аминь». Через 5 дней передаёт она мне небольшой кулёчек (граммов на 200) с шоколадными конфетами («Морские»). Там же лежал один трюфель и просфора довольно крупного размера с записочкой: «Отслужи водосвятский молебен Пресвятой Троице на Рождество Христово выписывайся из больницы – она тебе не поможет. Возьми у Максимовны мой адрес и приезжай вместе со своей тёткой после 12 часов дня в любой удобный для вас день. Николай Николаевич Рад.....». А буквы на бумаге светятся точно также, как на открытке, виденной мной во сне в Переславле. Я выполнило всё так, как было сказано в той записке. На третий день Рождества нам позвонила Максимовна и предложила встретиться у храма Преображения после поздней литургии, чтобы потом поехать на Васильевский остров в гости к Николаю Николаевичу. Встречал он нас уже накрытым столом, сидя в высоко поднятой инвалидной коляске. В комнате было довольно много народа, среди них выделялся седой благообразный, очень красивый монах. Он попросил нас всех встать, чтобы прославить Христа, благословил яствие на столе, а сам завёл разговор с Николаем Николаевичем. В три часа он снова пропел славословие, а мы, поблагодарив за гостеприимство, начали подходить под благословение к от. Сергию. Николай Николаевич каждому в протянутую руку подкладывал по горсточке конфет, Одевшись, мы стали прощаться, как вдруг Николай Николаевич обратился к одной из

уходящих женщин: «Александра Петровна, это ваши попутчицы, благословляю вас ночевать у них». Александра Петровна оказалась замечательной женщиной, бывшая балерина Воронежского театра оперы и балета. С первой же нашей встречи было такое впечатление, что мы давно знакомы и прожили вместе много лет. Познакомившись, мы с ней за святые молитвы Николая Николаевича стали верными друзьями. Она нам рассказывала о том, как Николай Николаевич спасал своими молитвами даже капитанов морских кораблей. Если он сказал, что надо сделать в том или другом случае, то так и надо было выполнить. Александра Петровна сказала, что иногда человек, даже находясь на большом расстоянии, получает ответ на свои вопросы за его молитвы из уст совсем другого человека. В этом я смогла убедиться сама.

У нас в армии на действительной службе был племянник, он служил на польской границе без всяких отпусков на побывку. Будучи в Переславле, я написала Николаю Николаевичу письмо, опустила конверт в почтовый ящик, дошла до автостанции и стала ждать с тёткой Прасковьей продажу билетов на пригородный автобус, чтобы навестить в районной больнице одну старушку. Людей было много, но я заметила, что какая-то женщина походит ко всем сидящим в зале ожидания и что-то каждому говорит. Дошла очередь и до нас. «Надо ли навещать-то, ведь у тебя у самой в кармане трёшница, да и то занятая, а про тебя даже сродники говорят, что богатая, а так скромно одеваешься», - сказала она. Я протягиваю ей рубль, а она мне в ответ: «В праздник-то за накрытый стол придёт, постучав в дверь, служивый, а есть нечего будет, пригласит он вас к себе домой. А жить-то ты будешь с таким же, как у тебя волос на твоей голове», повернулась и ушла. Как оказалось позднее, ехать нам не надо было, потому что та старушка уже выписалась из больницы домой. А на следующий день был праздник Преображения Господня. У меня ночевала сестра со своей дочкой Любой. Я испекла пироги с яблоками, сварила борщ, натушила картошку, нажарила рыбу, включила электрический самовар. Вдруг слышу, что в дверь кто-то осторожно стучит. Открываю дверь и глазам своим не верю – на крыльце стоит самый долгожданный наш служивый. Я кинулась его приветствовать, мать выскочила и заплакала от радости, а за ним следом заходит его отец, который с вечера с перепоя дебоширил. Мы пригласили их за стол, а отец говорит: «Саша наш демобилизованный, дома даже не присел, пошёл звать всех к себе домой». Ну мы не стали возражать, оделись и пошли. Все вместе входим в дом, а в доме «шут ногу сломит». Быстренько всё убрали и за столом стали приветствовать возвращение родного нашего солдата на родину.

Как видите потребовались лишь сутки для того, чтобы получить ответ на свою просьбу в письме, посланном накануне!. Как же велика сила Благодати истинного подвижника благочестия!

Был ещё такой же случай в 1975 году. Мы все четверо (Александра Петровна, тётка Прасковья, Лидия Юлиановна и я) приехали во Владимирский собор на Всенощное. Вставали мы всегда в левом крыле храма напротив чудотворного образа Божией матери, именуемой «Скоропослушница». После чтения «Шестопсалмия» от самой иконы по ступенькам к нам спускается очень худенькая «странница-старушка», одетая почти также, как одевалась моя покойная бабушка. Людей в храме было так много, что руку нельзя было поднять – ведь был канун зимнего праздника святого Николая. В одной руке у старушки был лёгонький посошок, а на другой висела полотняная кошёлочка. Руку она не протягивает, а остановившись рядом со мной с правой стороны, тихонько мне на ухо говорит: «За кого-то очень спешно надо помолиться?». Я опускаю ей в котомку рубль, а она, легко так опустившись на колени, снова мгновенно поднялась и сказала: «На Смоленском кладбище два старца очень скорбят». После чего очень быстро проходя мимо людей, стоящих рядом со мной, подошла к моей тётке стала что-то очень озабоченно повторять ей. Говорила она достаточно громко, так что я даже слышала их разговор: «Ты не была на Смоленском кладбище, где живут два старца, у них на престоле есть «антиминс». Тётка отвечает ей, что не знает таких, а странница несколько раз повторяет сказанное ею. Тётка протянула страннице рубль, но та вдруг исчезла как дым, оставив лишь ароматный след ладана. А на утренней литургии к нам подходит Александра Петровна и радостно сообщает, что тяжело болевший Николай Николаевич поправился и он приглашает нас после службы на его именины. Там действительно было два старца – от. Сергей Мстинский да сам Николай Николаевич. «Антиминс» же Николаю Николаевиче привёз о.Сергий из одного Тверского храма, где престол засыпал рухнувший купол.

За неделю до того, как получить телеграмму из Ленинграда, приснился мне такой сон: Вроде бы едем мы втроём – я, тётка Прасковья и Евгений Михайлович – на трамвае №25 в направлении Московского вокзала. Я уезжаю в Переславль, а они провожают меня на поезд. Рядом со мной стоят чемодан и дорожная сумка. Приходим мы на платформу, а там очень-очень много людей (в основном студенты, молодёжь). У самого выхода на платформы установлены какие-то стенды, около которых в несколько рядов расставлены красивые вазы с крупными хризантемами разной окраски, посредине – маленькая трибуна. Евгений Михайлович спрашивает у тётки Прасковьи: «Что это за торжество?». На трибуну всходит маленькая (лет пяти) девочка, очень нарядно одетая в бледно-голубое платье, с голубым бантом в волосах, каштанового цвета волосы очень красивыми локонами спускаются на плечи. Конферансье, стоящий рядом с девочкой, просит у всех внимания. Девочка поёт необыкновенно красивым голосом слова из молитвы, составленной Серафимом Вырицким «И в радости, и в горе монах старый, больной...». Последний куплет

этой молитвы: «...Заступнице убогих, одеждо для нагих; в скорбях великих многих спасёт рабов своих». Ей где-то вверху вторит такой мощный хор, что даже сердце замирает. Вслед же за хором эти же самые слова повторяют стоящие в несколько рядов студенты. Студентов становится так много, что платформа и стены вокзала как бы исчезают, а мы снова оказываемся в трамвае №25, только чемодана уже нет, а дорожная сумка в руках у Евгения Михайловича. При выходе на остановке «ул. Лебедева» он передаёт мне сумку и тут всё исчезает – я проснулась. Целую неделю я ходила под впечатлением этого необыкновенного сна, звучат и звучат у меня в голове слова этого стиха, который очень часто под звуки рояля пела нам Анна Петровна. В понедельник следующей недели мне на работу [в Переславле] приносят телеграмму – умерла Анна Петровна. Меня отпустили с работы на неделю, я пошла домой, собрала в ту самую дорожную сумку необходимые в дороге вещи. Села на такси до Загорска, купила билет на электричку, в Москве перешла с одного вокзала на другой – оказалось, что поезд отходит через 15 минут. По телеграмме мне выдают в кассе билет, я бегу, чтобы не прозевать время отправки. В 11 часов вечера я уже была на Московском вокзале г. Ленинграда. После похорон мы вечером собрались у рояля, в память душеуспокой хозяйки дома минорно исполняли её любимые молитвенные напевы. Всем было как-то не по себе, при исполнении молитвенных напевов было такое ощущение, что душа Анны Петровны находится в этой комнате рядом с сидящими близкими ей людьми. Уезжая, мы с Александрой Петровной добрались до Николая Николаевича. Я рассказала ему про свой сон (правда не очень подробно, а Николай Николаевич как дополнял его сам), Выслушав, он тяжело вздохнул и спросил: «Авоська-то твоя осталась при тебе, когда из трамвая выходили?». «Да», - ответила я. «Тогда молись до самой Пасхи за Анну Петровну, по ночам (после 12 часов) читая 118-й псалом. А в самую Пасху будет в вашей семье необыкновенная, неожиданная радость». Так все по его предсказанию и вышло. По местному радио передали объявление о том, что Ростовский строительный комбинат продаёт стандартного типа дома по цене 10500 рублей, перевоз – в любом направлении от самой базы. Это было в 9 часов вечера накануне Светлого Христова Воскресения. Это объявление запало мне в душу, я приняла решение. Сестра жила в старом, очень ветхом домике («избушка на курьих ножках»).

Всю Пасхальную ночь наша семья простояла в церкви. А, разговляясь, зять нам купил бутылку шампанского. «Ну что», - говорю я ему – «Выпьем за новую избу!!!». Сестра даже поперхнулась, выпивая вино, а зять сказал: «Ну, ты, даешь – ещё не выпила, а бредишь уже неделю». «Так ты поедешь за домом или нет?! Денег сниму с книжки столько, сколько будет надо для постройки!». На третий день я взяла на работе отгул, доехала до сбербанка, сняла с книжки 25000 рублей от того заёмного выигрыша, вручила сестре 15000 на покупку

и перевозку дома, а остальные заперла в гардероб свой (я тогда ещё жила у Граменицких). Когда на Фоминой неделе 4 машины привезли весь строительный материал со щитами дома, то соседи со всех сторон сбегались как на пожар. Старый дом быстро развалили, нашли хорошую бригаду плотников, заложили прочный кирпичный фундамент. Привели шифер для крыши, напилили досок на полы (в старом доме пол был из реечек, а не из досок). В то же лето на день праздника «Успение Богоматери» они, отслужив водосвятный молебен, переехали в новый дом. Спустя 2 недели была также сложена печка с котлом и батареями. Обо всем этом я написала Александре Петровне для того, чтобы она поблагодарила Николая Николаевича за молитвенную помощь, за то благословение (вопрос об «авоське»), которое было как бы намёком. Он знал, что пришла пора расходовать деньги, лежащие у меня на книжке.

На следующий год я не смогла поехать в Питер, поэтому написала письмо верному своему другу Александре Петровне с моими поздравлениями всем с наступающим Великим постом. Слушая это письмо, Николай Николаевич вдруг сказал Александре Петровне: «Капа-то пусть ещё ждёт в Пасхальные праздники неожиданную радость. Это ей от Господа за ночное чтение Псалтыря будет». Значит, он благословляет меня и в этот пост читать 118-й псалом. Эту Пасхальную ночь я провела в Троице-Сергиевой Лавре. Приезжаю в полдень в Переславль, пришла домой, со всеми похристосовалась. Детям, конечно, купила лакомств загорских, в т.ч. 3 кг хороших конфет – «Коровка». Отсыпав конфет тёткам, остальное сложила в пакет, взяла крашеные яйца и пошла к сестре. Дети кинулись меня обнимать, а мать сразу же принесла на стол кипящий самовар. Нарезает кулич, сырник, холодец, ставит на стол рыбу в маринаде, а сама она какая-то загадочно-обеспокоенная. «Где сам-то хозяин?», - спрашиваю её. Только вперёд её отвечает мне Люба (ей тогда уже было 8 лет): «А папка у Судаковых сидит (соседи слева). Они продают своего «Москвича». Предложили нам его купить!!!». Через некоторое время приходит зять и говорит мне: «Вот, совсем озадачили меня соседи. Предлагают машину купить у них в три срока за 4500 рублей». А я ему: «Узнай, где теперь оформляют документы на машины». «Сам инспектор ГАИ всё сделает, дело всё в деньгах». «Завтра принесу деньги, а там уж вы сами разбирайтесь. Им всем скажете, что возьмёте ссуду, а сейчас пока заняли». Машину оформляли в с. Нагорье, туда за рулём сидел Игнатьевич [Судаков], а обратно уже вёл Саша наш. Мужики на работе зятя смеялись: «Ты где, Васька, «кубышку» зарыл? Покупки как блины печёшь!». После этой покупки за страдальческие молитвы наших блаженных молитвенников начисто зять отказался от попоек.

У каждого подвижника есть свой экран его духовного поля зрения с силой благодати ясновидения, данной ему от Господа Бога за его труды и подвиги на земном поприще страданий.

Рукотворный храм могут разрушить те же человеческие руки, которые его создавали, а душа христианская, охраняемая верой, может создать много храмов, подобных себе, но только с помощью Божией. Не отходи человек от Бога, тогда всё возможно ради славы Имени Его Святого. Крёстная моя – тётка Анастасия – после продолжительной болезни скончалась на 73 году жизни (родилась она в 1891 году). Весь свой век она подарила добру, состраданию, особенно заботе о детях. Совсем неграмотная, а молилась по часу утром и вечером. Болела сама, а думала о тех, кому ещё труднее, чем ей. Для меня она была живой книгой науки жизни. Трудно сосчитать те колыбельки-люльки с детишками, которые лелеяли её уставшие после трудового дня (в поле, на сенокосах, на заготовке дров) руки. В своей деревне вся близкая и дальняя наша родня доверяли её своим новорожденным детям, которым она становилась крёстной матерью после их крещения. Как бы не уставала она, но ни один церковный праздник не могла пропустить, ходила в церковь при любой погоде. В её душе так велик был Страх Божий, а для злобы и зависти места не было. Как говорила ей матушка Сусанна: «У тебя, Настенька, злобу людскую собаки ещё с пелёнок съели!». Ей всегда надо было кому-то страждущему помочь (отнести коврижку хлеба, кринку молока, ведро картошки, узелок муки и т.д.). Матушка Сусанна её всегда утешала, читая статью чьего-то святого творения, которую она потом (в глубокой старости) подарила мне.

Святое слово для спасения души христианской

Не дела житейские губят нас, но злая воля наша. Не сан, не место спасают нас, грешных человеков, а настоящая чистосердечная вера христианская да добрые – от чистого сердца – дела наши. Мужайтесь, братия, живите только по заповедям Божиим!!! Только в том есть наше христианство, только в том и есть спасение души нашей!!!

«Чадю, не место, не сан спасают человека; да и нет пользы тому, кто не соблюдает в жизни своей заповедей Божиих!!!», - говорил преподобный Нифонт. – «Не уклоняйся, человече, умом своим от Воли Божией, тем более сердцем твоим к соблазнам моря житейского. На всяком месте можно исполнить Волю Божию, потому что Сам Господь приемлет в свои объятия чистую совесть, доброе сердце и праведную душу, ровно также как от сохи, как с поля боя, от алтаря или престола церковного, от пастуха, от дровосека!!! Если каждый из них выполняет дело своего чина, звания, сана, призвания, в которых Сам Господь поставил человека после его крещения. Будь только ты христианин –

человеколюбив, справедлив, благочестен, добродушен, незлобив, нестяжателен, независтлив, негневлив. Таким путём ты приидеши к спасению души своей.

Есть одна единственная общая стезя (дорога жизни), по которой Господь Бог ведёт всех православных христиан к Царствию Небесному – это чистая совесть, крепкая вера, доброе сердце; с верой во Единого Господа Нашего Иисуса Христа, Сына Божия!!! А это значит, что человеку надо жить благочестиво, бесхитростно, трудолюбно, добродетельно, чистосердечно, братолюбно, без всякого лукавствия!!!

Соблюдая внутри себя такие добродетели, человек становится истинным христианином, верным сыном, составляющим храм Церкви Божией!!! Но, чтобы иметь расположение сердца к этим видам добродетелей, надо с самого раннего детства сохранить кристально чистую неподдельную совесть – всегда иметь в душе своей Страх Божий, до конца дней жизни своей (С этой чертой характера прожила свой нелёгкий жизненно-христианский путь моя крёстная – благочестивая девица Анастасия Александровна!!!).

Избежать всех пороков: гнева, злобы, подлости и многих других, человек может – путём постоянного творения умом молитвы Иисусовой. Как бы ни был человек слаб в своих делах житейских, благодать Божия не оставит его, если он идёт за помощью во Храм Божий, просит Царицу Небесную, Архангела Михаила – хранителя рода человеческого, Всемирного Светильника Василия Великого – учителя Вселенского, Святителя Николая – скорого и пребыстрого помощника во всех бедах и напастях наших. Аминь!!!».

Вот так было, когда я очень тяжело заболела после ленинградской простуды, от сырого климата Питера. В течение года от постоянной лихорадки я похудела на 9 кг (с 54 кг до 45 кг). Я так сильно ослабла, что меня даже шатало из стороны в сторону от того, что я не хотела ничего есть. Как-то приходит крёстная ко мне чулан (дело было летом на праздник иконе Казанской Божией Матери), зажигает лампадочку в углу и начинает собираться в церковь: «Завтра отслужу водосвятный молебен Царице Небесной». Я встала, открыла гардероб, где лежал мой кошелёк, даю ей трёшницу. Она ушла, а я опустилась на колени и со слезами на глазах стала просить Царицу Небесную о скорой её помощи в моём нездоровье. Ночью мне (а я легла спать со всеми вместе на чердаке сарая на сене, с самого края) было видение. На рассвете через щели в крыше сарая вижу я силуэт женщины-незнакомки, которая, встав у моих ног, очень уверенно говорит мне: «Иди на операцию, а не то погибнешь!!!». Голос её был так строг как у власти имущей. Открыв глаза, я разглядела её тёмно-коричневую мантию с такой же накидкой по всей длине одежды, которая закрывала даже её обувь. В этот то момент я и проснулась. Спать я больше не могла, дождалась того момента, когда наши женщины вышли из дома и ушли на автобус, чтобы доехать до церкви. Тихо спустившись с крыши, я вышла из сарая, зашла в чулан, взяла

акафист Казанской Божией Матери и со слезами прочитала молитву к Ней, громко говоря и глядя на икону: «Ежели это истинно, то буду ждать знака три раза!». Было это 21 июля 1957 года. В день празднования иконы Смоленской Божией Матери (10 августа 1957 года) тоже на чердаке и в то же самое предрассветное время я чувствую скрип половиц у своих ног, слышу очень властный голос женщины, наступившей на край моей постели: «Не откладывая в дальний срок операцию – это единственный выход встать тебе на ноги!!!» Я также тихонько спустилась вниз, но у крыльца меня прихватил приступ аппендицита. Мне помогла зайти в чулан Елена Семёновна – сноха Анны Петровны, которая только что приехала на машине из Ленинграда в отпуск с Петром Михайловичем и собаками (был сезон охоты). Она сразу же оставила все вещи, попросила соседа-врача Николая Георгиевича Карташевского посмотреть меня. Проведя осмотр, он сказал решительно: "«Надо немедленно оперировать». Я отказалась, Елена Семёновна дала мне таблетки стрептоцида и боли потихоньку отступили, приступ прошёл. Я по-прежнему ничего не ем, пью только смородиновый чай.

21 августа 1957 года в третий раз, тоже на сеновале и всё в том же одеянии, женщина-незнакомка очень настойчиво и очень грозно говорит мне: «Сегодня крайний срок, ждать больше нечего. Я в четыре часа буду там с тобой, тебя теперь отвезут на машине!!!». Я спрашиваю её: «Куда отвезут?». «В операционную!». После этих слов незнакомка исчезла. Я спустилась вниз, Елена Семёновна была уже на ногах, она готовилась к поездке на охоту в Вологду, собирала необходимые продукты и вещи. Увидев меня, она сказала: «Капочка, у нас сегодня подготовка к отъезду на охоту, а завтра мы уедем надолго. Мы сегодня можем тебя довести до хирургии». Я тотчас же согласилась. В приёмном покое меня осмотрела врач-хирург Анна Карловна. Согласна ты сейчас на операционный стол лечь?», - спросила она. «Да, согласна», - ответила я. На операционный стол меня положили ровно в 4 часа (я знала это, т.к. напротив на стене в операционной висели огромного размера часы). В 4 часа 20 минут меня уже отправили в послеоперационную палату на медицинской каталке. Проснулась я только на следующий день. При обходе Анна Карловна сказала мне: «Ты ведь была вчера на грани смерти, но теперь всё хорошо, поправляйся. За чьи-то молитвы тебя Господь помиловал!!!». А помиловал меня Господь за молитвы Самой Царицы Небесной, за неотступное ходатайство моей крёстнушки, которая три дня постилась за моё выздоровление, молясь по ночам, отлагая по 40 земных поклонов. Что, неужели действительно ко мне, грешной, являлась сама Царица Небесная? ведь оперировала меня женщина и ровно в 4 часа (как и было в моих видениях). Вот как велика была сила молитвы за меня, за моё возвращение к жизни моей путеводительницы, ходатайствующей перед святой иконой Казанской Божией Матери. Через 7 дней я была выписана из больницы, а на

девятый день мы с крёстной поехали в Загорск поблагодарить Господа и Матерь Божию и приложиться к мощам преподобного Сергия. Нас исповедывал схимонах от. Корнилий. «Пока я жив приезжай на исповедь ко мне. Здесь я выполняю послушание в четверг, пятницу и понедельник», - сказал он мне. Отец Корнилий был стар (в то время ему было уже за 80 лет), очень болен (он вернулся в монастырь из ссылки три года назад). «Вернулся я через 25 лет ссыльного срока только потому, что меня там в первый год посетил во сне преподобный Сергий, подав записочку с содержанием молитвы Иисусовой. Весь срок в лагерях я эту молитву не выпускал из уст своих». Вот эта-то молитва и привела меня в его обитель, от. Корнилий был ясновидящий. Пять лет я ездила к нему за советами, на исповедь, и каждый раз это был для души моей праздник. Аминь!!!

В последний год моего пребывания в доме Граменицких на праздник Сретения Господня я вижу такой сон: Открывается дверь в столовую, где я жила в зимний период времени, и входят два студента в белых медицинских халатах – соседский сын Серёжка и брат мой Сашка. Через порог не переходят, т.к. брат задерживает своего приятеля в дверях такими словами: «Тебе нельзя в эту комнату, здесь Солнце светит днём и ночью, а ты ведь ещё некрещённый, нельзя, не заходи! Вот на будущий год здесь будут все двери открыты». «Как это понять?», - спрашивает Серёжка. «Их открывать будут соседские дикие страшные звери». На этом сон мой окончился. И в самом деле, в мае же месяце родители Сергея продают этот соседский дом и увозят его бабушку Марию Ивановну в Ленинград. Дом их купили действительно страшно поганые люди, с дикими нравами подлости, подстрекательства. А нам в июле приходит извещение на получение квартиры (от отдела здравоохранения), которая была при больнице в конце этой же улицы. На самый Ильин день мы получили ордер и домовую книгу для прописки. Квартира была шикарная, брат был даже смущён её размерами – 63 кв.м. с русской печкой и паровым отоплением. У меня была в мае получена страховка (3000 рублей), да ведь был ещё остаток от того выигрышного займа. Собираю своих мужиков, нанимаю грузовую машину к 12 часам дня в мебельный магазин. Сама тем временем выбираю в магазине то, что мне необходимо, Разгружали машину пять человек, с их помощью купленная мебель была расставлена по комнатам. Васька (зять) ввернул в дверь новый замок. Ключи были в моих руках, сразу же отметили новоселье. Расплатившись, я попросила мужиков доехать со мной до дома Граменицких – погрузить мои гардероб, стулья и кровать. В доме кроме моих тёток никого не было, все уехали в гости к Весёлким. Тётки Ксения с Прасковьей были так ошарашены, что бросились вдруг в сад собирать огурцы, поспевшие к Ильину дню. На следующий день, в воскресенье, я поехала в церковь, чтобы отслужить водосвятный молебен, освятив новое жильё и иконы, привезённые накануне. После этого поехала к Граменицким, сказать за великую милость

Божию и поблагодарить их всех за двадцатипятилетний период жизни в их доме – шёл 1966 год. Анна Петровна была в страшном состоянии гнева от того, что я не спросила её разрешения так поступить: «Кто же будет теперь управлять хозяйскими делами по дому?!». Тётка Ксения сразу же взорвалась: «А мы-то что – не люди? Да и чем тут особенно управлять?». Елена Семёновна подошла ко мне, обняла и со слезами на глазах сказала: «Да, Капочка, кто бы ещё мог провести водопровод в доме, кто бы мог подвести фундамент под провалившийся, сгнивший снизу дом? Найти людей, чтобы заново сменить балкон на чудесную закрытую от дождя веранду? Заново разобрать чуланы, сделав их удобными для жилья в летний период? Кто бы ещё это смог?! А заново переложить три печи для жилья зимой, сменить заново железо на крыше??? Ну, кто бы ещё всё это смог!!!! Спасибо тебе за всё, а теперь с Богом в свой собственный уголок, ты его очень-очень заслужила!!!!». Женья, сын Анны Петровны, сказал мне такие слова: «Вот сколько ты жила в нашем доме, а гроша ломаного на себя не потратила от тех денег, которые собирала с наших квартирантов-офицеров, заселявших на зиму квартиры в доме. Мы весь свой отпуск здесь живём, еще и гостей принимаем, а ни единого рубля не отпустили тебе на своё питание!!!!». «Да, такого теперь не будет. Ну что ж, прошу всех к столу», - Елена Семёновна пригласила всех отметить моё расставание с их семьёй. Я еле удерживалась, чтобы не зарыдать. Сидя за столом, я почему-то очень ярко представила себе содержание сна, который был для меня предвестием совсем недалёкого исполнения в моём будущем.

Этот мой переезд, как потом оказалось, был правилен и необходим, когда умерла сама хозяйка дома, которая была так добра и гостеприимна, что всегда говорила: «Было бы в сердце, а в доме всегда место найдётся. Заходите, пожалуйста, располагайтесь как вам угодно». Провожая, говорила: «Приезжайте, пожалуйста, в таком доме для всех друзей наших всегда место найдётся». На четвёртый год после её смерти дом по суду был разделен на три части. На приусадебном участке дома теперь были хозяевами приехавшие вновь соседи. Сад с 19-ю яблонями, с целой кучей кустов красной и чёрной смородины, крыжовником приносил хороший урожай, который сбывал оптом неизвестно когда и неизвестно кому сосед (их почти не было видно на участке, т.к. в летний период хозяев с их семьями тянуло на дачи их вторых половин). Какая грязная, страшная лапа хапуги-соседа была наложена на всё хозяйство гостеприимных, совсем ещё недавно разделившихся, наследников. С 1970 года дом этот, как у Диккенса, можно было назвать «холодным домом», т.к. вот уже более 20 лет он стоит заброшенный, закрытый с 3-х сторон на железные запоры замков, перешедший после смерти сыновей хозяйки (Петра и Евгения) по наследству совсем чужим, случайным людям. Особенно жутко смотреть на это запустение зимой. Засыпанный снегами, без света в окнах, мрачный, одинокий, как

брошенный на произвол судьбы старый пёс, ставший теперь никому не нужным. Ключи от такого дома в течении всего года пасёт совершенно посторонний человек, живущий на их усадьбе. Вот так, как только не стало биться сердце в человеке, в котором хватало места для гостеприимства, так не стало места даже для множества его наследников!!! Во всем этом видится что-то роковое! Аминь.

Я тоже за этот период времени поменяла свою квартиру на другую в том же доме (но меньшей площади), с жильцами очень диких нравов – серо-грязно-завистливых людей, по своему образу жизни похожих на болотных лягушек, бездарных, совсем допотопных. С 1969 года они ничего другого не предпринимают, как только глодать мою жизнь, спят и видят как бы мне чем-нибудь насолить, даже гнилые щепки под моим окном крадут (как «летучие мыши»). Сначала они поливали меня грязью за мою религиозную нравственность. Когда же нравы в обществе сменились, теперь эти же люди клеймят меня за то, что я мало хожу в церковь. Им не даёт покоя вопрос – как это я смогла оказаться умнее их? Они подобно пиявкам, сосущим кровь человеческую потому, что в этом их жизнь.

Похоронив почти всех близких моему сердцу людей, я не могу теперь сходить куда-то разрядиться, рассеять мрак окружающей меня со всех сторон жизни. Два близких мне по крови человека ходят по моей жизни пешком, подкованные железными копытами: одна играет в доме своём металлическими кинжалами на столе, а другой – носит при себе обреза, называя его «людской зубочисткой», трижды покушаясь на мою жизнь. Одна ждёт моей смерти, другой – моего жилья, совсем. Как разбойники с большой дороги. Одного я вывела в люди, другая прилипла к моему карману как сучка-жучка к цепному замку.

Вот мне уже за семьдесят, а я ещё ни разу не была сама собой. Всё время от меня кому-то что-то надо, но только с той целью, чтобы подставить ножку, подлить масла в огонь, выплеснуть лохань помоев мне в лицо. А за что??? Ответа до сих пор я так и не нашла, кроме одного, который подарил мне блаженный старец-страдалец – схимонах Николай Николаевич при нашей последней встрече с ним. Он пожаловался мне: «Как же мне стало грустно без Александра Петровны». «Ну она ведь теперь где?!», - ответила я. «Мы с ней всегда будем тебе помогать. Вот тут есть, в этой записочке, наше «завещание» для того, чтобы быть нам всем вместе, навсегда», - сказал Николай Николаевич и протянул мне конвертик, в который положил три шоколадных трюфеля, просфорочку и записку. Это был день праздника иконе Божией Матери, именуемой «Почаевская» (5 августа 1978 года). «А какой иерарх стоял тогда, когда ты видела сон: с иконостасом на открытом перекрёстке, с открытой ракой мощей перед огромным складнем старинных икон???,» - неожиданно спросил он меня. «Я не помню, я только слышала неземное отпевание человека, лежащего в монашеской мантии стального цвета, а в руках отца Кирилла, схиархимандрита Троице-

Сергиевой Лавры, очень большое золотое кадило, с которым он подошёл совсем близко к лежащему на подиуме монаху, припевая: «Радуйся, Святителю отче Никола, великий чудотворче», при этом очень усердно размахивая кадилом. «Да он же живой», - воскликнул от. Кирилл, легко перевернув лежащего монаха на другой бок. Перекрёсток, о котором вы спрашиваете, был в центре города, между улицей Свободы по дороге на Берендеево, на Кривоколенный переулок, и по направлению к фабрике «Красное эхо» », - ответила я ему. «Ну, хорошо, может быть в поезде сегодня вспомнишь!!!», - закончил Николай Николаевич наш разговор. Действительно, простившись с ним мы (со мной была в тот раз Житникова Тамара) сразу же купили билеты на поезд, который отправлялся в Москву в 17 часов, места наши были на нижних полках. На станции Бологое поезд нас разбудил (прицепляли ещё вагон). А я, проснувшись, сразу же вспомнила слова Николая Николаевича: виделся мне угол левого предела Красносельской церкви, где во весь рост на иконе изображение «Симеон-Богоприимец», которую я до сих пор не видела нигде. «Вот тебе и иерарх, которому надо отслужить молебен, да ещё иконе Богородицы «Взыскание погибших», - кто-то вроде бы шепнул мне эти слова на ухо. Спать я больше не могла в поезде, идущим до Москвы со всеми остановками. Дома, разобрав свою сумочку, извлекла конверт-«посошок», который подарил мне «в дорогу жизни моей» Николай Николаевич. А в записке ничего другого не было, кроме его «посмертного завещания» – это были номера псалмов: 142, 118, 90, 68, 70, 34, 26 и 22. «Записать полностью себе в тетрадь надо только три: 34, 26 и 22», - этим заканчивался его духовный совет.

В конце месяца (28 августа) мне почтальон вручает телеграмму с опаздавшим сроком вручения о смерти Николая Николаевича, Гаванского страдальца. Я как раз только что пришла из церкви, был день Успения Божией Матери. Как узнала я позже из письма Марии Дмитриевны Семёновой, прихожанки Георгиевского храма на Охте, умер Николай Николаевич 24 августа 1978г., а похоронен был 26 августа. Там на Охте, среди ласковых лесных берёзок успокоился бедный, скромный, страдальчески болезненный великомученик века, в котором человек, приходивший к нему за молитвенной помощью, зрел земного ангела, пророка-царя и всевидящее Око Самого Господа Бога. Аминь.

Царствие Небесное и вечный покой тебе, Николай Николаевич, Гаванский страдалец, Охтинский чудотворец!!!

Завет его посмертного благословения я выполнила (правда с опозданием, но выполнила) – в 1998 году я завела тетрадь, в которую заново занесла свои воспоминания о жизни всех тех, кто торил мне дорожку жизни, в путь узкий и прискорбный. Завершается эта тетрадь вот такими псалмами:

Псалом 142-й

Господи, услыши молитву мою, внуши моление – мое во истине Твоей, услыши мя в правде Твоей и не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живой. Яко позна враг душу мою, смирил есть в землю живот мой, посадил мя есть в темных, яко мертвые века. И уны во мне дух мой, во мне смятеся сердце мое. Помянух дни древния, поучихся во все дела Твоих, в творении руку Твоею поучахся. Воздех к Тебе руце мои, душа моя, яко земля безводная Тебе. Скоро услыши мя, Господи, исчезе дух мой, не отврати лица Твоего от мене и, уподобяся нисходящим в ров. Слышану сотвори мне заутра милость Твою, яко на Тя уповах. Скажи мне, Господи, путь воньже пойду, яко к тебе взях душу мою. Изми мя от враг моих, Господи, к тебе прибегах. Нучи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой. Дух Твой Благий наставит мя на землю праву. Имени Твоего ради, Господи, жившие мя, правдою Твоею изведиши от печали душу мою. И милостию Твоею потрешили враги моя, и погубиши вся стужающая души моей, яко, аз раб Твой есть.

Слава: По 19-й кафизме. Пресвятое.

Благодаря, славлю Тя, Боже мой, яко всем дал еси грешникам покаяние, Спасе, не посрами мене, егда приидеши судити миру всему, срамная дела сотворшего.

Слава:

Безмерная Тебе прегрешив, безмерных мучений ожидаю, Боже мой, ущедрив, спаси мя. И ныне: Ко множеству милости Твоя ныне прибегаю: разреши веревы, Богородице, согрешений моих.

Господи помилуй (40 раз)

Владыко Христе Боже. Иже страстьми моя исцеливый, язвами Твоими язвы моя врачевавый, даруй мне, много Тебе прегрешившему, слёзы умиления, сраствори моему телу от обоняния животворящего Тела Твоего, и наслади душу мою Твоею Честною Кровею от горести, еюже я сопротивник напои. Возвыси мой ум к Тебе долу привлечшийся, возведи от пропасти погибель, яко не имам покаяния, не имам умиления, не имам слёзы утешительныя, возводящая чада ко своему наследию. Омрачихся умом в житейских страстях, не могу воззрети к Тебе любви, но Владыко Господи Иисусу Христе, Сокровище Благих, даруй мне покаяние всецелое сердце люботрудное во взыскание Твое, даруй мне благодать Твою, и обнови во мне зраки Твоего образа. Оставих Тя, не остави мене, изыди на взыскание мое, возведи к пажити Твоей, и сопричти мя с ними от злака Божественных Твоих таинств, молитвами Пречистыя Твоея Матери и всех Святых. Аминь.

Псалом 34-й

Суди, Господи, обижающая мя, побори борющая мя. Приими оружие и щит, и восстани в помощь мою. Изсуну меч, заключи супротив гонящих мя. Рцы душе моей: спасение Твое есмь Аз. Да постыдятся и посрамятся ищущие душу мою: спасение Твое есмь, да возвратятся вспять, постыдятся мыслящая ми злая. Да будет яко прах пред лицом ветра и Ангел Господень оскорбляя их. Да будет путь их тьма, и, ползок, и Ангел Господень погоняя их: яко туне скрышиа ми погубу, сети своя, все поносишиа души моей. Да придет ему сеть, юже не весть, ловитва, юже скры, да обьимет, и, в сеть да впадет в ню!

Душа же моя возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его. Вся кости моя рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе?! Избавляяй нища из руки крепльших Его. Восставше на мя свидетеле неправении, яже не ведех, вопрошаху мя. Воздашиа ми лукавая воз благая, безчадие души моей. Аз же внемде они стужаху ми, облачахся во вретнице мое, смирях постом душу мою. И, молитва моя в недра мое возвратится. Яко ближнему, яко брату нашему тако угождах, яко плача, и сетуя, тако смиряхся. И на мя возвеселишиася, собращася: собращася на мя раны, не познах, разделишиася, не умилшиася. Искушиа мя, подражнишиа мя подражением, поскрежеташиа на мя зубами своими.

Господи, когда узриши???! Устрой душу мою от злодейства их, от лев единокровную мою. Исповеся Тебе, Господи, в Церкви многих, в людех тяжцех восхваляю Тя. Да не возрадуются о мне враждующии ми несправедно; ненавидящая ми туне, помышляющая очима своими яко убо мне мирная глаголаху, на гнев лести помышляху. Расширишиа на мя уста своя, реша: благоже, благоже, видеша очи наша. Видел Ты еси, Господи, да не премолчиши. Господи, не отступи от мене!!!

Восстани, Господи, вонми, суду моему Боже мой, и, Господи мой на прю мою. Суди ми, Господи, по правде Твоей, Господи Боже мой; да не возрадуются о мне враги мои. Да не рекут в сердцах своих: благоже, благоже, души нашей, ниже да рекут: пожрохоу его. Да постыдятся, да посрамятся вкупе радующиеся злом моим, да облекутся сами в стыд, срам велелегущие на мя. Да возрадуются, да возвеселятся хотящие правды моей; да рекут выну: да возвеличится Господь, хотящий мира рабу своему Господа Бога его. И, язык мой поучится правде Твоей – весь день хвале Твоей. Господи!!! Аминь.

Псалом 26 (Давиду, прежде помазания)

Господь, просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь???! Господь Защититель мой и живота моего, от кого уstraшуся???! Внегда приблизятся на мя злобствующие, еже снести пиотия моя, оскорбляющии мя, врази мои, тиши изнемогоша, и, падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое; аще возстанет на мя целая брань, на Него

аз упова. Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити мне в дому Господни вся дни живота моего; зрети ми красоту Господню, и, посещати храм святой Его. Яко скры мя в селении Своем; в день зол моих покры мя в тайне селения Своего; на камень вознесе мя. И, ныне вознесе мя, се вознесе главу мою на враги моя: обыдох и пожрох в селении Его жертву хваления и воскликновения, пою и воспою Господеви. Услыши, Господи, глас мой, имже воззвах; помилуй мя, и, услыши ми, Господи. Тебе рече сердце мое, Господа взыщу. Не отврати лица Твоего от мене, не уклонися гневом от раба Твоего, помощник мой буди, не отрини мене, не остави мене, Боже, Спаситель мой. Яко отец мой, и мати моя остависта мя. Господь же восприят мя. Законоположу ми, Господи в пути Твоем настави мя на стезю правую, враг моих, ради. Не предаждь мене в души стужающих ми, яко воссташа на мя свидетели неправедные, солгав неправду для себя самых. Верую видети благая Господня на земли живых. Потерпех Господа мужаяся, да крепится сердце твое. Слава: Потерпех Господа.

Псалом 23-й (Давиду, единая от суббот)

Господня земля, и, исполнения ея, вселенная, и, вси живущие на ней. Той на морях основан, ю, есть, и, на реках уготован ю есть. Кто взыдет на гору Господню???! Или кто встанет на месте Святем Его? – Неповинен руками, да чистый сердцем, иже не прият всуе душу свою; не кляется лестью искреннему своему. Сей примет благословение от Господа, и, милостыню от Бога, Спаса своего. Сей родиущих Господа, ищущих лица Бога Иаковия. Возьмите врата ваша, и, возьмитесь врата вечная, да внидет Царь славы. Кто есть Царь славы???! – Господь крепок, силен, Господь силен в брани. Возьмите врата князи ваша, и, возьмитесь врата вража вечная, да внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы???! – Господь сия Той есть Царь славы!!!

Слава: по 3-й кафизме. Пресвятое.

Живущи на земли, душе моя, покайся: персть во гробе не поет, от прегрешений не избавляет. Возопий Христу Богу: Сердцеведче согреших, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя. Доколе, душе моя, пребываеши в прегрешениях??? Доколе приемлещи покаяния преложение? Приими во уме суд грядущий, и, возопий Господу: Сердцеведче, согреших, прежде даже не осудиши мя, помилуй мя.

Слава: На Страшном судилище без оглагольников обличаюся, без свидетелей осуждаюся, книги бо совестныя разгибаются, дела сокровенныя открываются.

Прежде, нежели во оном всенародном позорище имаши испытание яже мною содеянныя, Боже, очисти мя, и, спаси мя. И ныне: Недоразумеваемое, и, непостижимое есть, Владычице Богоблагодатная, содеянное о Тебе страшное таинство, Необъемлемого бо

заченищ родила еси, плотию обложенного от чистых кровей Твоих: Егоже Чистая яко Сына Твоего моли спастися вся поюция Тебе.

Господи помилуй (40 раз)

Молитва

Господи, Вседержителю, Слово Пребезначального Отца, самосвершенный Боже Иисусу Христе, милосердия ради безприкладного милости Твоея: никакже разлучайся рабов Твоих, но присно в них почивай. Не остави мя, раба Твоего, Всесвятый Царю, но даждь мне, недостойному, радование спасения Твоего. Просвети мой ум светом познания Евангелия Твоего, душу мою любовью Креста Твоего обяжи, тело мое Твоим бесстрашием украси, мысли мои умири, а нози мои сохрани от поплзновения; не погуби мене со беззакониями моими, Благий Господи, но искуси мя, Боже, вразуми сердце мое. Испытай мя и увеждь стези моя виждь, аще путь беззакония во мне, и, отвори мя от него; настави мя на путь вечен. Ибо Ты еси Путь и Истина и Живот. Тебе славу возсылаем со Безначальным Твоим Отцем, Пресвятым и Благим, и Животворящим Духом. Ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Псалом 22-й (Давиду)

*Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, **** бо всели мя; на воде покойне воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имени ради святого Своего. Аще бо, и, пойду посреди сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси; Жезл Твой, и, палица Твоя, та мя утешиста. Уготован еси предо мною трапезу против стужающих мне. Уластил еси елеем главу мою, и чаша Твоя упоевающая мя, яко державна. И Милость Твоя поженет мя, яко державна, вся дни живота моего; и еже вселится ми в дом Господень, в долготу дний. Аминь.*

Сокровенная молитва

За все прими от нас честь, хвалу и славу Пресвятая Троице – Отец, Сын и Дух Святой, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Хорошо молиться Богу во святом храме, в Доме Божием со всеми христианскими верующими. Хорошо молиться дома перед святыми иконами в вечерний час, с зажженным огоньком лампы, с чистой сердечной молитвой обращаясь только к Самому Всемиловитому Спасу. Надо молиться везде, всегда, ограждая себя от злобы людской Крестным Знаменем, тем исповедуя свое христианское покаяние среди языческих народов: «Во имя Отца и Сыны и Святаго Духа. Аминь!!!».

Но в Новом Завете написано такое: «враги человеку – домашние его!!!»

Матушка Клавдия

В какой-то праздник по осени, скорее всего в Покров Пресвятой Богородицы, принесли крестить после литургии девочку-слепца.

Старый священник зовет Аннушку к купели: «Ты будешь ей и крёстной и матерью». «Как же это так, батюшка, матерью??? Я ведь сама еще незамужняя». «На то есть воля Божья, а не твоя», - сказал строго священник, передав крещёного младенца в руки девицы Анны.

Сама Аннушка из села Ефимьева, а крещеная девочка-«слепец» – из деревни Вёски. Батюшка благословил сразу же везти девочку вместе с крёстной матерью в Вёску, в родительский дом девочки, которую называли Клавдией. Получив в наследство дом и девочку, Аннушка поехала за своим добром и приданным, которое она готовила до самых двадцати лет. Увидев куклу в сундуке среди своих игрушек, сразу же вспомнила про тот Никитенский день на ярмарке, получивши от блаженного Михаила куклу-Главдюшку. Ей сразу стало так тепло на душе, что она действительно стала растить девочку, лелеять на своих девичьих руках, дороже которой ничего на свете не было для нее. Главдюшка растет, в деревне всеми опекаемая, проявляя уже дар Божией благодати, рано предсказывая окружающим ее людям предстоящие впереди их будущие события жизни. Повзрослев, девочка очень усердно молится по ночам, приглашая свою Крёстную мать молиться вместе с ней, удивляя последнюю чтением утренних и вечерних молитв наизусть. Много, очень много приходило людей к прозорливой девушке-слепцу – за молитвами, за советами, в которых никто не сомневался. Дар ее прозорливости был всем определенно ясен.

В 1938 году, накануне своего юбилея, Клавдя говорит матушке: «Мой юбилей мы с тобой будем праздновать у горба Господня, в Иерусалиме. Пасху там будем встречать». «Как же это так?», - говорит ей бабушка Анна, которой будет уже 65 лет на эту Пасху. Было начало Великого Поста. А на Страстную Субботу Пасхи они обе приходят в Красное село пешком !!! Причастившись утром святых Таинств, под колокольный звон уходят пешком в Иерусалим две паломницы !!! Провожал их с колокольным звоном сам староста – Иван Петрович Ерохин, который провожая их в этот путь, такой далёкий, спросил матушку: «Зачем в такое тяжелое время ты выбрала такой тяжелый путь?». А блаженная матушка Клавдия сразу же ответила: «За постригом для себя, да еще за тем, чтобы Господь Сам услышал мою молитву за надвигающуюся тучу гнева Божия; за избавление народа нашего от страшной войны. Аминь».

В день праздника Покрова Пресвятой Богородицы, сидя вместе со своей проводницей бабушкой Анной у нас в гостях за кипящим на столе самоваром, матушка Клавдя (она уже была пострижена в монахини на Святой земле) рассказывает мягким, немного детским

голоском, очень подробно о том, как они были паломниками у гроба Господня. Целый год они шли до берегов Черного моря. Вот уже пристань, они стоят у трапа к причаленному кораблю. К ним подходит иеромонах, назвав себя по имени, спрашивает по-русски: «Кто здесь, из стоящих, есть православные христиане, выйдите ко мне навстречу!». Их вышло только трое: они с бабушкой Анной да женщина – молодая, очень дородная, красивая крестьянка из Костромы, как они потом узнали, сидя в каюте парохода. Монах все время хлопотал около них, рассказывая время от времени о разных чудесах, творящихся у гроба Господня. Причалив к берегу Святой земли, вступив на Святую землю положили все по три земных поклона, не торопясь они зашагали за своим проводником в сам город Иерусалим.

К полудню они были уже в Иерусалимском Храме. В пределе, где стоит православный алтарь, их проводник устроил их на трёх плетеных циновках, предложив спокойно отдохнуть. Сам же начал заботиться о питании. Им принесли по кружке фруктового кваса с небольшим кусочком хлеба.

Молодая землячка наша к еде даже не прикоснулась, все время рыдала, утирая слезы маленьким батистовым платочком, не произнеся ни единого слова за весь период их знакомства. Их путеводителя звали от. Аркадий – очень добрый, жизнерадостный, приветливый, общительный монах.

Храм в свою очередь принимал приезжающих со всех концов света паломников, которые сразу же находили свой религиозный уголок, но всего больше было паломников в христианском пределе. Люди православные пели духовные каноны, читали акафисты на распев, к ним очень хорошо пристроилась матушка Клавдя, подпевая почти детским голоском.

Хотя суббота и была Страстная, но вокруг всё было торжественно, как будто вся планета праздновала один единый Праздник. За несколько минут до Пасхи из алтаря выходит христианский пастырь, не очень большого роста, борода, волосы усыпаны сединой, с посохом в руках. Он обращается ко всем христианам с обильными слезами на глазах: «Православные, кто же здесь из стоящих переступил Святую Землю в нераскаянном грехе???! Ведь если сейчас не зажгутся свечи от Божественного огня, то никто живым не выйдет отсюда!!! Вон турецкий отряд воинов уже стоит рядом с алтарем с обнаженными саблями, чтобы порубить всех стоящих христиан в нашем пределе. Немедленно подойдите к стоящему около меня аналою с крестом и Евангелием». Как ужаленная, подскочила наша соседка, бросилась к аналою с распущенными под платком волосами, рассказав старцу про свой грех. Он попросил её повернуться сразу ко всему стоящему народу своим, опухшим от слез, лицом. Назвав имя своё, она трижды громко произнесла покаяние: «Это я во грехе своём виновата. Я заспала лежащего у груди моего младенца, каюсь в этом грехе». Старец

прочитал отпуст, накрыв своей епитрахилью голову кающейся паломницы, осенив трижды ее голову крестным знаменем, и сказав, что надо целовать Крест и Евангелие, отпустил кающуюся на своё место.

Вокруг уже затрещали зажигающиеся свечи, лампы, целые букеты свечей в руках паломников. Храм торжественно засиял от плывущего по огромной территории Иерусалимского храма Божественного Огня, сразу же запели с Крестным ходом из алтаря нарядно одетые христианские священники во главе с Патриархом: «Христос Воскресе!!!». Матушка, хотя и не видела зажженных свечей, но сердце ее затрепетало от восторга Торжества, в ее груди полыхал Святой Божественный огонь («По-райски торжествуя внутри утробы моей», - сказала она прослезившись от умиления, смахнув слезы чистым платочком).

В неделю жен-мироносиц их тот же самый священник, который принял покаяние их землячки-спутницы, позвал всех троих к стоящему аналою, на котором лежал образ Спасителя с Евангелием в руках, а рядом красивая плетёная, как кружево, корзиночка с крашеными в разные цвета радуги яйцами. Оказывается, пока открыты Царские Врата, исповедь не положена. Исповедник целует Образ Спасителя, христосует трижды целованием со священником, сидящим у аналая, и идет к Чаше за принятием Святых Таинств. Причастившись, они идут запивать, а им там предлагают взять крашеное яйцо из той корзиночки, отвечая: «Воистину Воскресе Христос!!!». Когда матушка Клавдия подошла на исповедь к аналою, этот пастырь спросил: «Чтобы ты хотела от Господа теперь иметь?». Она сказала: «Хочу прозреть глазами!!!». Старец предлагает ей сразу же обуть его сандалии. Она обула их, но сразу же сняла их. Обув на босую ногу свои маленькие лапоточки, слепая подвижница сказала: «Нет, теперь не хочу, не хочу!!! Помоги мне здесь, на этой Святой Земле, принять монашеский постриг, зачем я и шла сюда целый год». Постриг был во вторую половину дня. В монашескую одежду одели их всех троих землячек, почему-то оставив, как заметила матушка Клавдия, за каждой из них свое имя, полученное при крещении. «Наградили нас не только монашеским одеянием, но и каких только благословенных гостинцев не напихали в наши старые котомки русских паломниц. Старец каждую из нас благословил в путь маленькой иконкой, назвав каждому своего покровителя. Тот же проводник-монах посадил нас на следующей неделе на большой корабль, проводив до той пристани, в которой мы селились для отплытия в Иерусалим. Пожелав нам доброго пути, подал в руки по огромной просфоре, а там у Гроба Господня в маленькие вышитые мешочки положены герметично закрытые флаконы с маслом из лампы, висящей над кувуклией, и святой водой из реки Иордан, а также по деревянному альбому с травами той земли». После чего, глубоко вздохнув, матушка Клавдия сказала: «Вот как обула я сандалии

старца, как в зеркале увидела всю Русь Святую, полыхающую огнём от грозных военных орудий; земля покрыта трупами убиенных солдат, реки залиты кровью, а над Кремлевскими входными воротами в Москве колышущееся красное полотно, написанное славянскими буквами: «Божие возмездие не так уж далеко предстоит». Зачем же мне прозревать, чтобы видеть открытыми глазами людское побоище – горе народа своего, текущее по Родине кровавыми ручьями горячих слёз». Старец же обувшись в свои сандалии, сказал мне: «Храни свою врождённую благодать до смерти своей, полученную от Промысла Божия. Это тебе очень будет нужно в будущем на твоей родной земле».

Год ходили они до Иерусалима, год возвращались домой. Дойдя до Красного села, паломницы были встречены колокольным звоном, с которым их встречал все тот же Иван Петрович Ерохин, приходский духовный староста, имея на то благословение самого Патриарха Тихона, к которому съездили на приём в Крестопоклонную неделю этого Великого Поста. Матушка подарила для Храма несколько камней из реки Иордан; несколько частиц от мощей разных святых; огромный пучок Иерусалимских белых восковых свечей, зажженных у Гроба Господня; антиминс, заложенный в икону Спасителя, которую они целовали в Иерусалимском храме на исповеди. Нам же она подарила деревянный кипарисовый монашеский Крест (с мощами) да иконку с изображением Матери Божией «Млекопитательница». Всё это у нас исчезло после того, как пришел отец с войны, женившись на пятом году после смерти матери в 1949 году. Во время военных лет на Вёску шли и ехали женщины-солдатки с окрестных деревень. Матушка Клавдия так ясно прозревала, что даже называла тот день, тот час, когда был убит воин из их окрестных мест, сама отправлялась в Красное село на панихиды. Некоторым солдаткам наказывала на несколько дней строгий пост, особую молитву, чтобы вытащить из плена своего мужа.

В том, что она прозревала, уже никто не сомневался, потому что всё непременно сбывалось. В 1939 году матушка пришла к нам на Троицын день уже с другой проводницей, тоже девственницей, по имени Матрона. Матушка Клавдия пригласила мою тётку Анастасию, которая была моей крёстной матерью, молиться в Троицкую Слободу, где есть могилка блаженного Мишеньки-Самуила. Над могилкой заказывалась панихиды, которые после литургии служил девяностолетний священник от. Феофан. Матушка опустилась на колена со слезами благодарности за предсказанное паломничество в Иерусалим, помянув душу усопшей Анны. Дорогой мать Клавдия, прослезившись, сказала нашей крёстной, что наша мать родит последнего ребенка (мальчика), назовут которого во имя Александра Невского, после чего она оставит своих детей сиротами. «Кто же их растить будут?» – спрашивает тётка Анастасия. «Они сами потихоньку вырастут под покровительством Самой Царицы Небесной, а ты поневоле придешь жить к ним потому, что в деревне твой

дом сожгут чужие подростки. Войну – очень грозную – переживете все вместе, от голода не умрёте. Зять возвратится с войны, женится на страшно развратной бабе-потаскухе, выгонит вас всех из этой квартиры». «Где же мы жить тогда будем?» - говорит крёстная. «Вас всех приютит большой дачный профессорский дом, как сторожей, долго там будете жить, в Федоровской слободе, благодаря вашей сестры, которая сейчас находится в Петрограде, а потом будет жить около него». Так точно всё и сбылось, что как будто она тогда какую-то книгу про нас прочитала.

Осенью 1943 года матушка Клавдия слегла в постель, простудившись после похода в Тутаев поклониться чудотворному Образу Спасителя, почтить Родину династии царей Романовых. На обратном пути от Переславля уже до самой Вёски их поливал холодный осенний дождь, после чего она очень сильно заболела. За ней ходили монашки из Берендеевской церкви. Очень скорбел Иван Петрович Ерохин, который очень чтит матушку за ее подвиг, за ту благодать, которую он сам чувствовал в своих церковных перипетиях от ее советов и предсказаний. До самой ее смерти шли к матушке скорбные люди со своими бедами, напастями житейскими, получая благодатный совет от мудрой старицы-подвижницы-прозорливицы. На день праздника иконы Казанской Божией матери (4 ноября 1944 года по новому стилю) жизнь матушки Клавдии уходит в вечность. Похоронили её в селе Евфимьево рядом со своей крёстной матерью – бабушкой Анной. Во всей похоронной процессии большое участие принял красносельский староста со старшими его благодетелями из Переславля. К нам пришёл он сразу же после похорон, чтобы передать её завещание для нас: «Ходить теперь за советом к блаженной монахини Сусанне, которая живёт в Борисоглебской Слободе у одной многодетной вдовы Анны Васильевны Никитовой. Это недалеко от Никитского монастыря». Сам же он только что навестил их.

Матушка Сусанна

Первое посещение матушки Сусанны было в осенний Никитин день. Мы с крёстной сходили на родничок за водицей, а затем нашли дом убогой монахини Сусанны. За неделю до праздника мы на Никитских полях (в сторону Соловёново) набрали очень много колосков по сжатому жнейкой полю. Снесли на городскую мельницу 18 кг пшеничного обмолоченного нами зерна, из которых мы насыпали килограмма 3 в мешочек для матушки Сусанны. Ей тогда было уже 65 лет. В большом доме в отдельной боковой комнатке сидела старая, ласковая, очень красивая с крупными добрыми глазами, обезножившая с трёх лет, монахиня. Приветливо улыбаясь, обнимая и целуя нас, она приветливо приговаривала: «Дорогие вы мои, ласточки ненаглядные». «Анюта, ты посмотри, какие гости-то к нам пришли – одно утешение!!! Ставь поскорее самовар, все вместе чаю попьём, познакомимся». С этого Никита дня 1950 года я стала часто навещать эту необыкновенно благодатную подвижницу-монахиню-калеку из бывшего Федоровского монастыря. Навещала я их с хозяйкой до самой смерти матушки Сусанны (она умерла в 1957 году после Крещения Господня).

Свою биографию матушка Сусанна сама начала мне рассказывать, когда я в их доме была уже свой человек. Её родители были оба очень красивы, происходили из семьи зажиточных горожан Петровых. Отец, молодой офицер, служивший в Вышнем Волочке, приехал в отпуск на самую Никитскую ярмарку для оформления развода с её матерью, и в день ярмарки взял дочку с собой в город, нарядно одетую совсем по-летнему, т.к. стояло очень хорошая тёплая погода. С половины же дня, неожиданно для всех празднующих, зашла туча с холодным дождём и мокрым снегом. Отец-офицер водит 3-х летнюю девочку по холодным лужам, обутую в плюнелевые башмачки. Жили они тогда в своём доме в Никитской слободе. Привозит дочку домой к матери почти совсем замерзшую. Мать от страха, что девочка умрёт, страшно зарыдала, укладывая ребёнка в детскую люльку, согревая ножки сухим теплом, поит её горячим молоком с мёдом, прогнав сразу же негодяя-отца. Как ни выхаживала молодая красивая мать своего ребёнка, девочка больше уже на ножки не смогла встать. Мать, удручённая пожизненным горем, едет в Фёдоровский женский монастырь к своей тётке – монахине Анисье. Матушка очень любила свою племянницу, особенно теперь, обиженную судьбою, сразу же решила поселить их с девочкой в своём монастыре. Она обратилась к игуменье Евгении за советом и за благословением на постриг молодой красивой родственницы. Игуменья Евгения была очень мудрая женщина и сразу же предложила постриг, чтобы принять их в монастырь. При постриге матери дали имя Домна. Девочку до 18-ти летнего возраста оставляют с почти

ослепшей тёткой Анисьей, а матери сразу же даётся монастырское послушание: ходить и ездить по городам и сёлам по сбору на нужды Фёдоровского монастыря.

Мать Анисья, 85-ти летняя старушка, умирает в самое Светлое Христово Воскресенье, дожив до пострига девочки Пелагеи, названной в иночестве Сусанной.

Сам момент пострига для матушки Сусанны был очень памятен и тяжёл. С полностью атрофированными, высохшими к тому времени, ногами, с деформированными суставами в ногах, она должна была во время пострига долго стоять на костылях, от которых под пазухами образовались кровавые мозоли. От страшной боли лопнувших мозолей матушка во время чтения положенного правила несколько раз теряла сознание. Молясь в эти дни, она очень просила Святых молитв блаженного Мишеньки-Самуила, который много раз навещал её родительский дом в Никитской Слободе. Ей становилось сразу же спокойнее, постриг всё-таки был совершён. Игуменья отменяет послушание по сбору для матушки Домны, и вот возвращается теперь уже и духовная и родная мать к своей инокине-дочери в ту самую келью, где жила монахиня Анисья. Для матушки Сусанны это был праздник. Мать, столько лет оторванная от своего больного ребёнка, теперь отдавала ей всю нежность и заботу своей исстрадавшейся дочери. Благословляя её на сон грядущий, матушка Домна говорила: «Вот, Сусаннушка, когда меня уже не будет, а ты будешь в таком же возрасте, как я теперь, окутывай теплом, лаской, добрым словом внимания всех вновь поступающих в наш монастырь. Покойная моя тётенька Анисья за несколько лет до своей смерти говорила мне, что мы с тобой скоро будем изгнаны из монастыря. Впереди надвигается тяжёлое время разрухи рабочих и крестьянских хозяйств. Ты тогда постарайся приютиться в Никитской Слободе с Сусаннушкой, нам так предсказывал, ныне покойный Мишенька-Самуил».

Революционный ураган не заставил себя долго ждать со своим разбоем на Русскую землю. Разогнали монастыри, разорили храмы, вывезли на Урал трудовые руки «кулаков».

Матушка Домна, последовав совету своей тётки-монахини, покупает маленькую избушку в Никитской Слободе, питаясь от народных подаваний. Они с дочерью молятся день и ночь за свою родную землю, за православный народ. Матушка Домна ходит читать Псалтырь по покойникам, а матушка Сусанна вяжет носки, варежки, шапочки из шерсти, которую сама и пряла. Во время отсутствия матушки Домны матушку Сусанну навещает старая дева Екатерина Фёдоровна Бокарёва.

Матушка Домна умирает, когда матушке Сусанне было 45 лет. Заботу о жизни матушки Сусанны берёт на себя полностью Екатерина Фёдоровна, поселившись навсегда в её домике, изгнанная из родительского дома родным братом.

Им очень много помогает одна вдова, оставшаяся с четырьмя детьми после смерти мужа – Анна Васильевна Никитова.

В первый же год войны матушка Сусанна переселяется к этой вдове, продав свою избушку одному трактористу-колхознику, который заплатил не только деньгами, но и ещё целый год возил им в Борисоглебскую Слободу дрова, картошку, зерно пшеницы. Теперь в переднем углу, где жила Сусанна, постоянно горела неугасимая лампада перед огромной старинной иконой Богоматери «Купино Неопалимая», которую по её завещанию Анна Васильевна подарила мне. В страшный голод военных лет к матушке приходили из разных деревень, принося кто что мог. Она всегда молилась по ночам за всех убиенных на поле брани воинов, за попавших в плен их сыновей читала 118-й псалом.

По завету своей матери м.Домны она всегда встречала всех как самая ласковая, добрая, родная мать, напоив непременно чаем из постоянно кипевшего самовара, сидя за столом давала добрые советы, учила их молиться за своих воинов (как надо за живых, как надо за убиенных). Сама матушка Сусанна всегда молилась по ночам, со слезами читая Псалтырь, особенно за убиенных воинов.

Четыре раза в году её приходил исповедовать красносельский священник от. Григорий. «Она так строго готовилась к этому дню, как будто к последнему дню своей жизни», - рассказывала, ныне покойная, Анна Васильевна. – «За её молитвами я прожила как за каменной стеной, все дети ходили с нательными крестами, все четверо выросли в такие тяжёлые годы здоровыми, соблюдая все посты, среды и пятницы, ходили на исповедь в Красное село. Выросли без особых приключений, молились дома по-христиански, как научила их сама матушка Сусанна. Все были благоустроены в ремесленные училища. Уже семейно обустроились». Анна Васильевна была очень богобоязненная женщина, строго соблюдала советы матушки Сусанны. В праздничные дни у них всегда было гостеприимство с чаепитием, тушёная картошка в русской печке по-монастырски или винегрет с солёными огурцами, очень вкусные пироги.

Вот с какой честью пронесла свой монашеский подвиг, будучи полной инвалидкой, прожив большую часть жизни не в келье, а в многодетной семье, не изменяя своего монашеского образа жизни, не жалуясь на свои недуги, на тяжесть условий жизни, сидя день и ночь с больными ногами на большом жёстком старом диване, постоянно молясь по ночам, дремала только в полдень (если не было посетителей). Глаза её всегда лучились благодатью, она всегда приветливо улыбалась. Так прожить достойно свои 85 лет может только истинный подвижник, не выпуская из рук чётки, постоянно читая молитву Иисусову. Вечный покой, вечная память вам всем переяславским подвижникам-страдальцам века смятенного!!! Души же их во благих водворятся.

Матушка Мария

За их святыми молитвами мне много ещё пришлось встретить истинных подвижников-старцев, среди которых был первый мой духовный старец – священноигумен Иона. Мне было всего 12 лет, когда батюшка назвал себя моим духовным отцом.

Сила Благодати Божией –
от молитвы Иисусовой.

(«Господь умудряет слепцы»)

В самом конце декабря 1942 года на 85-м году жизни скончался, гонимый голодом и холодом, еще один страдалец века – Мария Фёдоровна Сухомстинская, инокиня бывшего Фёдоровского монастыря (слепая на оба глаза), известная в народе под прозвищем «Маша-огонёк».

В те дни стояли такие трескучие морозы, что птицы замерзали на лету. А Мария Фёдоровна замерзла в доме у хозяйки, которая сдавала ей маленькую комнатку. Дров у них не хватило, хозяйка ушла на время жить в какое-то общежитие, оставив замерзать беспомощную, обессилевшую от голода, слепую старушку-монашку. На улице было около 40° мороза. Поздно вечером к нам постучали в дверь. Кто-то из нас, прыгнув с печи, otvorил дверь стучащемуся. Это была та самая женщина, у которой жила Мария Фёдоровна. Кинув в кухне на стол паспорт, стандартную справку на хлебные карточки, она резко и грубо крикнула: «Завтра забирайте труп куда хотите !!!». Мы успели сказать этой «глухой тетере», что только через три дня сможем всё это оформить. Но она, страшно ругаясь захлопнула входную дверь и ушла. На следующий день, ранним морозным утром, тепло одевшись, я побежала в Красное село к старосте церкви Ивану Петровичу Ерохину. Меня до Слободы подвёз старик, возивший дрова кому-то в городе и возвращавшийся домой. Когда мне открыли дверь в доме Ивана Петровича, он сидел в переднем углу своей избы, хорошо натопленной печкой-временкой, и читал какую-то толстую книгу в кожаном переплёте. Жена его очень хорошо знала о том, зачем я иногда появляюсь в их доме. «Проходи вперёд, обогрейся», - сказала она. Оторвав глаза от книги, сняв очки, Иван Петрович не очень радужным голосом спросил: «Что случилось?». Я, со слезами на глазах, сказала ему, что умерла Мария Фёдоровна – замёрзла в доме у хозяйки, а та хоронить её не хочет; принесла нам вечером паспорт с похоронной и убежала». А он договорит – «смылась от беды подальше». «Раздевайся, посиди», - продолжил он. – «Тебя сейчас моя хозяйка накормит, а я пойду лошадь запрягу, да закажу гроб, найму могильщиков могилу копать». В 2 часа пополудни мы были уже в ледяной избе «замерзшей покойницы», входные двери были не заперты. Иван Петрович захватил с собой берёзовых дров, чтобы затопить печку-

временку. Я привела матушку Евланию, которая одела оттаявший труп, так что положили мы умершую в гроб как полагается по монашескому уставу. Псалтырь читали попеременно одна за другой старушки-монашки из бывшего Фёдоровского монастыря в той комнате, где топилась печка. Иван Петрович отвёз могильщиков на городское кладбище, оформив все необходимые похоронные документы.

На третий день для отпевания на панихиду пришёл священник из Красного села от. Георгий, пришёл совершенно бесплатно. К двум часам дня пришли могильщики, опустили гроб в выкопанную могилу и засыпали её землей и снегом.

Все 40 дней в церкви Красного села поминалось имя новопреставленной инокини Марии.

Ранней весной, как только отошла земля, мы поправили могилку, поставили чугунный крест, купленный за буханку хлеба у кладбищенского сторожа. Этот хлеб был получен на прикрепительный талон к похоронному свидетельству о смерти. Под тем самым крестом теперь покоится прах пяти человеческих жизней – инокинь Марии, Марфы, Сусанны, блаженной монахини Александрии, девственницы Анастасии.

О каких трудах и подвигах можно говорить этой страдальицы невылебанного горя людской слепоты???

Наша семья никогда не касалась её прошлого, потому что было, наверное, для неё самое больное место в сердце. Чаще всего мы её видели на клиросе в церкви Петра Митрополита. У неё был очень низкий голос, хорошая дикция при чтении служебных канонов, которые она знала наизусть. В монастыре она была отдана в школу слепых на деньги, которые присылали в монастырь какие-то её состоятельные родственники.

Близко мы познакомились с Марией Фёдоровной у Никиты Никитовича Русакова. Она сидела за маленьким кухонным столиком у шумевшего самовара, пила очень горячий чай из большого бокала с нащипанным мелкими кусочками сахаром, согревая, видно, этим теплом душу и тело, промокшие и озябшие до костей ноги. Тогда она уже не стояла на клиросе церкви Петра Митрополита, т.к. её закрыли советские власти, а стояла на паперти в церкви преподобного Корнилия, ожидая подаяния после окончания службы. Откуда знала она Митю (Н.Н. Русакова), мы не интересовались тогда, но в этот день Митя обратился к моей тётке с таким вопросом: «Настенька, может быть ты сможешь найти для Марии Фёдоровны уголок для житья с пропиской?». Тётка – моя крёстная – сразу же перебрала в памяти своей возможные варианты её устройства и сказала ему: «Помолись Митенька, чтобы удача нас не оставила». «Да благословит вас Господь в путь!». Мы с ней вдвоём под мелкий осенний дождичек дошли пешком почти до другого конца города, завернули к Данилову монастырю, постучали в дверь одной низенькой избушки. К нам вышла старушка

с мягким голосом, с грустью глубокой тоски на лице. Она очень грустила по своему старику, сосланному на Урал и умершему по дороге туда. Тётка сказала, что пришла к ней от Мити-блаженного поговорить об устройстве Марии Фёдоровны (кстати, звал он Марию Фёдоровну по-своему – «Маша-ангельский глазок»). Пелагея Никитична очень обрадовалась, сказала, что можно приводить Марию Фёдоровну хоть сейчас. В восемь часов вечера этого же дня Мария Фёдоровна сидела уже за другим столом у кипящего медного самовара. Нас тоже пригласили попить чаю с конфетами «помадка».

Когда мы шли через весь город пешком, поддерживая Марию Фёдоровну, то с одной, то с другой стороны, уличная шпана, перебегая дорогу, истерически оголтело кричала: «Маша – огонь, Маша – горячо, Маша – холодно», а сидящие на скамейках под окнами своих домов мужики и бабы подстрекали их: «Так её, так – кочергу слепую».

После некоторого молчания Мария Фёдоровна сказала: «С жильём мне повезло, по-видимому, просто повезло, а вот ходить на службу очень далеко,,,». И ведь ходила!!!

На самые большие праздники мы её брали к себе на несколько дней с ночёвкой. Мы, дети, очень любили её за то, что она знала очень много интересных историй, преданий, легенд о жизни Христовой юности (иногда с мистикой), много приключенческих рассказов о мореплавателях-путешественниках из издававшихся тогда журналов. Иногда она жила у нас по целому месяцу, даже брали её с собой в баню, в общем она была в нашей семье, как говорится, «в доску своя». У нас она встречала почти каждое Рождество и жила до самого Крещения. На новой квартире житьё-бытьё Марии Фёдоровны мало-благо стало утешительным. Здесь она прожила несколько лет, пока не умерла сама хозяйка Пелагея Никитична. Перед смертью она позвала адвоката, оформила «дарственную грамоту» на свою «жиличку» (так она иногда называла Марию Фёдоровну).

Мария Фёдоровна, став хозяйкой дома, пустила к себе жить матушку Севастьяну. Тогда у них было так уютно, полы намыты с голиком, устланные тканными дорожками, впереди в хорошем кивоте у икон всегда горели несколько подвешенных лампад. Постоянно на лавке у печки мурлыкал бесхозный большой пушистый кот по кличке Дымок.

Матушка Севастьяна всю хорошую погоду проводила в лесу, собирала то грибы, то ягоды, и всегда возвращалась с вязанкой дров сухого орешника. Запекала малиновые лепёшки на зиму – и лакомство, и средство от простуды. Белых грибов хватало для супов на весь Великий пост, а солёные рыжики к горячей картошке подавались всякому гостю, приходящему к ним. Она сама пекла очень вкусный заварной хлеб, огромные вкусные преснухи с картошкой. Пироги пекла в каждый большой церковный праздник. В урожайный год собирала очень много орехов, продавала их и покупала зимнюю обувь – валенки и для себя, и для Марии Фёдоровны.

Рядом с крыльцом было сложено в несколько поленищ, нарубленных ею, поэтому в доме всегда было тепло и уютно. Во все праздники они вдвоём ходили под ручку в церковь.

В 1939 году матушка Севастьяна работала от ЖАКТа, чистила трубы. Оступившись на лестнице, плохо прикреплённой к крыше, свалилась вместе с ней и разбилась насмерть. После её похорон Мария Фёдоровна с расстройства заболела и попала в больницу, а соседи в её дом пустили жить какую-то слабоумную серую деревенскую бабу. Та быстро сообразила что к чему и переписала дом на себя. Мария Фёдоровна после больницы пришла в дом не как хозяйка, а как квартирантка.

С какими горячими слезами стояла она теперь на паперти, что не один носовой платок можно было выжать. Да и ходить ей стало сложнее, ведь путь до церкви был неблизкий.

Не встречал её теперь на столе журчащий медный самовар, не грела её стена натопленной русской печки. Быстро исчез из дома любимый ею кот. Непросушенную обувь приходилось обувать на следующий день.

Но в храм она шла во всякую погоду, точно к началу службы; иногда, сбиваясь с пути переходов, попадала в грязные от осенних дождей лужи, редко кто подавал ей свою руку помощи, чтобы вывести на сухой тротуар. Вот такая мокрая, озябшая от холодной воды до костей, при сильном сквозняке, на холодном каменном полу церкви, она простаивала на паперти всю церковную службу.

Как же хранил её Бог от крупозных воспалений лёгких, от всяческих простудных заболеваний! Это только за её преданность монашескому уставу посещения Храма Божия. Да к тому же это был её ежедневный, хотя и не совсем надёжный, кусок хлеба.

Как-то одна из моих тёток спросила её о том, как она так точно переходит дорогу без всякой человеческой помощи. Она ответила: «Меня ведёт мой посох, да святая путеводительница Молитва Иисусова, которой я вижу так далеко, что ни одному зрячему никогда и во сне не приснится». Это действительно так и было.

Дар своего ясновидения она нам открывала как бы в притчах, прозревая далеко вперёд нашей жизни. Это настолько потом точно сбывалось, как будто бы тогда Мария Фёдоровна смотрела в зеркало этих событий.

Она говорила нашей матери о судьбе детей, которых ещё и не было на свете. Мария Фёдоровна очень уверенно заверяла нас в тех событиях, которые нам тогда и во сне не снились, о которых мы и вообще предположить не могли.

К нам очень часто приезжали из деревни родственники только для того, чтобы спросить Марию Фёдоровну о своих проблемах: вступать ли в колхоз, идти ли работать на фабрику и т.д., ещё очень много разных других вопросов, которые задавала им революция

века. Иногда одним словом, сказанным ею, разрешался целый ряд очень сложных событий. Иногда человек шёл к ней с одной мыслью, а она озадачивала его совсем неожиданным ответом. Во время Финской войны к Марии Фёдоровне подошла в церкви после службы одна женщина: «Маша, придёт ли мой Тимофей живой с фронта?». Она ей немножко резковато пропела что-то вроде частушки:

Хорошо тому живётся,
у кого одна нога.
Сапогов пара не рвётся,
И порточина одна!!!

Об этом нам потом рассказала наша дальняя родственница, когда Тимофей к концу года приехал с войны домой из госпиталя с ампутированной до колена левой ногой (она была отморожена).

Когда у нас умерла мать, Мария Фёдоровна читала Псалтырь все 40 дней, всё время громко рыдая. Мы её не отпускали весь год. Сидя вечерами за столом, пили чай из самовара, разделяя поровну свой карточный паёк (400 г на человека), она нас утешала, рассказывая целые легенды о чудесах, творимых святителем Николаем. Благодаря её рассказов мы узнали жития почти всех русских святых, в том числе и переяславских.

У неё было очень много специальных книг, по которым она, очень бойко перебирая руками, читала нам серьёзную литературу, которые впоследствии сожгла её новая квартирная хозяйка, растапливая печь.

Иногда, рассказывая про кого-то с таким же недугом как и неё, она про себя говорила, что этот недуг посетил её в пору среднего возраста. Она очень интересно рассказывала нам о своём путешествии по норвежским фиордам, о красивых курортных городах Италии, так как она выросла в хорошо обеспеченной культурной семье, хорошо знает немецкий язык, правила поведения благородных девиц в обществе. Говоря об этом, она всегда очень тяжело вздыхала. «Но лучшего Света в жизни человека нет и быть не может, чем Свет, который проливает Благодать от постоянного чтения Молитвы Иисусовой», - говорила она. В руках она всегда держала чётки. По пути в Храм Божий Мария Фёдоровна знала по счёту молитв Иисусовых когда перейти дорогу до первого поворота, так же шла она и обратно домой, читая их не сбиваясь.

Матушка Севастьяна, когда ещё была жива, нам по секрету рассказывала: «Иногда задержусь в лесу, подхожу к дому со своей вязанкой дров, а в доме минорным голосом, как бы под музыку, поёт «моя подруга жизни» песню, чувствую, что со слезами:

Позабыт, позаброшен,
Счастья доли мне нет.

Я остался сиротою

С молодых и юных лет...

Совсем тихо заканчивает такими словами:

И никто не узнает и никто не придет,

Только ранней весной соловей прилетит,

Пропоёт и опять улетит,

А сиротская могилка одиноко стоит...»

Мне этот рассказ так запал в душу, что когда похоронили Марию Фёдоровну, мы в первую очередь стали искать надмогильный крест. Купили этот крест за её же земной пятидневный карточный паёк (буханка хлеба, она весила тогда 2 кг).

Когда ещё при жизни у нас в квартире заводился серьёзный разговор на духовные темы, то Мария Фёдоровна говорила так: «За царём служба, а за Богом – людская молитва никогда не пропадёт».

Инокня Мария

Всё Бог – везде Бог !!!

Но пути его дивны, а главное – сокровенны; так
же – судьбы Божии неисповедимы.

Даже сам руководимый Промыслом Божиим
узревает их уже после, озираясь вспять.

(Святой Феофан Затворник)

В миру её звали Мария Петровна Беляева. Петроградская аристократка, дочь очень богатого семейства, она вращалась в кругах светского общества, знала все манеры поведения в кругах этого общества, говорила на двенадцати иностранных языках, ходила на балы и в театры с равными ей по воспитанию друзьями. Много раз она ездила в заграничные путешествия. Вращаясь в высших кругах светского общества, она очень хорошо знала себе цену, поэтому с презрением смотрела на тех, кто не мог того же, что умела она (например, девушка ходит неправильной походкой, или не умеет играть на рояле, или не знает никакого другого языка кроме русского и т.д.). Поэтому у неё было мало подруг и друзей. Сама она была влюблена в какого-то совсем нестарого вдовца, но в его стороны безответно (она была довольно некрасивая, а он – красавец-мужчина, да и довольно богатый). В её доме часто бывал художник Календос, который за большую цену написал портреты всей кровной семьи (в настоящее время эти картины экспонируются в Переславском художественном историческом музее, за несколько лет до своей смерти Мария Петровна подарила их музею).

Замуж её выдали родители, познакомив через кого-то уже немолодую девицу с помещиком Тетериным. Под венец они уже вступали на подножие революционных тезисов и законов, которые разули, раздели, разорили богатые дворянские семьи, отобрали помещичьи усадьбы, ссылали на каторгу интеллигенцию и духовенство, уничтожили расстрелами не только культуру её общества, но и самого царя. Родители Марии Петровны сразу же уехали из Петрограда за границу. Она же не могла бросить своего парализованного мужа. К её мужу очень часто приезжал тогдашний архиепископ Домиан, исповедуя и причащая его святыми дарами на дому. Это был самый первый учитель, который просветил её душу христианским огнём православия. Когда похоронили её мужа, Мария Петровна сама сдала Тетеринское наследство советским властям. Владыко Домиан уступил ей Даниловском монастыре временно часть своих архиерейских покоев. Познакомив Марию

Петровну с последним игуменом Троице-Сергиевой лавры, он перевёз её в Загорск под духовное покровительство очень мудрого священника – настоятеля Ильинской церкви от. Тихона. Тот в свою очередь очень скоро поселил Марию Петровну в частный дом к хорошо знакомым ему людям. Мария Петровна, имея такое прекрасное образование, сразу же устроилась чтецом в церкви св. Апостолов Петра и Павла (тогда ещё действовавшей). Здесь она познакомилась с митрополитом Трифоном. Это был необыкновенно духовно образованный человек. За очень короткий срок её пребывания в Загорске при таком духовном покровительстве она сама решается на уход в монашество. Постриг её состоялся в Ново-Девичьем монастыре. Таким образом она несколько лет прожила в Москве.

Через святителя Трифона она несколько раз бывает на приёме у святителя Тихона – патриарха Московского. Во время одного из таких посещений она знакомится там с Иваном Петровичем Ерохиным, церковным старостой из Красного села Переславского уезда Владимирской области, который пригласил её посетить их храм.

Святитель Тихон сказал Марии Петровне, чтобы она до самого конца своей жизни сохраняла своё монашеское звание в тайне.

«Только революция сделала столбовую дворянку чистой истинной христианкой», – как потом шутила Мария Петровна, сидя за столом на балконе дома профессора Граменицкого. «Вот, милая моя габушка (она пропускала букву «А»), дорогая Настенька, как судьбы Божии неисповедимы !!!»

Первая встреча с этой «столичной барыней» произошла у меня, можно сказать, совсем случайно. Я со своими одноклассницами шла в школу сдавать первый экзамен (по русскому языку). За углом двухэтажного дома нас остановила (между прочим очень настойчиво) эта самая «барыня» и попросила показать ей дорогу на хутор к одной огороднице (Александре Сергеевне Мишиной). Девчонки мои все разбежались в разные стороны, наотрез отказавшись помочь ей (со смехом крича и показывая на меня: «Вот она проводит!)). В нашем распоряжении было всего полтора часа. Вывела я очень уставшую «барыню» на дорогу, а сама побежала, не чувствуя земли под ногами, на экзамен в школу. Прочитали нам «изложение» о каком-то партизанском отряде, спасшем мост через переправу реки. Моя рука так уверенно ходила по контрольному листу пером (как будто рядом было другое ухо), которое без сомнений расставляло даже знаки препинания. Наши работы тут же проверяла комиссия, мы же стояли за дверью и ожидали результаты. Дверь открылась, директор подходит ко мне, целует мою руку и говорит: «ты получила заслуженную «пятёрку» !!!». Потрясённая, я еле удержалась на ногах, а придя домой и сразу же опустившись на колени, сказала: «Господи, правду говорят – «сделавши добро – не кайся»!!!».

Александра Сергеевна Мишина была очень добрая женщина, она помогала чем могла всем обездоленным. Приютив Марию Петровну на некоторое время у себя, потом она поселила её у своей сводной сестры в селе Вёськове, у которой был свой дом-«пятистенок» (дом и ещё отдельная пристройка с одним окном). Получив отдельную келью, у Марии Петровны не было конца восторгу. Очень строго соблюдала она свои монашеские правила и послушание. Во всякую погоду, в полной осенней тьме шла бывшая «барыня» пешком 7 км в церковь в Красном селе на воскресные и праздничные церковные службы, иногда и ночевала там. Тогда доходов у церкви особенно не было, но церковный староста Иван Петрович Ерохин чем мог всегда набивал до отказа её походную сумку – выполнял он это с патриаршего благословения. Св.Тихон при встрече с ним сказал: «Нет такого смирения ни у меня, ни у тебя, какое имеет эта изгнанница-барыня!!! Именно тебе придётся опекать её, до самой смерти». Так оно и было. Во время тяжёлых лет войны, если не появлялась Мария Петровна в Красном селе несколько праздников, то Иван Петрович запрягал лошадь, набивал кошелёки сухарями, овощами, мукой, картошкой и сам отвозил ей продукты в с. Вёськово, т.к. Мария Петровна часто сваливалась в постель от сильной простуды, шагая по просёлочным дорогам в непогожие осенние дни. Каждый год привозил он ей на зиму берёзовых дров, нанимая колхозную подводу.

В первые годы она пешком ходила одна в Загорск на исповедь к своему духовному отцу Тихону – настоятелю Ильинской церкви – в день своего пострига, когда читается канон Андрею Критскому и Марии Египетской.

После того как «обновленцев» сменили истинные священники, Мария Петровна стала постоянно ходить из деревни в нашу городскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы, поэтому она иногда ночевала у нас, в доме профессора Граменицкого. Часто жившая впроголодь, она, конечно, с восторгом садилась с нами за стол ужинать. Почему-то она особенно любила у нас заговеться на масленной неделе. Вот напеку я блинов на керосинке, подам в столовую тарелку для блинов, маслёнку с топлёным маслом, сметану, баночку рыбных консервов. Она же ест блины чисто по-аристократски: с вилочкой, нарезая блины кусочками, поливая их очень аккуратно маслом или сметаной. Уходит от нас с такой благодарностью, с таким восторгом (будто малый ребёнок), оставляя нам какое-то тепло благодати своего подвига-смирения.

Всё это я довольно подробно рассказываю потому, что её молитвами была спасена моя жизнь. В день Толгской иконы Божией Матери (эта икона в настоящее время находится у монахини Златы, но была подарена Марией Петровной мне лично) мне была сделана очень удачно операция (Марию Петровну этой иконой благословил на постриг сам патриарх Тихон). Накануне я дошила ей новое платье, чтобы она пошла в церковь в

обновке. У меня неожиданно начался приступ аппендицита, такой странный, что я потеряла сознание. Утром Мария Петровна встала, дошла до стоянки такси, взяла машину и приехала за мной. Я не помню, как меня привезли в больницу, помню только, что в полубессознательном состоянии вижу Марию Петровну в другой одежде: на ней одет тёмно-коричневого цвета покров и такое же платье. «В четыре час я буду там с тобой», - сказала она властным голосом, испарившись в воздухе. Операция кончилась ровно в четыре часа. Когда я пришла в сознание, на стене прямо на меня глядел циферблат огромных круглых часов с римскими цифрами, показывавшие время, названное женщиной в «неземной» одежде. Поздно вечером в приёмном покое Мария Петровна попросила дежурную медсестру передать мне просфорочку и святую воду от молебна, который был заказан за моё выздоровление!!!.

Вот как «пути Господни дивны, а главное – сокровенны. Даже сам руководимый Промыслом Божиим узревает их уже после, озираясь вспять». Вот как той маленькой неожиданной встречей Господь открывает долгий добрый путь к спасению человеческих жизней. Моя тётка из Питера как-то спросила Марию Петровну: «Хотела бы ты возвратиться к тому роскошному образу жизни, который вела раньше?». «Нет, Пашенька, потому что жить-то я стала только тогда, когда познала Бога, Его Всемогущество открыло мне истинный путь к спасению души, а не тела, оставив позади суету сует. Я тогда была никто, потому что не знала Бога, а теперь, озираясь на своё прошлое, говорю – дивны пути Господни, а главное - сокровенны; всё для нас – Бог, везде с нами Бог!». Когда сказали от. Тихону в Загорске о том, что Мария Петровна умерла, то он, перекрестившись, сказал: «От самой революции до самой своей смерти по земле ходил «земной Ангел»!!!», стал служить по ней панихиду.

О том как жила в с. Веськове эта великая подвижница – инокиня Мария – много ещё чего могут рассказать монахини Таисия и Злата, от. Даниил Николаев, да и многие веськовские старушки, а также работники музея (Т. Мартянова, Г.А. Пахоменко, Н.Ф. Ульянцева и др.).

Царствие Небесное, вечный покой тебе, инокиня Мария, с честью пронесшая свой великий подвиг смирения, окрыляя им наши земные невзгоды, согревая озябшие души от злобы людской. Аминь!

За всё прими от нас честь, хвалу и славу Пресвятая Троица – Отец, Сын и Дух Святой, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

Священноигумен Иона

Молиться Господу Богу можно везде, во всяком месте. Но в особенности нужно молиться в Храме Божиим, который мы должны посещать во время богослужения. Мы должны непременно посещать службы Божии во все воскресные дни, в праздники, а в посты – особенно!!!

1939 год

В день праздника архистратига Михаила (21 ноября по новому стилю) к нам в гости после службы в Красном селе пришёл игумен от. Иона, 75-ти летний старец, очень озябший и уставший. Мы только что поставили вскипевший самовар на стол, а моя крёстная – тётка Анастасия – раскладывала в тарелки картошку, тушёную в русской печке. Мы сразу же дали ему тёплые валенки, на плечи накинули большую шаль. Отец Иона был очень рад шумящему самовару, сразу ж налил себе с заваркой грузинского чая большой фарфоровый бокал с изображением нашего Фёдоровского монастыря, чтобы согреть «свои старые кости» (так это он сказал). Накормили его горячими щами, гречневой кашей с льняным маслом, т.к. картошка тушилась с мясом. А чай мы все пили с постным сахаром, который покупали в лабазе, т.к. он был дешевле всех других конфет.

После чаепития мы ему предложили отогреться у стенки хорошо натопленной печки, к которой был прислонён очень удобный деревянный диван. Он охотно согласился, лёг и сразу же заснул. Около часа дня он проснулся и спросил: «Сколько сейчас времени?». Крёстная попросила его: «Не спешите, погостите, пожалуйста, у нас до завтра». «Спасибо за гостеприимство, с удовольствием», - ответил он, после чего завязалась у них с крёстной беседа, а мы сидели на печке и слушали их разговор.

«Батюшка, как же теперь людям Богу молиться, ведь почти все храмы закрыты или разрушены, монастыри разогнаны?». «Ну что ты, матушка, не все обители в развале. Вот взять хотя бы Горицкий Успенский монастырь. Стоит как только что построенный, а Богу-то там с начала века этого никто не молится. Так давно перестали молиться, пожалуй что с тех пор как Пётр I приезжал на ваше Плещеево озеро учиться делу морскому. На территории монастыря построен такой собор, что равных ему во всей Руси не найдешь: около 40 метров до купола высота, иконостас 5-ти ярусный со скульптурами у Царских ворот из липового дерева, весь покрыт сусальным золотом, привезённый из Москвы на лошадях и сделанный по заказу самой царицы Екатерины I. Паникадила там сделаны из червонного золота, в них выбиты гнёздышки для свечей, привезены тоже из Москвы и подвешены мастерами по заказу царицы Елизаветы II. Хоры сделаны на втором этаже для торжественных событий. Две фигуры изображают Ангелов, а на самом деле, по замыслу

самой царицы, эти фигуры изображают царскую архитектуру. В храме такой высоты, конечно, холодно и зимой и летом. Алтарь там очень своеобразный. Это всё я рассказываю вам для того, чтобы вы знали и помнили о том, что Бог живёт не в рукотворённых храмах, а в каждой душе христианской, ежели в её сердце теплится огонёк веры в Его Всомогущество. А вот созданный человеческими руками храм уже много лет стоит холодным изваянием, как памятник архитектуры, в котором вряд ли когда будет отслужена хотя бы одна литургия. Построен он не как все христианские обители, а скорее в силе западного зодчества, потому-то может быть и останется как памятник архитектуры не разрушенным на века. Сам монастырь строился одними руками, а храмы – другими. К последнему времени он будет действовать, но внутри будут трудиться люди того и другого пола. Во главе с игуменом будут начальствовать и игуменьи. В тот период времени будет очень много восстановлено храмов христианских и монастырей. Будут настоящие женские и мужские монастыри, населённые монахами, а в храмы ходить будет некому. Старое поколение сдаст свои позиции времени века, а молодёжь будет досыта купаться в разврате, даже до содомского греха, который привезут иностранные гости. Им будет открыта граница со всех четырёх сторон нашего государства. Ох, как много привезут эти заморские гости иностранной грязи, она начисто развалит русские нравы, традиции, разденет и разует трудолюбивый крестьянский народ, да так, что на полях вместо спелых колосьев пшеницы, ржи и других хлебных злаков зацветёт бурьян, колючий репейник, а птицы перелётные будут улетать на другую землю, чтобы свить своё гнёздышко там, где можно своих деток накормить. В стране русской будет страшное бесправие, а смуты в народе будут хуже, чем во времена Ивана Грозного. Зависть людская дойдёт до такого состояния, когда уже сбудутся слова Евангелия - «человеку – враги его – домашние (ближние) его». Это будет страшнее самой жестокой войны. Почти под каждым окном русской избы прольётся неповинная кровь. Отцы не признают своих детей, а матери станут детоубийцами. Гордость дойдёт до такого состояния, что дети, убивая своих родителей, будут считать себя героями своего времени!». «Батюшка, как страшно ты рассказываешь!!!», - вскричала крёстная. «Ну мы с тобой не доживём до тех времён», - сказал от. Иона, опустив низко голову и закрыв лицо руками. «А кто же спасёт тех людей, которые будут жить в таком адском и смрадном времени?!». «Покаяние, голубушка, великое покаяние. Тогда проповедниками веры христианской будут великие подвижники – монахи, подвижники- бессребреники, которых будет ох как мало – по 3-4 старца на столичные и областные города. Сами они будут жить в скитах, в затворах, а силой благодати в молитвенных подвигах и трудах будут окрылять сбившийся с пути Божия православный народ, призывая его к покаянию. В народе совсем не будет Страха Божия, а злоба людская станет хуже звериной хищности. За святые

молитвы великих подвижников Сама Царица Небесная будет через свои чудотворные иконы спасать людей, к ней в своих скорбях и напастях с верою прибегающих. Тогда вновь будут подниматься из-под спуда мощи русских святых угодников Божиих, которые силою благодати своей сохраняют Церковь православную так, чтоб «не одолели Её врата ада» », - отвечал ей игумен. Перекрестившись, он прочёл молитву («Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...»), после чего встал и собрал нас всех для вечерней молитвы. Всё, что рассказывал тогда от. Иона, мы, конечно, запомнить не могли, а только эти его предсказания я вспомнила, когда сама стала работать смотрителем этого Горицко-Успенского музея-монастыря. В момент рассказа мне было всего 14 лет, а в музей я пришла работать уже на 56-м году жизни. Вот как далеко смотрел от. Иона в моё будущее.

Наше с ним знакомство произошло совершенно случайно, шёл мне тогда 12-й год. В это время действующим храмом во всей переяславской округе был в Троицкой Слободке, где священником служил очень старый от. Феофан. Мы с крёстной в день Преображения Господня (19 августа 1937 г.) пришли из города, чтобы освятить несколько яблок. После окончания службы мы подошли к могилке Мишеньки-Самуила, захороненного в 1908 году у самого алтаря церкви. Подошёл туда же немного согбенный, убелённый сединами старец, с очень тонкими чертами лица, с орлиным носом, который разделял карие глаза, похожие на две спелые вишни. В руках он держал очень поношенный офицерский, морского покроя, картуз, обутый в старые, но хорошо начищенные, офицерские сапоги до колен, одетый в полупальто серого цвета (типа пиджака-«толстовки»), подпоясанный широким старым офицерским ремнём. Завязанные на затылке в пучок чёрной ленточкой, немного поседевшие пышные волосы, спускались за воротник и обрамляли его строгой мужской красоты лицо.

Мы посторонились, а он нам и говорит: «Давайте spoём ему «вечную память!». Крёстная запела «Со святыми упокой», батюшка мягким тенором запел вместе с ней. Поклонившись распятию, стоящему у надгробия, и закрыв дверку могилки, мы вместе вышли за железную церковную ограду. Крёстная подарила ему три красивых спелых яблока сорта «анис». Поблагодарив, он спросил: «Вам тоже до города? Тогда пойдёмте вместе. Звать меня от. Иона, я надеюсь, что мы здесь ещё не раз встретимся». Мы проговорили с ним до поворота на городской рынок. Прощаясь, он сказал: «Мне надо идти до самого центра. Я хочу вас очень попросить, как местных жителей, помочь мне найти жильё где-то на окраине города, потому что я поселился пока временно у своей родной сестры, может быть вы даже знаете её - монахиня Тамара». «Как же не знать», - ответила крёстная, - «Их всех разогнали из Фёдоровского монастыря, а она сейчас живёт как сторож в доме врачей Альбицких». «Да, а мне надо иметь здешнюю прописку в частном доме, с отдельной

комнатой». Крёстная, немного подумав, сказала: «Если у вас есть сейчас время, то дойдём на Новую улицу, ближе к озеру, вы посмотрите условия жизни в этом доме». Он охотно согласился с этим предложением и мы повернули от рынка уже не направо, а налево (в сторону озера) к новостройкам частных домов на улице «Пионерская», которую начали обживать крестьянские семьи, бежавшие из сёл и поступившие работать на фабрику. Нужный на дом был почти достроен, не доложена была только печка, которую сооружал сам хозяин. Встретила нас двоюродная сестра моей крёстной – бабушка Агафья – очень радушно. У неё на столе стоял уже вскипевший самовар. Узнав причину нашего прихода, она провела нас в переднюю комнату, рядом с которой была небольшая комнатка с отдельным дверным входом. Батюшка сразу сказал, что ему нужно не только жильё, но и здешняя прописка. «Вот зять придёт, возьмёт ваш паспорт и пропишет», - сказала Агафья, после чего пригласила нас всех к столу, вытащила тушёную картошку, поставила на стол пироги, принесла мёд к чаю (у них в деревне были свои ульи). Батюшка, прочитав молитвы, благословил стол и мы сели за праздничную трапезу. Поблагодарив хозяйку за вкусное угощение, мы поднялись и засобирались домой, а бабушка Агафья предложила батюшке остаться в той комнате ночевать до приезда хозяина (её зятя), да и ей будет поспокойней в доме, т.к. рядом дома ещё не все были заселены. Поблагодарив её, старец сразу же согласился. Мы же дошли до дома Альбицких, сообщив матушке Тамаре о его устройстве с жильём.

Навестив через неделю батюшку, мы всё узнали про его происхождение. Он игумен, духовный сын отца Варнавы из Гефсиманского скита г. Загорска (так стал теперь называться Сергиев Посад), духовник Ново-Девичьего монастыря, который только что разогнали, поэтому его выслали из Московской области за 101-й километр. Сам он бывший англичанин (родился в Англии), сын очень богатых родителей, закончил какое-то морское офицерское учебное заведение, был назначен на большой корабль дальнего плавания. Молодой офицер побывал во многих портовых городах океанского побережья Африки, Америки и Дальнего Востока, знал несколько иностранных языков. Последний его рейс был в Архангельский порт, за погрузкой пушнины. На расстоянии одного дня до порта назначения их судно попало в объятия страшного ураганного ветра, который пригнал к берегу уже одни только щепки от их корабля, на которых спаслись всего лишь несколько моряков, и среди них – молодой красавец-офицер Фируф И.Ф. Он ничего не помнит о том, как и кем он был спасён, как оказался на самом северном побережье континента. Помнит только, что впервые открыл глаза уже в палате морского госпиталя, был он в очень тяжёлом состоянии. Выходили его русские санитарки-монашки. Русский язык он очень хорошо понимал, изучая его у себя на родине. В палате с ним лежал ещё пожилой русский морской

офицер, которому только что была сделана очень тяжёлая операция – ампутирована нога до голени. Как выяснилось при их знакомстве, этот офицер был сын городского священника г. Архангельска. Рассказывая о своём церковном образе жизни, русский офицер очень быстро настроил англичанина («фон-барона») на духовный лад, привёл его к тому, что офицер Джон решил принять православную христианскую веру.

По выздоровлении он крестился в ближайшем приходском храме, дали ему имя Иван, а отчество записали Фёдорович (так звали священника того храма). После этого русский моряк-инвалид решает уехать в монастырь на Соловки, а за ним потянуло туда и бывшего английского офицера.

Очень скоро при поступлении в монастырь на Соловках бывшие офицеры принимают постриг в монахи (английский – с именем Иона, русский – с именем Константин). Через год от. Иона направляется в Московскую епархию в Гефсиманский скит к старцу Варнаве. Отец Варнава принял его в свои объятия, оставил у себя келейником, а за год до своей смерти отправляет от. Иону в назначении игумена мужского монастыря г. Александрова Владимирской области.

Отсюда, будучи игуменом, он посылает через наше посольство извещение своим родителям о своём существовании на земле русской. Вскоре после этого к нему приезжает его родная сестра, берёт русское гражданство, принимает, крестившись, монашеский сан с именем Тамара и становится одной из сестёр Ново-Девичьего монастыря. В келье их было двое – она и монахиня Мария (батюшка звал их обеих «мои сестрицы»). Вскоре Тамару переводят в Фёдоровский монастырь г. Переславля, где она очень хорошо научилась говорить по-русски, так же «окая» как и все владимирские жители.

В 30-е годы священноигумена Иону советская власть ссылает на Соловки, а в 1937 г. его реабилитируют, но с полным запретом жить в Московской области. Разыскав в Переславле свою родную сестру (по письмам, которые она ему писала), он наконец приезжает в Переславль.

На ул. Пионерской он прожил ровно год. Семья в полном составе заселилась в новом благоустроенном доме, а батюшке нашли на Валовом кольце тоже отдельную комнатку с постоянной пропиской у двух бывших купчих (старых дев). Платы за жильё они с него не потребовали, дав игумену своё послушание топить три печи в доме, ему помогала также и матушка Тамара. Связь наша с батюшкой не прерывалась, особенно после окончания войны с Финляндией. Мы приносили ему овощи, макароны, крупы, растительное масло, сахар, доставали гарное масло для лампады.

После объявления войны с Германией батюшку одели монашки, через которых собиралась мужская одежда, - кожаные сапоги, валенки, тёплая шапка, полушубок, в

котором от. Иона много раз приходил в Красное село молиться. Но после того как выдали хлебные карточки, стало очень тяжело с питанием. С дровами тоже стало очень трудно, но мы сами ездили в лес на санях-дровнях, привозили ему 1 раз в неделю готовый, уже распиленный (а, по возможности, ещё и с лесопилки) штакетник, чтобы ему было легче топить печь. Подарили ему самовар ёмкостью 3 литра, чему он был страшно рад. Иногда он приходил к нам за углями, а мы, провожая его, собирали ему что могли (картошку, квашеную капусту или испечённую лепёшку). Когда он приходил к нам, это была всеобщая радость. Открывая входную дверь, прочитав молитву, батюшка говорил, улыбаясь: «Иду к вам на побывку». Иногда он приносил нам гостинец, садясь за стол заваривал грузинский чай, раздавал мелко наколотый сахар всем поровну, добавляя по сухой баранке, которые привозили ему московские монашки из Ново-Девичьего монастыря. Мне он иногда оставлял на целую неделю почитать книжечку с Троицкими листами, старенький молитвенник, очень красивое Евангелие (толковое), акафисты; давал мне «послушание» ходить к нему в определённые дни учиться читать Псалтырь, написанный на старославянском языке. Через год я уже свободно читала его по кафизмам, как читают все монахи. В 1942 году умирает наша мать, а после неё и бабушка. В городе действующих храмов не было, поэтому отпевал их сам батюшка Иона. Этот год был очень тяжёлый для всего народа, но батюшка спасал нас своими молитвами от страшного голода, холода, нищеты.

После Рождества Христова он пришёл к нам «Христа прославить», принёс немного гостинцев. Прощаясь, он мне сказал: «Ты теперь истинно моя духовная дочь», подарил маленькое Евангелие в кожаном переплёте, указав на правильное его чтение. Мне тогда было ровно 14 лет. «Не прекращай учёбу в школе до окончания войны, а то отправят или на трудовой фронт или на войну санитаркой», - напутствовал он меня. Но как велико было это благословение, что не перескажешь словами. Приду к нему со своими невзгодами, встаём сразу на молитву. С его благословения на следующий день вдруг происходит чудо – приходят из собеса с какой-нибудь бумажкой: то на получение 5 кубометров дров на территории леспромхоза; то в торге получить на талоны продукты (5 кг риса, 3 кг колотого сахара, 3 банки американской тушёнки); то на питание в столовой фабрики №5 на всех троих ежедневно в течение 30 дней (первое блюдо, второе блюдо и молоко); а то неожиданно приходит по почте денежный перевод от дяди Васи из военного госпиталя. На фабрике, где работал наш отец, нам выдавали обувь, одежду, даже один раз ватные одеяла. За всё это батюшка давал нам послушание молиться после 12 часов ночи за всех православных воинов. Мы читали акафисты дня грядущего.

У одной нашей родственницы к началу 1943 года убили на войне 3-х сыновей. Она не знала куда себя деть от горя и тоски. Мы рассказали об этом батюшке. Он пригласил её к себе, поговорил, утешил, да так, что она в благодарность привезла нам из деревни 3 мешка ржаной муки, 5 мешков картошки, 7 литров льняного масла. Мы немного подкормились, оклемались и стали снова ездить в лес за дровами.

У батюшки явилась своя беда: одна из сестёр, у которых он жил, умерла, а другая сразу же продала свой дом и уехала в Архангельскую область. Отцу Ионе мы нашли жильё на той же улице у старца, который жил совсем один. Прописан он был с тем условием, что будет сам отапливать свою комнату. Мы сразу же привезли батюшке три воза берёзовых дров в подарок от тётки Агафьи, которая очень любила батюшку. По просьбе батюшки мы очень часто приходили к нему, топили печку, убирались в его комнате.

На Никитин день мы пришли к батюшке, стучимся в дверь, но никто не открывает. Мы заглянули в окно к нему, а он, простонав, слабым голосом сказал: «Я умираю, приходите завтра». Мы сразу же побежали к матушке Тамаре, она собрала своих, дверь открыли, а батюшка лежит уже мёртвый. Мы с тёткой Ксенией пошли в Красное село, упросили старосту Ивана Петровича Ерохина похоронить батюшку у храма. Он помог в похоронном ритуале, нанял лошадь, чтобы привезти гроб, дал денег на все похоронные расходы. 21 декабря под колокольный звон после панихиды гроб с великим подвижником был опущен в могилу, провожаемый церковным похоронным пением. Наша осиротевшая семья рыдала почти все 40 дней о такой тяжёлой потере. После смерти батюшка всё равно нам очень помогал своими молитвами, как будто и не умирал.

Весной над его могилкой был воздвигнут кипарисовый крестик, привезённый из Ново-Девичьего монастыря.

Вечная ему память и вечный покой. Аминь!

Схимонах Николай Гаванский

В 60-е годы к нам в дом Граменицких очень часто на автобусе из центра города приезжал (в свободное от церковных служб время) священник Покровской церкви от. Сергей Кузнецов «Рязанский» (с ним вместе в той же церкви служил ещё один от. Сергей, как он часто сам шутил – «Казанский»).

В Рязани, где родился от. Сергей, у них был очень богатый особняк, окружённый садом. Мать их происходила из старообрядческой семьи, была выдана замуж за садовника, который служил у очень богатых купцов. После революции отец очень скоро заболел и, умирая, просил сыновей принять христианскую веру. Мать у них была очень добрая, сильно любила своих сыновей. Они тоже очень любили её, поэтому в христианскую веру обратились только после её смерти. Это произошло, в общем-то, довольно случайно. Оба брата очень любили друг друга, даже квартиры в новом районе Рязани они получили на одной лестничной площадке (Сергей Георгиевич Кузнецов был главным архитектором).

В это же самое время в семье одного из самых «махровых» коммунистов сын поступает в семинарию Троице-Сергиевой лавры, успешно заканчивает её, постригается в монахи и направляется в Ярославскую область на приём к митрополиту епархии. Отец Сергей (очень религиозно настроенный в своём воспитании матерью) находит в лавре своего земляка-семинариста III курса, знакомится с ним сам и знакомит своего брата Георгия.

Трудно теперь сказать какая причина заставила их троих поехать в Псково-Печерский монастырь. Туда только что были переселены Ново-Валаамские старцы. Паломники из Рязани попали на приём к слепому уже старцу-прозорливцу – схимнику от. Михаилу, сидят эти учёные мужи в келье старца. Первое всё было сказано семинаристу (я, к сожалению, не помню его мирское имя). К братьям старец обращается с такими словами: «Ну что, учёные мужички из Рязани, Бога искать приехали? Его вам искать не надо, он и так всегда с вами. Приносите очищение за теперешнее ваше вероисповедание. После этого один из вас сдаст экстерном экзамены в Петроградскую академию на магистра богословия, а другой получит в Троице-Сергиевой лавре диплом священника в приходское служение Ярославской епархии. Как, ярославские пастыреначальники, возражений с вашей стороны не будет?». «Мы, как ошпаренные кипятком, такого крутого поворота в жизни своей не ожидали, оба еле выговорили – «нет». Выбрались мы из его кельи, а будущий Никодим, от страшного потрясения за нас, свалился со ступенек лестницы, ведущей в келью старца», - рассказывал потом от. Сергей.

Всё, что было сказано старцем, сбылось. Отец Сергей действительно поступил на заочное отделение Ленинградской Академии, защитил диссертацию с отличием, получив

диплом и звание магистра богословия.

С получением диплома на работу совсем в другой области культуры он, как пробка из бутылки, вылетает сразу же с гражданской должности, да кроме того с запретом служить попом в Рязани. У него было двое сыновей-подростков, жена тоже лишается хорошей работы. С семьёй брата происходит тоже самое. В патриархии их посылают в епархию Ярославской области, к митрополиту Сергию. Тот направляет Георгия в районный приходской храм, а Сергия – в Покровскую церковь г. Переславля, вторым священником. Впервые к нам от. Сергей пришёл причастить монашку, которая жила рядом с церковью. Познакомившись с ним поближе, мы часто стали его приглашать на домашние беседы религиозного содержания. В его рассказах всё время сквозил юмор благородного поведения, которым он, вероятнее всего, скрывал бедственное положение своей семьи.

Хозяйка дома – Анна Петровна Граменицкая (дочь генерала, жена профессора, родом из поповской семьи) – была очень религиозной и доброй до мозга костей женщиной.

В день Воздвижения Креста Господня от. Сергей пришёл к нам с огромным пакетом винограда на наши домашние пироги с яблоками да чай с вишнёвым вареньем. Уже за накрытым столом балкона Анна Петровна, извинившись, спросила от. Сергия: «Вы не жалеете о том, что такой смелый шаг сделали в жизни своей?» Он даже обиделся, ответив ей так: «Анна Петровна, всякий путь к Богу есть узкий и прискорбный». Она была восхищена и довольна таким искренним ответом, значит истинного пастыря церкви принимает она у себя за столом. После такого вопроса от. Сергей спросил об этом же всех сидящих за столом. Очередь дошла и до меня. «Вот вы, Капитолина Андреевна, столько выхлебали горя за такой ещё сравнительно небольшой период своей жизни. Не держите ли вы в душе обиды на Бога?», - спросил он. Я тогда ответила ему так: «Не знаю, какими словами выразить мне свою благодарность к Богу, но надеюсь найти такую молитву благодарности за то, что всё пережитое мною открывает мне мой внутренний мир стремлений только с помощью Божией!!!». Он даже встал, перекрестился и ответил: «Непременно найдёте человека, который подарит вам такую молитву по запросам вашего молитвенного настроения!».

Прошёл довольно большой промежуток времени после того нашего разговора. Через несколько лет умер от. Сергей у себя в Рязани от рака пищевода. Его старший сын после службы в армии поступил заочно учиться в Загорскую семинарию на священника, несколько раз приезжал к нам в память об отце.

Мне тоже пришлось уехать в Ленинград на лечение в Институт гематологии, после чего мне дали инвалидность II группы на 5 лет. Поэтому я часто подолгу жила в Питере у Граменицких.

Николай Николаевич Гаванский (Радышкевич)

Вот в этот то период времени мне и пришлось встретить того человека, который по пророчеству от. Сергия подарил мне желанную молитву: *«За всё прими от нас честь, хвалу и славу Пресвятая Троице – Отец, Сын и Святой дух, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь!»*.

Хочу заметить, что к таким людям нас приводят обычно самые скорбные дни нашей жизни. Это был настоящий мученик-страдалец века – Николай Николаевич Гаванский. Будучи 7-ми летним ребёнком, он был взят своей матерью на Смоленское кладбище, которое посещали толпы скорбных людей. Так как она состояла какой-то группе атеистов, то ей было дано поручение выследить одного проповедника-священника, который мешал им работать среди студенчества. Люди шли вокруг Смоленской часовни за молитвами к блаженной Ксении непрерывным потоком, тихо напевая: «Вечная память...». Среди пения очень резко выделялся верный ровный голос священника, одетого в гражданский костюм, с завязанными под шляпой волосами. Женщина быстро устремила к нему с фотоаппаратом, а мальчик сразу же упал с криком от боли в ногах на каменную плиту могилы. Мать оставляет ребёнка лежать на земле и выполняет своё чёрное дело. По её доносу на глазах у молящихся людей забирают в милицию ещё одну жертву революции, а она на своих плечах тащит сына до трамвайной остановки. Несмотря на то, что времена были смутные, им дали путёвку за границу для лечения грязями, но у мальчика отнялись ещё и руки. На долгий период времени его кладут на стационарное лечение, а мать освобождают от занимаемой ею ответственной должности. Теперь она стала работать на заводе, в раздевалке. Много денег проездила-прокатала она по знахарям, знахаркам, а в 1941 году началась война с Германией и стало уже не до этого.

Теперь уж я не могу точно вспомнить, когда к ним в квартиру позвонил монах-путник. Коля крикнул: «Не закрыто!». Уставший человек, извинившись, просит пригреть его у них на некоторое время. Больной хозяин приветливо соглашается. «Вот только не могу тебе приготовить сам чай», - извиняясь сказал он, показывая на инвалидную коляску, в которой сидел. – «Приготовь, пожалуйста, его сам, завтрак стоит на столе на кухне». Сев за стол, они разделили завтрак и чаепитие. Как выяснилось при знакомстве, молодого путника-монаха звали от. Сергей. Во время чаепития от. Сергей завёл разговор с болящим (необыкновенной красоты лица) юношей на религиозную тему, о том верует ли он и как верует. После этого от. Сергей покидает молодого калеку и отправляется на Смоленское кладбище, чтобы посетить часовню Ксении Блаженной. Монах появился у них в доме ещё раз через несколько дней. Измученная мать была страшно рада этому страннику, оставляет его жить у себя на неограниченный срок. Вот только теперь началось духовное общение в

семье Радышкевичей. Много поездок совершили они по святым местам России, даже побывали в Почаеве, где болящий Николай получает некоторое исцеление от мощей преподобного Иова и святой воды источника, у него стали действовать обе руки. После чего мать юноши-калеки – Варвара Николаевна – становится истинной христианкой. Она ходит на Смоленское кладбище, приглашая приехавших на могилку к блаженной Ксении к себе домой на ночлег. В свободное от работы время она ходит в церковь, не пропуская ни одной церковной службы. Страдалец-сын так углубился в чтение книги «Четьи-минеи», подаренной ему от. Сергием, что часто даже забывал про еду. В среды и пятницы он совсем ничего не ел. По совету от. Сергия он читает после полуночи 17-ю кафизму Псалтыря. Это чтение так утешало его внутренний мир, что он легко переносил свои страдания от язв, открывшихся на его безжизненных ногах. Так пережили они эту страшную военную блокаду Ленинграда, холод, голод, нищету. После этого скорбный калека принимает постриг в монашество от епископа Эммануила, который был после ссылки (уже в 1948 г.) на Смоленском кладбище, посещая часовню блаженной Ксении. Мать сразу же узнала его, это был тот самый священник, которого она выдала властям. Кинувшись ему в ноги, она рассказала, рыдая, как её Господь наказал за тогда содеянное болезнью сына. Владыко очень серьёзно отнёсся к её покаянию, пожелав видеть больного страдальца-сына. Довольно долго он прожил в их квартире, пока не получил назначение на приход в пригородном храме. Затем, после посещения Псково-Печерского монастыря, с благословения старца схииеромонаха Симеона он уезжает в г. Ташкент, переписываясь с семьёй Радышкевичей и не теряя связи с теми, кто пригласил его в Питере на Васильевском острове. Уезжая, владыко благословил своего духовного сына на постриг (в схиму), подарив ему свой наперстный крест с частью мощей святителя Николая, оставив на главе его свою духовную благодать. После чего Николай Николаевич прозревает и помогает своими молитвами страждущему православию.

В 1963 году на день праздника Архистратига Михаила он после ночного чтения 17-й кафизмы Псалтыря очень крепко заснул на своей убогой кровати. Его разбудил яркий свет в большом окне квартиры, который мощным лучом упирался в тёмное осеннее ленинградское небо. Свет мгновенно исчез, а напротив его постели появился старец, очень благообразный, и говорит ему: «Вот сейчас ты, Коля, молился о спасении народа русского. А ведь для этого необходимо великое покаяние! В следующие 7 ночей не спи в этот час», – было это ровно в три часа ночи, только что пробили большие старинные настенные часы. – «Смотри в своё окно и жди, когда небо ночное начнёт пробивать такой же неземной луч света, затем сразу же будет появляться свиток, на котором по-славянски будут написаны слова молитвы – она будет закончена в седьмой день. После этого я скажу тебе значение

содержания этой молитвы». Затем старец исчез.

Так оно всё и было. Холодное тёмное осеннее небо ровно в три часа ночи озарилось ярким светом, который освещал белый свиток с написанными славянскими буквами словами по определённой временем строке каждую ночь. Шесть дней Николай Николаевич записывал эти слова, считая, что явление закончилось. Но в седьмую ночь его, уже задрёмывающего, ослепительный свет заставил ещё раз смотреть в окно, где уже колыхалось полотно свитка, показывая всю молитву целиком с последним словом «Аминь». Буквы молитвы были яркого алого кровавого цвета, от чего даже резало глаза. В следующие же дни ночное небо так и оставалось обычным, холодным, сырым. Только в ночь на 4 декабря (праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы) спящего в кровати Николая разбудил всё тот же старец, только уже с посохом в руке и в митре: «Слушай внимательно содержание и происхождение этой молитвы – *«За всё прими от нас честь, хвалу и славу Пресвятая Троице – Отец, Сын и Святой Дух, всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»*. Когда Господь собрал своих учеников на трапезование Тайной вечери, то благословляя яствие и питье их и возблагодарив, каждому подавал хлеб и вино. Но ни один из сидящих за этим трапезованием не услышал слов его благодарственной молитвы, потому что Сам Господь был с ними, зная их духовное состояние он оставил им свою духовную благодать, готовясь к Распятию. Апостолы, вращаясь потом среди народа израильского, всегда благодарили Бога за свои успехи в проповедовании Слова Божия, но каждый делал это по-своему. Так эта молитва была сокрыта до сего времени, когда истинно верующий христианин будет окружён такой поистине сатанинской злобой, развратом людей в самых последних временах века, что за каждый прожитый им день будет только благодарить Бога. Теперь сила этой молитвы, прочитанной на Тайной Вечери Самим Иисусом Христом, открыта для спасения и покаяния душ христианских. Аминь! Беседу же вёл с тобой Дмитрий – Ростовский иерарх».

Когда Николая Николаевича пришел исповедовать и причастить его как именинника в праздник святителя Николая (зимнего) его духовник от. Григорий Селиванов, то в подарок ему принёс ничто иное, как творения святителя Дмитрия Ростовского, посоветовав сделать выписку из его проповеди, сделанной на праздник жён-мироносиц, о последних временах нашего века. Николай Николаевич в свою очередь подарил ему молитву, прочитанную им на ночном ленинградском небе. До меня эта молитва дошла только в 1975 г., когда по Воле Божией мне пришлось побывать у этого страдальца века 19 декабря, в день именин самого Николая Николаевича. Протянув мне свои записи, он сказал: «Это надо донести до всех людей православных, страждущих от сатанинской злобы». Я попросила его молитв и благословения на это подвиг послушания. Несколько раз, приезжая к нему из

Переславля, я встречала у него очень благообразного монаха от. Сергия, который вырос в медвежьей берлоге дремучих Мстинский лесов, кем-то заброшенный туда в июле 1902 г. из г. Клинцов, завернутый в одеяло. Его нашёл старый лесник, приходивший на вырубку за малиной. Не говоря никому о своей находке, он растил его в своей лесной избушке до 1918 г. После чего поручил своей младшей сестре (глухая старая дева) опекать юношу. Очень тяжело было в годы войны, юноша носил одежду своего покойного спасителя, он кормил не только себя, но и всех, кто был очень голоден в те военные времена.

Его крестили в 3-х летнем возрасте в г. Можайске. Покровителем этого города до сих пор считается святитель Николай, изображённый на иконе с высоко поднятым мечем в правой руке. Крестил его сам Иоанн Кронштадтский, который часто приезжал в гости к местному священнику – брату того лесника. Сам Иоанн нарёк его именем Сергий, потому что крестины были в день обретения мощей преподобного Сергия (18 июля н.ст.). Старая дева стала его крёстной матерью. Батюшка, сидя за столом, сказал его опекуну: «Вы посмотрите какой невероятной внешней красотой одарила мальчика природа Мстинских лесов, так будет же невероятно сильна и красива благодать души его, которой вознаградит Господь под покровительством молитв преподобного чудотворца Сергия Радонежского».

В Питере от. Сергий, совсем нелегально, появился впервые на Смоленском кладбище в сане постриженного уже монаха-странника. Также «нелегально» он появился и в квартире у болящего калеки – юноши-красавца Николая. В 1969 г. он поселился в доме на Ржевке Охтинского района, который подарил от. Сергию умирающий священник. Так что причт Охтинского храма очень хорошо знал этого старца по его прозорливости. Когда на Охте в Георгиевском храме после заказной панихиды я подошла к от. Сергию, стоявшему у чудотворной иконы «Скоропослушница», он сказал мне: «Что ты плачешь, ты ничего не потеряла с его смертью. Ты радуйся тому, что в его лице ты узрела волю Бога, Царя, пророка». Вот после того случая, читая труды святителя Феофана-Затворника, я и вспомнила ту встречу с от. Сергием-Рязанским, который прозревая как бы вперёд времени, сказал мне о том человеке, который подарит такую желанную благодарственную молитву. Я действительно встретила такого великого перед Богом своим страдальческим подвигом жизни человека, к которому, когда ему было всего 14 лет, явилась сама блаженная Ксения. Как «власть имущая», она заставила его во сне наизусть выучить молитву Иисусову, которая никогда не прекращалась в его уме до самого смертного часа. Иначе где бы мог он взять столько сил для терпения боли от ног, изъеденных ранами до самых костей.

С какой неземной добротой и лаской встречал Николай Николаевич нас у себя в квартире. Благодарственную молитву перед едой всегда читала Александра Петровна, бывшая балерина Воронежского театра оперы и балета. А когда присутствовал за

праздничным столом именинника от. Сергей, то он всегда читал молитву 21-го псалма: «Ядят убозии, и насытятся, и восхвалят Господа взыскающие Его, жива будут сердца их во век века. Помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся пред Ним вся отечества язык. Яко Господне есть Царствие, и Той обладает языки». «Аминь!» - говорил Николай Николаевич. Провожая, он каждого благословлял тремя конфетками. Фантики, в которые были завернуты эти конфетки, мы считали его предсказаниями на события, которые ожидали нас в ближайшие дни. Но так велика была сила этого благословения, что имея их в кармане, ты живёшь как ребёнок, направляемый хорошим воспитателем – добрым и мудрым учителем.

Николай Николаевич очень много раз задавал нам уроки: вот это, мол, надо выполнить после Крещения, хотя мы в это время сидели за праздничным столом, встречая Пасху. В те теперь уже далёкие времена никто и думать не думал, что все будут свободно ходить в открытые по всей России храмы. Мне вспомнились эти его задания, когда отмечалось 1000-летие Крещения Руси. Николай Николаевич, давал, например, такое наставление: «Ты, Лина, когда будешь писать записку об упокоении в церкви вашего Данилова монастыря, не забудь и про меня. Я-то не доживу до тех времён, когда для вновь открывшихся у вас в Переславле храмов не будет хватать священников!!! А там уже Суд Божий будет недалеко, на пороге веков!». Александра Петровна его спрашивает: «Николай Николаевич, как же нас Господь будет судить?». «Он – жезлом железным. В правительственных кругах засядет Хаз-Булат, который наводнит Россию эфиопами, а русскую молодёжь оденут в солдатскую форму и будут уничтожать отрядами далеко в горах Кавказа. «Александра Петровна снова спрашивает: «Да за что же, Господи?». «А за то, что почти в каждой семье православной за столом вместо хлеба будут подавать (по евангельской притче) финский металлический нож. Зачем? А затем, чтобы развалить русскую семью, ведь нож – жало смерти, корень зла, разбоя, братоубийства. Тогда вот и сбудутся слова Евангелия – «пойдет сын на отца, невестка на свекровь свою, брат напротив брата». Поэтому Господь открыл нам эту благодарственную молитву, которая будет читаться в домах христианских. Эта молитва только для чтения у домашнего очага, она сохранит семью от распрей. Люди в то время будут так завистливы, что своей внутренней злобой будут покушаться даже на цветущее здоровье и юношескую свежесть лица других людей, не защищённых нательным крестом. Страшные времена злобы окутают Русь Святую так, что едва праведник спасётся. Только мы с вами, Александра Петровна, до той поры не доживём, а вот Капитолина Андреевне много придётся после Крещения потрудиться и пережить. Нескоро, однако, всё это будет, совсем нескоро», – ответил Николай Николаевич, натягивая бархатную скуфеечку почти до самого носа своего. – «Вот

когда ты, Андреевна, увидишь у своих знакомых на столе металлический нож, то не садись за предлагаемое тебе угощение, потому что там уже полностью отсутствует Благодать Божия. За столом сидит сатана, а вместо хлеба лежит змея!!!».

В редком доме теперь не кладётся на стол нож – это жало смерти! В редком доме теперь семья живёт безбедно, без скандалов, без развала. Нож, гуляя по застолью Русскому, выметает не только семейную слаженность, но и материальное благополучие, все деньги из наших карманов выметаются так, что вся страна Советов живёт в неимоверных долгах. Сбылись евангельские слова о том, что «кровь будет проливаться без войны почти у каждого окна дома» – жезл разбоя проливает реки человеческой крови. Вот как вкралось в русские семьи «хаз-булатное» жало смерти. «К концу нынешнего века», - говорил Николай Николаевич, - «люди будут плавать на разбитом корабле греха из последней заповеди Божией!!! Будут воровать, посягать на человеческие способности, на его ремесло, отнимать чёрным делом магии и ворожбы здоровье молодёжи до полного уничтожения достоинства каждого человека. Пьянство через общение со стеклянным стаканом отнимет ум и богатырскую силу народа, сделает русских мужиков половыми тряпками, а дети их будут умирать от голода и холода в настроенных для них многоэтажных больницах. Спасутся только те христиане, которые в доме своём будут читать благодарственную молитву (прочитанную Господом при Тайной Вечери и сокрытую им до наших времён), окружённые сатанинскими сектами, разрушающими веру православную жестокостью, злобой, завистью».

Умер Николай Николаевич 21 августа 1978 года, он был похоронен на Охтинском Георгиевском кладбище недалеко от самой церкви, под тремя стройными берёзами. Могилка его освещается горящей и день и ночь лампадкой, закрытой самодельным стеклянным фонариком, за которой постоянно следят прихожане. Сколько же чудес творится теперь от кладбищенского могильного креста молитвами Гаванского страдальца века. Аминь!

Озираясь на всё пережитое, ещё раз хочется повторить слова, сказанные великим угодником Божиим – святителя Феофаном Затворником: «Всё Бог – везде Бог!!! Но пути Его дивны, а главное – сокровенны. Даже сам руководимый Промыслом Божиим узревает их уже после, озираясь вспять!!!».

Вот теперь слова Евангелия всё больше и больше открывают книгу жизни нашей: «Убивая душу, будет убивающий её считать своё дело благим». Душа наша вся находится в составе крови, омывающей наш мозг, сердце, суставы, всю периферию тела нашего. Она священна только у православного христианина, омытого от всякой скверны в купели при Крещении, освящённого елеем помазания крестящего дитя священника. Вот почему

столько на неё охотников, сколько покушений на каждого крещёного христианина. Вот поэтому-то сила благодати православной христианской души непобедима вратами ада и жалом смерти в её вечности. Аминь!

Литература

1. Сказание о явлении Честного Животворящего Креста Господня и чудотворца Николая в погосте Никольском Ростовского уезда. Издание церковного старосты крестьянина Василия Петровича Ехлакова. Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1874.
2. Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и великого во святителях Чудотворца Николая в Никольском погосте, что слывет на болоте у Иисусова Креста, и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от Животворящего Креста Господня и Святителя и Чудотворца Николая. Издание церковного старосты крестьянина Василия Петровича Ехлакова. Ярославль: Типография Г.Фалька, 1882.
3. Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая в Никольском погосте, что слывет на болоте у Иисусова Креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от Животворящего Креста Господня и святителя и чудотворца Николая: Благотворительный фонд им. академика И.П. Павлова. Москва. 1999.
4. Шкатов М.Е.: Беседы в Годеново: Мир Креста, 2014.
5. Сайт Годеново Животворящий Крест
<https://www.godenovo.ru>
6. Сайт Переславского Горицкого монастыря
<https://www.goritskiy.ru>
7. Сайт Переславского Свято-Никитского мужского монастыря
<http://nikitskiy.cerkov.ru/>
8. Сайт Переславского Свято-Никольского женского монастыря
<http://nikol.cerkov.ru/>
9. Кресты в ГУЛАГе
<https://rusk.ru/st.php?idar=64082>
10. Сайт Ярославской Епархии.
11. Слово о Переславле. Земля Русской святости. Свято Никольский Переславский женский монастырь. Издательство «Отчий дом». М., 2004.
12. Ростовская иерархия. Материалы для истории русской церкви. Титов А.А. Москва. Типография Снегиревых. 1890.

Капитолина Андреевна Пыряева

Жизнь прожить – не поле перейти (дневники старицы)

Подписано в печать – 2021г. Формат 64 х 90 1/16. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Издательского дома «Рус-Кор».

Благочестивый читатель

Просим помочь в строительстве храма-часовни во имя иконы Божией Матери
«Взыскание погибших», строящегося в пос. Студёном Тульской области по
благословению матушки Капитолины Андреевны, схиархимандрита Назария и
схиархимандрита Илия. Будем благодарны.

Карточка Сбербанка 5469 3800 7595 4494

© Благотворительный фонд им. академика И.П. Павлова

**ЧТО БЫ В ЖИЗНИ НИ ПРОИСХОДИЛО,
КАК БЫ ТРУДНА НИ БЫЛА НАША ЖИЗНЬ,
ДАЙ БОГ ВСЕГДА ПОМНИТЬ
ЭТО ЕВАНГЕЛЬСКОЕ УТЕШЕНИЕ:
«НЕВОЗМОЖНОЕ ЧЕЛОВЕКУ
ВОЗМОЖНО БОГУ»**